

Per A-1169
- 300

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 300 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
XV

TARTU 1972

Per A-1169
-300

TARTU RIIKLIKÜ ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 300 ВПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ**

XV

**Kriminaalõiguse, kriminoloogia, kriminaalprotsessi
ja kriminalistika aktuaalseid küsimusi**

**Актуальные вопросы уголовного права, криминологии,
уголовного процесса и криминалистики**

TARTU 1972

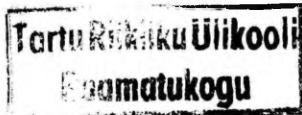
Redaktsioonikolleegium:

E. Laasik, J. Mäll, A. Uustal (esimees), P. Vihalem, A. Paltser
(vast. toimetaja)

Редакционная коллегия:

Э. Лаасик, И. Мялл, А. Уустал, П. Вихалем,
А. Палтсер (отв. редактор)

1970. a. oktoobris toimunud teaduslik-praktilise konverentsi materjalid
Материалы научно-практической конференции, состоявшейся в октябре
1970 года

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
XV

На эстонском и русском языках
Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Vastutav toimetaja A. Paltser
Korrektorid E. Oja, O. Pravdin, V. Loginova

Ladumisele antud 17. XII 1971. Trükkimisele antud 11. X 1972. Trükipoognaid 9.5. Arvestus-
poognaid 10.7. Trükiarv 500. Kohila Paberivabriku trükinaber nr. 2. 60×90, 1/16. MB 09121.
Tell. nr. 7661

Hans Heidemanni nim. trükikoda, ENSV, Tartu, Ülikooli tn. 17/19. III

Hind rbl. 0.95

1—14

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЭСТОНСКОЙ ССР

Доктор юридических наук И. Ребане

Тартуский госуниверситет

Вопрос, на который настоящая конференция ищет ответ, можно было бы в самом общем виде сформулировать примерно следующим образом: как добиться большей эффективности в борьбе с преступностью? Названной проблеме в той или в иной мере посвящены все доклады конференции независимо от того, относятся ли они к уголовному праву или криминологии, к уголовному процессу или к криминалистике, к научным основам подготовки нормативных актов или к другим научным дисциплинам. На решение этой проблемы направлены усилия как практических работников юстиции, так и ученых, участвующих в конференции. А если иметь в виду, что в работе конференции принимают участие далеко не все работники органов юстиции, то нет оснований жаловаться на недостаток сил на фронте борьбы с преступностью в республике. И все-таки мы обеспокоены: до сих пор наша работа, несмотря на все усилия, не привела к таким положительным результатам, какие мы хотели бы увидеть.

Задача, над решением которой мы работаем, конечно, очень трудная. Борьба с преступностью крайне сложна и имеет ряд аспектов. Сейчас уже никто не сомневается в том, что искоренить преступность невозможно только с помощью уголовного кодекса, путем установления уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступления. Упрощенные, односторонние, а следовательно и ложные представления о борьбе с преступностью наконец-то преодолены.

Борьба с преступностью представляет собой весьма сложное социальное явление, в первую очередь, потому, что преступность сама зависит от многих объективных и субъективных факторов. Нет такого универсального средства, при помощи которого можно было бы устранить действие всех факторов. Уголовная ответственность, как и уголовное право в целом, только одно из

средств, притом субсидиарных средств, с помощью которых можно добиться уменьшения преступности в нашей стране. При помощи одних только уголовно-правовых средств нельзя искоренить преступность. В программе партии четко указывается, что условиями искоренения преступности в нашей стране являются рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся.¹

Отсюда можно как будто заключить, что если бы с этими условиями дело обстояло неблагоприятно, то при самом лучшем законодательстве и при самой лучшей организации назначения и исполнения наказаний имел бы место рост преступности, в том числе рецидивной преступности. И напротив: при наличии этих условий преступность в целом и, в частности рецидивная преступность, будет снижаться и при неудовлетворительном законодательстве, при неудовлетворительной организации назначения и исполнения наказаний. Это, разумеется, не исключает того, что в отношении отдельных преступлений или в отношении отдельных категорий преступников, например закоренелых преступников и стойких рецидивистов, наказание может играть более существенную, в отдельных случаях — даже решающую роль.²

В этом смысле важное значение имеет положение о том, что «пока имеются проявления преступности, необходимо применять строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления».³

Тем не менее нет оснований утверждать, будто в большинстве случаев имеется непосредственная связь между состоянием преступности, в том числе рецидивной преступности, с одной стороны, и уголовным и исправительно-трудовым законодательством и практикой применения этих законов, с другой. Мы уже отметили, что преступность, следовательно и рецидивная преступность, зависит от многих факторов, и до сих пор не удалось и не удастся искоренить преступность лишь путем законодательного запрещения преступлений. Нельзя переоценивать роль уголовных законов в борьбе с преступностью. Результатом подобной переоценки было бы чрезмерное переключение внимания законодателя и общественности с широких социально-организационных мер борьбы с преступностью главным образом на меры по усовершенствованию уголовного законодательства и практики

---

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962, стр. 307.

² Б. С. Никифоров. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. — Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968, стр. 9—10.

³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962, стр. 307.

его применения.⁴ Это сопровождалось бы частными изменениями уголовных законов, неустойчивостью практики, и, к сожалению, экспериментированием в области законодательства, которое никак нельзя оправдать.

Если мы сейчас признаем преступность социальным явлением, а причины преступности изыскиваем в процессах общественной жизни, то отсюда непосредственно вытекает необходимость положить в основу программы борьбы с преступностью использование социальных факторов, или, говоря другими словами, профилактика преступности должна быть в первую очередь социальной профилактикой.

Здесь и возникает одна из самых острых и, на первый взгляд, даже ведущих в тупик проблем борьбы с преступностью. Если условием искоренения преступности в нашей стране действительно является рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся, то криминологам пришлось бы разработать конкретную программу этого роста. Но это криминологам не под силу и не является их задачей. Кроме того, темпы роста в нашей стране не зависят от добрых пожеланий участников борьбы с преступностью.

Оказывается, что мы пришли к весьма пессимистическим выводам. Мы будто бы сами исключаем себя из борьбы с преступностью и признаем скудность своих сил.

Оснований для подобного пессимизма все-таки не имеется.

Прежде всего следует со всей категоричностью подчеркнуть, что преступность не укореняется в экономической структуре социалистического общества, в основах советской власти. Более того, основные социальные процессы нашего общества не порождают преступности, а, наоборот, направление, по которому эти процессы протекают, содействует сокращению преступности. Это относится прежде всего к постепенному росту материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности населения. Но вместе с тем нельзя отрицать и того, что определенные социальные процессы порой сопровождаются некоторыми отрицательными побочными явлениями, которые тоже имеют социальную природу и порождают в нашем обществе некоторые конфликтные очаги и тем самым способствуют сохранению преступности, а в отдельных случаях имеют своим последствием даже некоторый ее рост.

Подобные побочные явления, о которых идет речь, возможны до тех пор, пока уровень материальной обеспеченности, культурный уровень и сознательность населения не достигли той высоты, какую предполагает программа партии. В конкретных усло-

---

⁴ Б. С. Никифоров. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. — Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968, стр. 10.

виях времени и места эти побочные явления вероятны. Но не все они неизбежны и в каждом случае можно бороться с ними и свести их к определенному минимуму даже тогда, когда материальная обеспеченность, культурный уровень и сознательность населения еще не достигли желаемого уровня. По сути дела здесь и начинается работа криминологов.

Задача состоит в том, чтобы исследовать ход социальных процессов в конкретных условиях времени и места, выявить криминогенные факторы, сопровождающие эти процессы в нашем обществе, и найти средства для их устранения или хотя бы для нейтрализации их отрицательного действия. Объект подобных исследований должен быть в высшей степени конкретен, так как криминогенные факторы становятся побудительной силой только при определенных формах проявления этих процессов в результате специфического переплетения различных обстоятельств, то есть встречающиеся в нашем обществе криминогенные факторы являются лишь побочным результатом некоторых общественных процессов.

Разумеется, нельзя по собственному усмотрению отменить основные социальные процессы, протекающие в силу свойственных им закономерностей по определенному направлению. К тому же в этом и нет необходимости. Ведь речь идет о процессах, которые сами по себе не могут быть рассмотрены как явления отрицательные. Это процессы, двигающие развитие нашего общества вперед. Задача состоит в том, чтобы устранить факторы, препятствующие этим процессам, а также отрицательные побочные явления этих процессов. А это вполне возможно, так как эти побочные явления противоречат основному направлению общественного развития, и, как сказано, не являются неизбежными.

Ввиду таких корней и характера криминогенных факторов, борьбе с преступностью (если при этом учесть также криминологические аспекты этой борьбы) и в Эстонской ССР присуща определенная специфика. Криминологические выводы общесоюзного масштаба, вследствие слишком высокого уровня обобщений, во многих случаях не имеют большой практической ценности в деле борьбы с преступностью в условиях Эстонской ССР.

К сожалению, мы только теперь начинаем глубже познавать специфику криминологических аспектов борьбы с преступностью в Эстонской ССР. Остановимся на некоторых из них.

Общезвестно, что урбанизация в Эстонской ССР достигла очень высокого уровня. Это сопровождается большой миграцией населения и высоким процентом участия населения в трудовом процессе. Между тем в криминологии общезвестно, что индекс преступности в городах гораздо больший, чем в деревне. Неоспоримо также, что между миграцией населения и состоянием пре-

ступности имеется положительная корреляция. Вместе с тем достоверно установлено, что преступность несовершеннолетних относительно большая в тех случаях, когда женщины, имеющие детей, участвуют в трудовом процессе. Тем не менее эти неоспоримые факты недостаточны для практических выводов в борьбе с преступностью. Если ограничиться только этими, самыми общими положениями, то следовало бы прийти к выводу, что необходимо тормозить урбанизацию, ограничивать миграцию населения и быть осторожным в развитии экономики — рост процента населения, занятого в трудовом процессе, повлек бы за собой увеличение преступности несовершеннолетних. Правда, процесс урбанизации и миграции населения подлежит в какой-то мере регулированию, но избежать его нельзя и совершенно бессмысленно было бы противодействовать вовлечению населения в трудовой процесс. Это только тормозило бы экономическое развитие и противоречило росту материальной обеспеченности населения. Задача криминологов совсем иная. Они должны устанавливать причинные связи между подобными социальными процессами и ростом преступности как отрицательным побочным явлением таких процессов, и указывать на средства, при помощи которых можно было бы прервать названные связи.

Преступность не могла бы сохраняться, если бы механизм социальной регуляции поведения человека функционировал бесперебойно. Ведь совершение преступлений свидетельствует именно о том, что этот механизм в соответствующих случаях «изработался». Для того, чтобы установить, какова связь между урбанизацией и миграцией населения, с одной стороны, и преступностью — с другой, нужно выяснить, почему не действует механизм социальной регуляции поведения людей, которые переезжают в город, меняют место работы или переходят из одной среды в другую. Вместе с тем необходимо найти средства для повышения эффективности тех механизмов, при помощи которых регулируется поведение названных групп населения, и заменить этими механизмами прежние регуляторы их поведения, которые перестали функционировать в новой среде. В этом и состоит одна из узловых проблем борьбы с преступностью в Эстонской ССР.

При этом, в рамках настоящего доклада, можно обратить внимание лишь на некоторые аспекты проблемы, к сожалению, в довольно общем плане.

Естественно, что в деревне отношения между людьми персональные — почти все жители данной местности знают друг друга. Можно прямо сказать, что человек живет на глазах у других, и, следовательно, под контролем привычной среды. Совершенно иначе обстоит дело в городе. Здесь отношения между людьми в преобладающем большинстве безличные, неустойчивые, а контроль над поведением каждого человека довольно поверхностный.

Эти обстоятельства имеют своим следствием то, что социальная регуляция поведения человека в городе в общем слабее. Проблема в том и состоит, каким способом усилить социальную регуляцию поведения людей особенно тогда, когда речь идет о мигранте, который в новой среде чувствует себя освобожденным от прежних тормозов.

С точки зрения социальной регуляции поведения людей очень большое значение, несомненно, имеет то обстоятельство, что человек сознает общественный порядок как фактически существующую социальную реальность, которая ставит определенные рамки его поведению и немедленно реагирует, если эти рамки переступаются.

К сожалению, общественный порядок, как воспринимаемая на каждом шагу социальная реальность, как создаваемый каждым гражданином регулятор поведения людей, у нас есть еще не везде. Зачастую бывает так, что именно тогда и там, где крайне необходимо пресечение антиобщественного поведения, никто этого не делает. Патрули милиции и народной дружины встречаются редко в наших городах. Когда они, наконец, и появляются по вызову, то нарушителю порядка слишком часто удается уже скрыться.

Важным средством регуляции поведения человека является воздействие малых групп, особенно воздействие со стороны трудового коллектива. Вживание и вращание в этот коллектив, подчинение новичка его положительному влиянию, использование всей силы общественного мнения коллектива как средства регуляции — все эти факторы имеют громадное криминологическое значение. Бытовое соседство в городе подобного влияния не оказывает, так как оно не представляет собой сплоченного коллектива, а соседями оказываются порой люди, с которыми встречаешься по совершенно случайным обстоятельствам. Тем более важно, чтобы новичок оказался в стабильном трудовом коллективе с определенными традициями и убеждениями, который был бы способен поглотить, растворить в себе каждого новопривышшего.

В связи с интенсивной урбанизацией, миграцией населения и большой текучестью рабочей силы, эта проблема стала особенно острой в Эстонской ССР. Поэтому и криминологическое исследование конкретного объекта — предприятия или завода — является у нас задачей первостепенной важности. К тому же искоренение криминогенных факторов на конкретном объекте — задача посильная. Ведь мы имеем дело с отдельными отрицательными явлениями, которые коренятся в конкретных условиях данного предприятия и вызваны недостатками и ошибками, свойственными работе этого предприятия.

О перспективности криминологического исследования на конкретных объектах в Эстонской ССР свидетельствуют работы,

проведенные нашей лабораторией. Подобные исследования следует продолжать и расширять. При этом, однако, программа исследований должна быть достаточно широкой. Было бы неправильно исследовать только правонарушителей и совершенные ими правонарушения. В профилактике правонарушений играют роль и такие обстоятельства, как спокойная и деловитая атмосфера на предприятии, нормальные взаимоотношения между администрацией и рабочими, здоровое и активное общественное мнение коллектива, высокий уровень его правосознания и общее настроение рабочих. Далеко не все равно, является ли оно бодрым, оптимистическим или подавленным и пессимистическим. Нельзя также пройти мимо того, кто на месте работы окажется т. н. неформальным лидером: либо это люди, на кого можно опираться в работе по правоохране, либо же это люди, которых нужно низводить с позиции лидера.

Наша лаборатория продолжительное время занималась исследованием общественного мнения трудового коллектива и особенно исследованием его правосознания. Нами разработаны и соответствующая программа, и методика исследования. Изучением же общественного настроения в криминологическом аспекте пока не занимались. До сих пор нет даже программы такого исследования. Между тем очевидно, что научная разработка подобного вопроса имеет определенные криминологические перспективы. Общественное настроение — важный фактор в регуляции поведения человека. Оно может оказаться развязывающей или тормозящей силой при совершении тех или иных поступков. Правда, изучение общественного настроения очень трудная задача, потому что общественное настроение довольно динамично, его очень трудно охватить и оно может передаваться другому человеку даже незаметно для него самого. Эти трудности изучения общественного настроения, в том числе настроения малых групп, следует преодолевать, ибо лишь в результате обстоятельного изучения общественных настроений они могут быть использованы как регуляторы поведения людей, с целью предотвращения преступности. Уровень научного исследования общественных настроений, уже достигнутый в области социальной психологии — в этой связи достаточно сослаться на монографию Б. Д. Парыгина⁵, — позволяет ставить этот вопрос сейчас и в криминологическом плане. Можно предположить, что в результате подобных исследований могут быть сделаны некоторые практические выводы, например, по вопросу о профилактике мелких хищений, а также по вопросу об обеспечении общественного порядка.

Предотвращение преступности — это проблема поведения,

---

⁵ Б. Д. Парыгин. Общественное настроение. М., 1966.

находящегося в соответствии с социальными нормами, или, выражаясь иначе, проблема социально адекватного поведения. Но социально адекватное поведение предполагает, между прочим, наличие устойчивого, твердо сложившегося механизма регуляции поведения людей. Подобный механизм формируется тогда, когда семья, трудовой коллектив и другие так называемые малые формальные группы, в состав которых входит человек, являются стабильными и компактными.

В Эстонской ССР, с точки зрения обеспечения социально адекватного поведения, а вместе с тем и профилактики преступности, крайне важно, чтобы ослабление социальной регуляции поведения людей, которое прежде всего является следствием чрезвычайной интенсивной мобильности населения, компенсировалось противодействием положительных факторов. В литературе в связи с этим говорилось о компенсирующих механизмах.⁶

Очевидно, в них должны играть важную роль меры по укреплению трудовых коллективов и повышению их авторитета, по образованию устойчивого ядра в каждом коллективе, по формированию общественного мнения и направлению общественных настроений, по укреплению семей и т. д. Особую важность имеют также правовое воспитание молодежи и дальнейшее повышение уровня правосознания населения.

В компенсирующих механизмах определенное место должно непременно принадлежать профилактическим средствам, целью которых является более эффективная общественная регуляция поведения несовершеннолетних, поскольку дело с семейным воспитанием в Эстонской ССР становится все менее благополучным по мере того, как женщины все больше вовлекаются в трудовой процесс, и увеличивается число разводов.

Нельзя также не отметить сложные условия исторического и культурного развития в нашей республике. Из-за близости к капиталистическому миру буржуазный образ жизни и культ вещей по различным каналам проникает в сознание некоторых людей.

Зачастую молодежь подражает такому образу жизни и культу, выдавая это за моду. При этом особенно нужно учитывать характер и интенсивность той информации, которая в индивидуальном порядке доходит до нас через проживающих за границей знакомых и родственников, которые на время приезжают к нам или с которыми наши люди соприкасаются во время зарубежных поездок. В большинстве случаев эта информация однобока и создает ошибочное представление, будто об уровне жизни в капиталистическом мире можно судить только по красивым

---

⁶ См. А. М. Яковлев. Предмет социально-правового исследования. — «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 53.

безделушкам и ценам на них. Отсюда же высокомерное и пренебрежительное отношение к социальным ценностям нашего общества, низкопоклонство перед иностранцами и стремление приобрести заграничные предметы даже ценой унижения собственного достоинства. Все это вместе взятое — прямо или косвенно — также влияет на состояние преступности в Эстонской ССР.

В настоящем докладе можно остановиться лишь на некоторых специфических проблемах борьбы с преступностью в Эстонской ССР. Говорить о борьбе с преступностью вообще не позволяет нам время, да и практической пользы в этом нет. В рамках одного доклада нет также возможности подробно рассмотреть криминологические средства предотвращения преступности в Эстонской ССР. Но мы должны себе уяснить, что острее борьбы с преступностью должно быть направлено на решительные звенья, хотя нельзя ослаблять эту борьбу ни на одном участке. Под подобными решающими звеньями нужно подразумевать самые распространенные виды преступности, а также участки борьбы с преступностью, на которых, учитывая кривую динамику преступности, положительные результаты наиболее вероятны.

Если, например, говорить о преступности несовершеннолетних в Эстонской ССР, что по-прежнему представляет собой серьезную проблему, то, не ослабляя борьбы с преступностью несовершеннолетних ни в одном звене, мы должны в первую очередь уделять внимание преступности работающих несовершеннолетних. Ведь преступность несовершеннолетних — это прежде всего преступность работающих несовершеннолетних. Здесь и нужно максимально сконцентрировать имеющиеся в нашем распоряжении силы. По-видимому, целесообразно добиваться того, чтобы республиканская комиссия по делам несовершеннолетних проявила инициативу при решении этого вопроса.

Было бы весьма полезно согласовать по линии администрации предприятий, профсоюзов и комсомольских организаций примерный план мероприятий по улучшению профилактики правонарушений и правового воспитания несовершеннолетних рабочих. Не останавливаясь на организационной стороне вопроса, отметим лишь, что в разработке этого плана должны участвовать также практические работники органов юстиции, криминологи и педагоги.

В связи с необходимостью сконцентрировать имеющиеся силы на решающих участках борьбы с преступностью, приходится, к сожалению, признать, что до сих пор мы знаем еще слишком мало о преступности, и если нас спросят, какие же участки решающие, то ответ будет весьма общим. Правда, мы знаем, что в структуре преступности в Эстонской ССР, как и в других респуб-

ликах, преобладают преступления против имущества и хулиганство. Мы знаем, что рецидивная преступность и преступность несовершеннолетних представляют собой пока в Эстонской ССР все еще исключительно серьезную проблему. Но мы даже не знаем того, каким является индекс преступности в республике, повышается ли он или снижается. О динамике структуры преступности мы, к сожалению, имеем пока весьма смутное представление.

Подобные положения обусловлены, прежде всего, тем, что в нашем распоряжении нет в достаточной мере данных демографической статистики. Так, у нас довольно неясное представление о динамике структуры населения в республике. Из-за неполноты данных демографической статистики нельзя даже при идеальном состоянии уголовной статистики сделать достоверных криминологических выводов. К сожалению, состояние уголовной статистики нас далеко не удовлетворяет, а главное — даже имеющиеся данные уголовной статистики недоступны для ученых.

При анализе состояния, структуры и динамики преступности необходимо прежде всего выяснить, каким является т. н. возраст криминальной активности в Эстонской ССР. При этом необходимо иметь в виду два обстоятельства: во-первых, процесс акцелерации, в силу которого молодежь в настоящее время созревает физически на 2—3 года раньше, а, во-вторых, продолжительность жизни человека и сохранение его физических сил в течение более длительного времени. В результате этого увеличивается из года в год контингент населения в возрасте криминальной активности. Этот процесс только частично уравнивается ростом населения, достигшего старости. Между тем ясно, что индексы преступности нужно вычислять по количеству населения в возрасте криминальной активности, а динамику преступности анализировать именно в этом плане. При таком подходе к проблеме, очевидно, можно было бы результатам борьбы с преступностью в нашей республике дать гораздо более оптимистическую оценку. Для подобного анализа у нас пока еще нет достаточного фактического материала.

Ясно, что таким же способом нужно анализировать не только общую динамику преступности в республике, но и динамику структуры преступности, т. е. изменения удельного веса отдельных групп и видов преступлений в общем количестве преступлений, а также на определенном отрезке времени в формах виновности и иных признаках, характеризующих преступность. Несомненный интерес представляет собой и вопрос о том, каков в разрезе отдельных лет удельный вес мотивов и поводов совершения преступлений, а также роль различных обстоятельств, обуславливающих и способствующих совершению разных преступлений в нашей республике.

Подобный анализ необходим не только в масштабах всей республики, но и по отдельным городам и районам. Только в результате подобных исследований можно установить, решение каких вопросов борьбы с преступностью в Эстонской ССР является самым неотложным в данный момент и в данной местности, и наметить срочные меры на конкретных участках этой борьбы.

Для подобного обширного исследования преступности в масштабах всей республики в настоящее время нет достаточных материальных предпосылок. Но так как задача сама по себе неотложна и пора покончить с действиями наугад, то наша лаборатория приступила к изучению по обширной программе динамики, состояния и структуры преступности в двух городах Эстонской ССР — в Тарту и Кохтла-Ярве за 1958, 1964 и 1970 годы. Охватить исследованием более ранние годы невозможно, так как судебные дела за эти годы сохранились только частично. Поскольку же за перечисленные годы статистически обобщены все судебные дела и их общее количество в год примерно составляет 500, то можно предположить, что полученные результаты являются достаточно репрезентативными⁷ и говорят кое о чем и в масштабах всей республики.

Значение настоящего исследования, проведенного по обширной программе, состоит в том, что на основе полученного исключительно богатого фактического материала можно найти ответы на многие вопросы, возникающие в дальнейшем в практической работе органов юстиции. При научной разработке собранного материала всех этих вопросов пока еще нельзя предвидеть. Достаточно отметить, что исследованием получены ответы более чем на 80 вопросов, примерно с 500 вариантами этих ответов. Таким образом, число возможных связей между явлениями огромное.

В связи с этим приводим некоторые первоначальные и самые общие результаты исследования по городу Тарту.

Из полученных данных выясняется, что возраст уголовной активности человека у нас практически начинается на 16-м и кончается на 50-м году жизни. Если сравнить удельный вес отдельных возрастных групп населения с общим количеством преступлений, совершенных соответствующей возрастной группой, то результаты следующие. Процент преступлений, совершенных гражданами данной возрастной группы, превышает удельный вес соответствующей возрастной группы в общем количестве населения у 16—17-летних на 11,2% и у 18—24-летних (исключая студентов) на 18,2%, а меньшим он является у 14—

---

⁷ Криминология. М., 1968, стр. 257—259.

15-летних на 2,9%, у 25—29-летних на 1,6%, у 30—39-летних на 4,6%, у 40—49-летних на 7,0% и у 50—50-летних на 12,9% (данные 1970 г.).

Удельный вес мужчин в преступности почти на 40% выше их удельного веса в общем количестве населения, а у женщин почти на 40% ниже. Интересно отметить, что почти половина осужденных в г. Тарту родились в деревне. Это свидетельствует об относительно высоком уровне преступности среди мигрантов.

Рецидивная преступность в общем количестве преступлений равна примерно 20%.

Данные исследования подтверждают, что преступления, совершенные по неосторожности, составляют незначительный процент в общем количестве совершенных преступлений. Удельный вес всех преступлений, при совершении которых либо само поведение виновного характеризуется неосторожностью, либо преступные последствия, в том числе последствия, не входящие в состав преступления, были причинены по неосторожности, не превышает 5% общего количества преступлений.

Разумеется, собранные данные нуждаются в дальнейшем анализе и лишь после такого анализа можно по ним делать практические выводы о том, как добиться большей эффективности в борьбе с преступностью.

В заключение несколько слов об организационных вопросах, относящихся к криминологическим исследованиям в республике. Не подлежит сомнению, что республике необходим центр криминологических исследований. Как известно, подобные функции выполняются Проблемной лабораторией по криминологии ТГУ. Приятно отметить, что практические органы — Прокуратура Эстонской ССР, Верховный Суд Эстонской ССР, Министерство Внутренних Дел Эстонской ССР, Коллегия Адвокатов Эстонской ССР и Юридическая комиссия при Совете Министров Эстонской ССР активно принимают участие в этой работе, оказывают нам деловую помощь и охотно обсуждают вместе с нами возникшие в ходе этой работы проблемы. Мы надеемся, что подобное плодотворное сотрудничество продолжится и в дальнейшем.

К сожалению, необходимо констатировать, что возможности Проблемной лаборатории по криминологии ТГУ весьма ограниченные. У лаборатории отсутствует нужная материально-техническая база, штатных работников крайне мало. Проведение же криминологической исследовательской работы главным образом на общественных началах невозможно. Чтобы достичь успехов в криминологической исследовательской работе в республике, нужен соответственно укомплектованный и снабженный материально-технической базой исследовательский центр.

NÕUKOGUDE KRIMINAAL- JA KRIMINAALPROTSESSI SEADUSANDLUSE ETTEVALMISTAMISE TEADUSLIKEST ALUSTEST

K. Paas

Eesti NSV Ministrite Nõukogu juures asuv Juriidiline Komisjon

Kriminaal- ja kriminaalprotsessi seadusandluse ettevalmistamine on lahutamatult seotud seadusandluse ettevalmistamisega üldse. Viimast ei saa omakorda lahutada juriidilise kaadri ettevalmistamise, õigusliku kultuuri ja juriidilise tehnika küsimustest.

Kõigepealt kaader. Ilma kõrgesti kvalifitseeritud juriidilise kaadri ettevalmistamiseta ei ole mõeldav seadusandluse ettevalmistamise taseme pidev tõus.

NSV Liidu liidulis-vabariikliku justiitsministeeriumi ja samanimeliste ministeeriumide loomine liidu- ja autonoomsetes vabariikides ning justiitsosakondade moodustamine kraides ja oblastites, aga samuti neile ministeeriumidele ja justiitsasutustele omistatud funktsioonid seavad juriidilise kaadri ettevalmistamise küsimused hoopis uuele tasemele.

Rääkimata kohtu, prokuratuuri ja uurimisorganite kindlustamisest juriidiliselt ettevalmistatud kaadriga, on juba üksi uute justiitsasutuste komplekteerimine praeguse juristide ettevalmistamise kontingendi juures suureks probleemiks. Kui aga arvestada asjaolu, et justiitsministeeriumidele on pandud peale kohtute ja teiste justiitsasutuste riikliku juhtimise ja nende tegevuse edasise täiustamise ka õigusliku töö meetodiline juhtimine rahvamajanduses, samuti ettepanekute ettevalmistamise töö paremustamine seadusandluse süstematiseerimise ja kodifitseerimise kohta, siis ei tulene siit mitte ainult juriskonsultide juriidilise ettevalmistamise kasvav vajadus, vaid ka vajadus ette valmistada juriste mitmesuguste ametikohtade jaoks nõukogude aparaadis.

Vabariigis valmistab kõrgema haridusega juriste ette TRU Õigusteaduskond. Kuid ülikoolist igal aastal väljalastav noorte spetsialistide kontingent pole seni olnud piisav vakantsete kohtade täitmiseks. Vabariigi ees seisvate uute ülesannete jaoks jääks

see aga koguni puudulikuks. Sellepärast on üliõpilaste arvu tõstmine õigusteaduskonnas üks pakilisemaid ülesandeid.

Peale selle on vaja organiseerida vabariigis juriidilise kvalifikatsiooni tõstmise kursused, kus võiksid värskendada oma teadmisi need kõrgema haridusega juristid, kelle ülikooli lõpetamisest on möödunud palju aega.

Nii nagu kõigil aladel, nii peame ka kõrgema haridusega juristide ettevalmistamisel olema ökonoomsed. Meie ei ole nii jõukad, et võiksime pillata ja kulutada riigi raha millelegi mittehädavajalikule. Nõukogude aparaadis ja ühiskondlikes organisatsioonides on palju selliseid ametikohti (näit. küla- ja alevinõukogude sekretärid ja esimehed, kohtuistungite sekretärid, kohtutäiturid, kaadriala töötajad, seltsimehelike kohtute esimehed jne.), kus edukaks töötamiseks on küll vaja juriidilist haridust, kuid kus see ei pruugi tingimata olla kõrgem haridus, vaid piisaks ka juriidilisest keskharidusest. Sellepärast oleks meie arvates õige taastada omal ajal likvideeritud tehnikumi tüüpi juriidiline kool statsionaarse ja kaugõppe osakondadega, mille lõpetamine annaks juriidilise keskhariduse.

See aitaks kiiremini ja vähemate kulutustega lahendada juriidilise kaadri küsimuse vabariigis.

Selle iseloomustamiseks võiks tuua mõningaid arve. Sm. Tamm oma dissertatsioonis «Eesti NSV kohalike nõukogude valitsemise aparaadi formeerimisest ja arenguperspektiividest» toob huvitavaid andmeid. Tema poolt küsitletud 3321 kohalike nõukogude täitevkomiteede aparaadi töötajast on ainult 13% kõrgema haridusega, keskharidusega 53,3%, ülejäänud on algharidusega. 421 algharidusega töötajast 180 kuuluvad juhtivate töötajate hulka, 108 on aga täitevkomiteede osakondades ja valitsustes spetsialistide kohtadel.

Teiste sõnadega, 3321 töötajast ei ole ametikohale vastava haridusliku tasemega 2514 töötajat või 75,7%. Nii madalat hariduslikku taset kohalike nõukogude täitevkomiteede aparaadi töötajate hulgas ei ole üheski teises liiduvabariigis. Halvem on aga see, et neist töötajaist, kellel ei ole ametikohale vastavat haridust, jätkavad õppimist kõigest 274 töötajat ehk 10,9%. Teised ei õpi kusagil.

Rööbiti spetsialistide ettevalmistamisega tuleks suuremat tähelepanu osutada õiguslikule propagandale ja juriidiliste teadmiste levitamisele rahva hulgas. On ju üldtunnustatud tõsiasi, et mida kõrgem on rahva õigusteadvus, mida laiem on tema silmaring, seda vähem on õiguserikkumisi ja seda kõrgem on õigusliku kultuuri tase.

Suureks panuseks rahva õigusteadvuse tõstmisel oleks see, kui üldhariduslike keskkoolide ja keskerihariduslike koolide vanemates klassides ning kõrgemates õppeasutustes seataks sisse kohustusliku õppeainena õpetus nõukogude õiguse alustest. Liiduvaba-

riikides (näit. Usbeki NSV-s), kus seda mitmes üldhariduslikus keskkoolis (olgugi fakultatiivainena) juba õpetatakse, on niisugune õppetöö andnud häid tulemusi.

Kõigiti tuleks laiendada ja edasi arendada juriidiliste rahvaülikoolide võrku ning maksimaalselt kasutada kõiki teisi juriidilise propaganda vorme.

Muidugi mõista ei seisne ülesanne ainult selles, et valmistada ette vajalik arv juriste, tõsta nende kvalifikatsiooni ja levitada rahva hulgas juriidilisi teadmisi. Tähtis on ka see, et kõike seda tehtaks ajakohaselt, õppeprogrammide ja temaatiliste plaanide alusel, mis vastavad meie ees seisvatele ülesannetele. Nähtavasti oleks õige peale traditsiooniliste teemade pöörata senisest rohkem tähelepanu majandusõiguslikule temaatikale, välisriikide, eriti sotsialistlike maade õigusele, juhtimise õpetuse alustele, küberneetikale, kriminoloogiale, aga samuti juriidilise kultuuri, juriidilise tehnika, eriti aga seadusandliku tehnika küsimustele.

Lubatagu mul nüüd lähemalt peatuda juriidilise kultuuri ja tehnika küsimuste juures, mis on lahutamatult seotud seadusandluse ettevalmistamisega.

Kuna meil seadusandlus on kutsutud rahva õigusteadvuse taset tõstma, peavad seadusandluse ettevalmistamisel need õiguslikud ideed, põlvnormid ja muud vaimsed väärtused, mis oma kogumikus moodustavad rahva õigusteadvuse, olema õigusaktide projektides eesrindlikult kajastatud. Mida eesrindlikum on seadusandlus, seda paremini ta teenib rahva kommunistlikku kasvatamist, mille eesmärgiks on, et ühiskonnastased nähted ja kuritegevus väheneksid ning õigusnormide teadlik ja vabatahtlik täitmine muutuks kord-korralt igapäevaseks vajaduseks ja harjumuseks.

Käesoleval arenguetapil peab meie seadusandlus arvestama samuti nõukogude demokraatia järjekindlat laiendamist, mis on seotud töötajate laiade hulkade osavõtuga õigusnormide realiseerimise protsessist. Rahvakontrolöride, -malevlaste, seltsimehelike kohtute, aga samuti töötajate osavõtt kohalike nõukogude tööst, tööst õigusemõistmise organites nõuab mitte ainult seadusandlikku reguleerimist, vaid ka osavõtjatelt teadmisi nõukogude õiguse alustest, selle õiguse nõuete täitmist, seega õigusliku kultuuri kõrget taset.

Seadusandluse eesmärkide saavutamisel on suur tähtsus õigusaktide välisel vormistamisel ja juriidilisel tehnikal üldse.

Vastavalt õigusteaduslikus kirjanduses kasutatavale terminoloogiale on juriidiline tehnika laiem mõiste kui seadusandlik või normitehnika ja hõlmab nii normatiivaktide ettevalmistamise, välise vormistamise ja trükis avaldamise tehnikat kui ka nende aktide arvestamist ja inkorporeerimist, õigusnormide tõlgitsemise ja kohaldamise võtteid ja viise.

Seadusandlik või normitehnika on juriidilise tehnika koostis-

osa. Seadusandlikku tehnikat võiks iseloomustada kui normatiivaktide projektide ettevalmistamise võtete ja reeglite kogumikku, mis hõlmab nii normatiivaktide projektide ettevalmistamise organisatsioonilist külge kui ka ettevalmistamise metoodikat ja nende projektide välist vormistamist.

Ülikooli lõpetanud noored spetsialistid tunnevad mitte halvasti seadusandluse aluseid, kuid ei tunne juriidilist tehnikat, mille tõttu esineb praktikas tõsiseid raskusi. Mis alal ka noored ei töötaks, kas kohtunikuna, prokurörina, uurijana, advokaadina, juriskonsuldina või mõnel teisel alal, ikka tuleb neil kursis olla jooksva seadusandlusega. See aga eeldab oskust tegelda seadusandluse arvestusega ja süstematiseerimisega. On vaja tunda õigusnormide teadusliku klassifitseerimise aluseid, mitmesuguseid arvestuse ja otsimise meetodeid, õigusaktide kronoloogilist ja sisulist süstematiseerimist, osata hoida kehtivad normid lahus mittekehtivaist jne.

Juriidilise tehnika puudulik õpetamine ülikoolis annab end eriti valusasti tunda seadusandliku tehnika valdkonnas. Iga jurist peab andma oma panuse meie seadusandluse täiustamiseks ja edasiarendamiseks vastavalt rahvamajanduse ja kultuuri arengule, eriti aga neis küsimustes, mis on antud juristi tööpõlluga otseselt seotud. Juristi kohus on seaduseelnõude ja muude normatiivaktide projektide koostamine, teiste poolt koostatud projektide kohta juriidilise arvamus andmine või viseerimine, küsimuste juriidilise lahenduse kohta ettepanekute tegemine. Niisuguste kohustuste täitmine on aga võimatu niikaua, kui noor spetsialist ei tunne seadusandliku tehnika elementaarseid reegleid ja võtteid, ei tunne seadusandluse ettevalmistamise organisatsioonilis-tehnilisi küsimusi, õigusnormide sõnastamise viise, normatiivaktide struktuuri, juriidilise terminoloogia, fraseoloogia, stiili- ja teisi küsimusi.

Sellealaste teadmiste ja oskuse puudulikkus kajastub ka meie seadusandluses. Näiteks meil väljaantavates normatiivaktides ei reguleerita küsimusi alati ammendavalt, vaid lünklikult, mis tingib ühes ja samas küsimuses korduvate aktide väljaandmise. Normatiivsed ettekirjutused ei ole aktidesse alati paigutatud loogilises järjekorras, ei ole küllalt konkreetsed või on liiga kasuistlikud. Esineb vastuolusid normide vahel, mis on paigutatud ühte ja samasse õigusakti, kui ka normide vahel õigussüsteemis tervikuna. Vahel puudub selge vahetegemine normatiivsete ja mittenormatiivsete ettekirjutuste vahel, ajutiste ja alaliste normide vahel. Normatiivaktide keel ei ole alati selge, lihtne ja kõigile arusaadav, tihti puudub terminoloogiline ühtsus. Vahel reguleeritakse ühe ja sama aktiga mitut küsimust, mis ei ole kuidagi omavahel seotud, või jälle antakse ühes ja samas küsimuses välja mitu normatiivakti. Nii ühel kui teisel juhtumil on raske ülevaate saamine küsimuste õiguslikust reguleerimisest. Puudub järjekind-

lus tehniliste võtete rakendamisel normatiivaktides. Esineb sisulisi erinevusi eesti- ja venekeelsete tekstide vahel.

Juriidilise tehnika probleemide uurimine on käesoleval ajal saavutanud sellise taseme, kus on tekkinud vajadus eraldada õpetus juriidilisest tehnikast iseseisvaks teaduslikuks ja õppedistsipliiniks. Juriidilise tehnika ja eriti selle koostisosa, seadusandliku tehnika tundmaõppimine peaks olema spetsiaalseks distsipliiniks ülikooli õigusteaduskonnas.

Ka seadusandlikult vajab küsimus reguleerimist, seni on selleks tehtud vaid üksikuid katseid.

NSV Liidu valitsus oma 10. juuli 1967. a. määrusega kinnitas «NSV Liidu ministeeriumide üldpõhimääruse», mille 12. punktis on öeldud: «NSV Liidu ministeerium üldistab seadusandluse kohaldamise praktikat talle usaldatud rahvamajandusharus, töötab välja ettepanekuid selle seadusandluse täiustamiseks ja esitab neid läbivaatamiseks NSV Liidu Ministrite Nõukogule.»

Seni on aga jäänud reguleerimata, kes peab kindlustama seadusandluse tehnika ühtsuse ministeeriumide poolt väljatöötavates ja valitsusele läbivaatamiseks esitatavates seadusandlikes ettepanekutes. NSV Liidu Ministrite Nõukogu juures asuv Juriidiline Komisjon on oma eksisteerimise ajal andnud juriidilisi arvamusi ainult üksikute normatiivaktide projektide kohta ja ainult valitsuse erikorralduste alusel.

Enamik normatiivakte on läbi vaadatud ja kinnitatud, kuulamata Juriidilise Komisjoni arvamust. Ligilähedalt samasugune praktika on kehtinud ka Eesti NSV-s.

Kuigi meie vabariigis on püütud seda küsimust korduvalt lahendada, on kõik need lahendused mittepiisavad ning poolikud.

Nii näiteks kohustab Eesti NSV Ministrite Nõukogu ministreid, keskasutuste juhatajaid ja rajoonide ning linnade TSN täitevkomiteesid õigusaktide projektide ettevalmistamisel lähtuma sellest, et ENSV Ministrite Nõukogule esitatavad projektid oleksid lühikesed ja sisaldaksid ainult neid konkreetseid abinõusid, mis nõuavad valitsuse otsust.

Et MN-il ei tuleks läbi vaadata ja täpsustada lahkkelisid ja märkusi projektide kohta, peab need enne esitamist kooskõlastama asjaosaliste ministeeriumide ja keskasutustega; esitatavad otsuste projektid peavad olema põhjalikult ette valmistatud ja enne esitamist läbi vaadatud ministeeriumide kolleegiumidel, linnade ja rajoonide TSN täitevkomiteede istungitel; Eesti NSV Ministrite Nõukogu ei pea õigeks, et üksikud asutused, ettevõtted ja organisatsioonid, vaatamata sellele, et nad alluvad otseselt ministeeriumidele, vabariiklikele asutustele ja organisatsioonidele, esitavad projekte vahetult Ministrite Nõukogule läbivaatamiseks, mööda minnes instantsidest, kellele nad alluvad.

Eesti NSV Ministrite Nõukogu 22. mai 1963. a. määrusega kinnitatud «Eesti NSV asutuste, organisatsioonide ja ettevõtete asjaajamise korraldamise näidisjuhend» näeb ette, et asutusele kooskõlastamiseks (viseerimiseks) saadetud Eesti NSV Ministrite Nõukogu määruste ja korralduste projektid tuleb asjaomastele asutustele tagastada 5 päeva jooksul. Nendes esitatud seisukohtadega mittenõustumisel on asutus kohustatud tagastatavatele dokumentidele lisama vastava motiveeritud põhjenduse ühes konkreetse ettepanekuga tõstatatud küsimuse lahendamise kohta. Kui viseerija nimetatud tähtjaks ei suuda anda oma ettepanekuid, siis peab taotlema tähtjaga pikendamist. Juhul kui viseerija tähtjaks ei esita oma ettepanekuid ega taotle tähtjaga pikendamist, loetakse küsimus viseerijaga kooskõlastatuks.

Asutuste poolt kõrgematele organitele läbivaatamiseks esitatavate seaduste, seadluste, määruste, otsuste, korralduste ja käskkirjade projektidele tuleb lisada ammendav seletuskiri (põhjendus) vastava dokumendi vastuvõtmise vajalikkuse kohta.

Kõik need abinõud valitsusele läbivaatamiseks esitatavate aktide projektide kvaliteedi tõstmiseks jätavad aga lahtiseks põhiküsimuse: kuidas tagada seadusandlikes aktides ühtsus juriidilises terminoloogias, fraseoloogias, struktuuris ja teisteski seadusandliku tehnika küsimustes, kes on vastutav selle ühtsuse eest?

Reguleerimata on ka küsimus, kes üldistab seadusandluse kohaldamise praktikat, töötab välja seadusandluse täiustamiseks ettepanekuid ja esitab need valitsusele läbivaatamiseks neis õigusharudes ja õigussüsteemis tervikuna, kus on hõlmatud paljud rahvamajandusharud ja kultuurielu alad ning kodanikud. Et näiteks maaseadusandlusega peab tegelema põllumajanduse ministereerium, abielu ja perekonnaseadusandlusega justiitsministereerium (juhuil kui perekonnaseisuaktide bürood allutatakse sellele ministereeriumile) ja tööseadusandlusega Ametiühingute Kesknõukogu, see nagu ei ärata kelleski kahtlust. Vaidlused tekivad ühenduses kriminaal- ja kriminaalprotsessi-, tsiviil- ja tsiviilprotsessi-seadusandluse, samuti administratiivvastutuse, majandusõiguse ning kohalike nõukogude kohta käiva seadusandlusega. On selgusetu, kes peaks olema vastutav neis õigusharudes seadusandluse kohaldamise praktika üldistamise, seadusandluse täiustamiseks ettepanekute väljatöötamise ja valitsusele läbivaatamiseks esitamise eest.

Samuti on lahendamata küsimus, kelle juures peab asuma seadusandluse keskne arvestus ja keskne juriidilise informatsiooni teenistus.

Meie arvates juriidilise ühtsuse kindlustamiseks seadusandlikus tehnikas ja juriidilises tehnikas üldse ning selles tähenduses seadusandluse haldamiseks õigussüsteemis tervikuna peaks valitsema üks üleliiduline organisatsiooniline süsteem avarate õiguste ja

kohustustega. Niisuguseks süsteemiks peaks kujunema NSV Liidu, liidu- ja autonoomsete vabariikide justiitsministeeriumide süsteem.

Ministeeriume, keskasutusi ja organisatsioone, samuti kohalike tööraha saadikute nõukogude täitevkomiteesid tuleks kohustada kõiki nende poolt koostatud normatiivaktide projekte enne valitsusele läbivaatamiseks esitamist juriidiliselt kooskõlastama justiitsministeeriumiga. Justiitsministeeriumil peaks olema õigus anda ministeeriumidele, keskasutustele, organisatsioonidele ja kohalikele tööraha saadikute nõukogude täitevkomiteedele kohustuslikke meetodilisi juhiseid valitsusele läbivaatamiseks esitatavate normatiivaktide projektide ettevalmistamise kohta, sealhulgas juhiseid normatiivaktide projektidele juriidilise arvamuse andmise korra kohta; juhiseid aktide loetelude koostamiseks, mille kehtivus tuleb kaotada, mis tuleb muuta ühenduses valitsuse poolt vastuvõetud seadusandlike aktide ja korraldustega; juhiseid ühes ja samas küsimuses väljaantud normatiivaktide vastastikuseks sidumiseks ja rohkearvulisuse kõrvaldamiseks ning muid meetodilisi juhiseid normatiivaktide projektide ettevalmistamise korra kohta; juhiseid seadusandluse arvestamise, süstematiseerimise, juriidilise informatsiooniteenistuse korraldamise ja muudes juriidilisse tehnikasse puutuvates küsimustes.

Justiitsministeerium, tagades õigusnormide tehnilise ühtsuse, peab paratamatult neid norme ka arvestama, andma neile üldkehtiva klassifikatsiooni ja üldkehtivad indeksid, eristama kehtivad normid mittekehtivatest, tagama tarbijatele kehtiva seadusandluse kohta juriidilise informatsiooni saamise võimaluse kogu õigussüsteemi ulatuses.

See muidugi ei välista seadusandluse tehnika reeglite järgimist, õigusaktide arvestamist, normide klassifitseerimist ja indekseerimist, õigusaktide puhastamist mittekehtivatest normidest, juriidilise informatsiooni korraldamist jms. igas ministeeriumis, asutuses, ettevõttes ja organisatsioonis. Kuid siin tehakse seda ainult selles ulatuses, mis vastab antud süsteemi, asutuse, ettevõtte või organisatsiooni sisemistele vajadustele, töö profiilile ja vastavalt juriidilise tehnika üldkehtivatele normidele ning justiitsministeeriumi meetodilistele juhenditele. Kesksed üritused, nagu kehtiva seadusandluse kronoloogiliste ja süstematiseeritud kogude, erialaste normatiivaktide kogumike väljaandmine, normatiivaktidele arvestuskaartide tsentraliseeritud korras pidamine ja abonentidele väljasaatmine, keskse juriidilise informatsiooniteenistuse loomine jne. on mõeldud asutuste, ettevõtete, organisatsioonide ja kodanike abistamiseks, aga mitte nende asendamiseks selles tööloigus kesksete asutustega.

Mis puutub seadusandluse kohaldamise praktika üldistamisse ja seadusandluse täiustamiseks ettepanekute väljatöötamise ning valitsusele läbivaatamiseks esitamisse neis õigusharudes ja õigussüsteemis tervikuna, kus on hõlmatud paljud rahvamajandusharud,

kultuurielu alad ja kodanikud, siis selles küsimuses on samuti vaja seadusandlikku reguleerimist. Valitsus oma otsustega võib panna need ülesanded kas justiitsministeeriumile või mõnele teisele kompetentsele organile, kes oleks vastutav selle tööloigu eest. Igal juhul peaks justiitsministeerium haldama seadusandlust, mis on seotud tema poolt riiklikult või metoodiliselt juhitavate organite tegevusega, aga samuti seadusandlusega õigusemõistmise alal; ta peaks tegema ettepanekuid seadusandluse kodifitseerimiseks. Muidugi mõista võib Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium või Ministrite Nõukogu üksikutel juhtumitel tähtsamate aktide ettevalmistamiseks moodustada ka erikomisjoni asjast huvitatud asutuste ja vastava ala teadlaste esindajaist.

Toome mõningaid näiteid välismaalt. SDV-s vastutab justiitsministeerium jooksva seadusandluse ja valitsuse aktide projektide ettevalmistamise eest õigusemõistmise valdkonnas. Siia kuuluvad kohtu, prokuratuuri, advokatuuri, notariaadi tegevuse kohta käivad aktid, kriminaal-, tsiviil-, abielu ja perekonna ja protsessuaalseadusandlus. Samuti on Poola Rahvavabariigis justiitsministeerium kohustatud ette valmistama ainult need normatiivaktide projektid, mis on seotud õigusemõistmisega. Tšehhoslovakkias koordineerib justiitsministeerium seadusandluse ettevalmistamise tööd tsiviil- ja kriminaalseadusandluse, aga samuti seadusandluse valdkonnas, mis puudutab kodaniku olukorda ühiskonnas.

Sõltumata sellest, kuidas meil seadusandlikult lahendatakse kõne all olev küsimus, peaks seadusandluse kohaldamise praktika üldistamise ja seadusandluse täiustamiseks ettepanekute väljatöötamise, aga samuti juriidilise tehnika probleemide uurimise eesmärgil loodama ka liiduvabariikide justiitsministeeriumide juurde seadusandluse täiustamise teadusliku uurimise instituudid või NSV Liidu samanimelise instituudi filiaalid.

NSV Liidu ja liiduvabariikide ministrite nõukogude juures asuvad juriidilised komisjonid tegid oma eksisteerimise aja jooksul seadusandluse paremustamiseks ära suure töö. Selle töö tulemusena on põhimine osa nõukogude seadusandlusest kodifitseeritud, on käimas õigusaktide kronoloogiline ja sisuline süstematiseerimine, parandatud on seadusandlikku tehnikat ja tõstetud juriidilist kultuuri.

Kuid sellest hoolimata kannatas juriidiliste komisjonide töö mõninga ühekülgsuse ja organisatsiooniliste puuduste all. Esiteks: juriidilised komisjonid tegelesid küll seaduseelnõude ja muude normatiivaktide projektide ettevalmistamisega, kuid seadusandluse tegeliku ellurakendamisega nad ise seotud ei olnud, kuna neil puudusid halduslikud funktsioonid, nad ei olnud haldusorganiteks. Teiseks puuduseks oli see, et juriidilised komisjonid olid kas NSV Liidu (NSV Liidu Ministrite Nõukogu juures asuv Juriidiline Komisjon) või liiduvabariiklikud organid (liiduvabariikide ministrite nõukogude juures asuvad juriidilised komisjonid), kel puudusid

omavahelised alluvussuhted ja keskne juhtimine. Kuna aga NSV Liidu ja liiduvabariikide seadusandlus moodustab lahutamatu terviku, siis ei taganud niisugune organisatsiooniline sõltumatus ja keskse juhtimise puudumine vajalikku ühtsust juriidilise tehnika ja seadusandluse paremustamises. Iga liiduvabariik tegutses omaette ja selle tulemusena tekkisid seal, kus oli vajalik küsimuste ühesugune lahendus ja ühtne süsteem (näit. õigusnormide klassifitseerimise ja indekseerimise alal), segavad ja tööd raskendavad erinevused.

Nüüd, kus on moodustamisel NSV Liidu ja liiduvabariikide liidulis-vabariiklikud justiitsministeeriumid, kelle pädevusse antakse kohtuorganite ja teiste justiitsasutuste riiklik juhtimine, kaovad ka eespool nimetatud puudused seadusandluse paremustamise küsimustes. Seega võivad uued ministeeriumid senisest edukamalt likvideeritavate juriidiliste komisjonide poolelijäänud tööd jätkata.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТАРТУСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Кандидат юридических наук А. Палтсер
Тартуский госуниверситет

В научно-исследовательской работе на юридическом факультете ТГУ криминологическим исследованиям принадлежит ведущая роль. Это можно констатировать как по актуальности и теоретико-практической важности исследуемых проблем, так и по объему исследовательских работ, реализации их результатов на практике и количеству лиц, принимающих участие в исследованиях. Так, например, лишь последним исследованием, проведенным Проблемной лабораторией по криминологии ТГУ, были охвачены 9 городов и районов республики и в этом участвовало более 100 лиц. На основе проведенных исследований вышло в свет более чем 55 печатных листов.

Хотя значительная часть наших криминологических исследований осуществляется лабораторией криминологии, было бы все-таки ошибочно думать, что исследовательская работа по криминологии ограничивается только исследованиями, проводимыми в лаборатории. Этой работой охвачены и многие входящие в состав кафедр преподаватели, которые также вносят свой вклад в исследовательскую работу по криминологии.

Нельзя не отметить участия студентов в осуществляемой научной работе на факультете. Было бы также ошибочно полагать, что криминологическими исследованиями начали заниматься лишь в 1966 году, когда была основана Проблемная лаборатория по криминологии ТГУ. Подобные исследования проводились у нас весьма продолжительное время. В настоящей статье дается обзор развития криминологических исследований, их направлений и результатов.

Хотя вопросы о причинах преступности и эффективности средств борьбы с преступностью рассматривались преподавателями кафедры уголовного права и процесса в некоторой мере уже в конце 40-х и в начале 50-х годов, все-таки о конкретных кри-

минологических исследованиях на факультете можно говорить лишь начиная с середины 50-х годов.

Хотя главное внимание преподавателей кафедры было в тот период обращено на более глубокую теоретическую разработку материально- и процессуально-правовых проблем, они в то же время убедились и в необходимости направлять студентов для сбора и разработки конкретного криминологического материала, и руководить ими в этой работе. Студенты относились к подобным исследованиям с большим интересом и рвением.

Первыми конкретными криминологическими исследованиями на факультете явились работы, проведенные студентами под руководством преподавателей кафедры уголовного права и процесса. Вначале они направлялись на изучение лишь структуры и состояния преступности, а вскоре уже и на конкретное изучение причин преступности.

Первым результатом подобной обширной работы явилась в 1957 году дипломная работа К. Киммеля «О причинах преступности несовершеннолетних в Эстонской ССР» (руководитель Х. Кадари, бывший заведующий кафедры уголовного права и процесса). Эта работа была не последней. Уже в следующем, т. е. в 1958 году, по вопросам криминологии были написаны 5 дипломных работ (из них 4 под руководством И. Ребане и 1 под руководством Э. Раал). До настоящего времени была завершена и защищена на факультете 41 дипломная работа по вопросам криминологии.

Что касается тематики дипломных работ, написанных по конкретным исследованиям, то основным объектом исследований до 1964 года была преступность несовершеннолетних (из 22 исследований 11). Но наряду с этим исследованием была охвачена и преступность по отдельным видам преступлений и по отдельным районам республики.

Поскольку защищенные до 1965 года дипломные работы сгорели во время пожара в главном здании ТГУ, то мы в настоящее время не имеем возможности ознакомиться с ними поближе. Но в некоторой мере мы ознакомились с этими дипломными работами за несколько месяцев до пожара. На основании этого можно сказать, что первые наши работы по криминологии содержали в себе много интересных и примечательных мыслей, много обильного статистического материала, который можно было бы использовать и сейчас в качестве сравнительного материала.

В значительной мере расширилась исследовательская работа по криминологии на факультете в 1964 году. Проведенные исследования показали, что при изучении криминологических вопросов нужно рассматривать их не только в юридическом, но и в педагогическом, экономическом и других аспектах, и проводить комплексные исследования в сотрудничестве с представителями

других специальностей. Ввиду этого, по инициативе бывшего прокурора города Тарту Х. Роопа и зав. кафедры уголовного права и процесса Х. Кадари, в апреле 1964 года на юридическом факультете ТГУ была создана действующая на общественных началах Комиссия по изучению причин правонарушений несовершеннолетними. В состав комиссии вошли, кроме преподавателей юридического факультета, еще преподаватели кафедр философии, политической экономии, педагогики и методики, логики и психологии. В состав комиссии вошли также представители Тартуского Горкома ЛКСМЭ, Прокуратуры гор. Тарту, Народного Суда гор. Тарту, отделения милиции Тартуского горисполкома СДТ и других органов юстиции. Состав комиссии был утвержден Тартуским горкомом КПЭ и председателем назначили бывшего тогда деканом факультета. П. Вихалемма, а научным руководителем — заведующего кафедрой уголовного права и процесса Х. Кадари.

По соглашению со Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и на основе полученных из института примерных анкет, комиссия начала собирать материалы о причинах преступлений, совершенных несовершеннолетними в гор. Тарту. Особенно активно участвовали в собирании материалов студенты юридического и историко-филологического факультетов, работники Прокуратуры гор. Тарту и педагоги города.

Сбор материалов главным образом проводился на основе бесед с родителями несовершеннолетних, совершивших преступления, с представителями общественности по месту жительства и с самими несовершеннолетними, а также с представителями общественных организаций и администрации школ или мест работы.

Согласно методике и рекомендациям, выработанным вышеуказанной комиссией, разработка собранных материалов проводилась в рамках научной работы преподавателей кафедры уголовного права и процесса, кафедры педагогики и методики, а также в рамках дипломных и курсовых работ студентов юридического и историко-филологического факультетов и кружков СНО.

О результатах исследований подробно информировалась Прокуратура гор. Тарту, которая в свою очередь пользовалась полученными данными и предложениями в соответствующих представлениях Тартускому городскому комитету КПЭ и Тартускому горисполкому. Таким образом, проведенные на факультете исследования нашли непосредственное применение в практике.

Создание и деятельность Комиссии по изучению причин правонарушений несовершеннолетними позволяли не только проводить комплексные исследования. Это значительно способствовало укреплению связей и сотрудничества факультета с дру-

гимн кафедрами ТГУ, с учреждениями и организациями города. Одним из выражений последнего были совместные философские семинары, организованные в 1964/65 учебном году преподавателями юридического факультета и кафедрами педагогики и методики, логики и психологии ТГУ. Обсуждались вопросы о правонарушениях среди несовершеннолетних и мерах их предупреждения. В ходе обсуждения теоретических проблем, интересующих участников, пришли к выводу, что вопросы правонарушений несовершеннолетних нуждаются в обсуждении в более широких кругах, чем на семинарах по философии. Это и было осуществлено на республиканской теоретико-практической конференции «О правонарушениях несовершеннолетних и мерах их предупреждения», проведенной юристами и педагогами в марте 1966 года.

На конференции, в которой участвовали и ученые из Москвы, Латвийской ССР и Литовской ССР, было прочитано более 20 докладов как по результатам проведенных конкретных исследований, так и по теоретическим проблемам криминологии. Хотя проведенные нами исследования и были одобрены конференцией, все же была отмечена некоторая их ограниченность и односторонность. Эти замечания были правильными.

Исследования, проведенные вышеуказанной комиссией, а также основанной в 1965 году лабораторией криминологии, работающей на общественных началах при кафедре уголовного права и процесса, основывались только на конкретном исследовании преступности в гор. Тарту и в Тартуском районе. Имеющиеся силы не было возможности расширить исследовательскую работу в других городах и районах республики. Ввиду аккой органиченности, исследованием была охвачена в основном лишь преступность несовершеннолетних и подростков. Проведение более обширных исследований оказалось невозможным из-за отсутствия штатных работников. Подобная обстановка изменилась в 1966 году, когда была основана Проблемная лаборатория о криминологии ТГУ.

Во всей своей деятельности лаборатория криминологии исходила и исходит из следующих основных положений: 1. Исследованием охватывать прежде всего такие вопросы теоретико-практического значения, решение которых настоятельнее и реальнее. 2. Разработка конкретных проблем должна осуществляться как можно глубже и разностороннее. 3. Привлекать к проведению конкретных исследований практиков и студентов. Из этих принципов исходили как при разработке тематики исследований, так и при составлении программ конкретных исследований.

Лаборатория поддерживает точку зрения, что решение чисто теоретических вопросов общего характера возможно лишь

на основе разностороннего и детального исследования повседневной действительности.

Поэтому лаборатория в своей научно-исследовательской работе сконцентрировала главное внимание на конкретных (эмпирических) исследованиях, исходя притом из теоретико-методологических основ диалектического материализма. Основные направления и узловые вопросы конкретных исследований лаборатории всегда предварительно обсуждались на общих совещаниях лабораторий, в которых участвовали руководящие работники органов юстиции республики и заведующие кафедрами юридического факультета.

Такие совещания можно в некотором смысле назвать собраниями общественного совета лаборатории.

Все проведенные до сих пор и проводимые в настоящее время исследования можно разделить на две группы. В состав первой вошли бы исследования, в которых участвуют все работники лаборатории. В состав другой вошли бы исследования, которые проводятся в индивидуальном порядке отдельными работниками лаборатории. Но и последние образуют органическую часть общей исследовательской работы лаборатории, которая направлена на выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на изучение эффективности мер юридического, социально-экономического и идеологического характера, используемых для их устранения.

Первым более обширным исследованием лаборатории явилось социолого-криминологическое исследование на двух промышленных предприятиях города Тарту — на Тартуском опытном авторемонтном заводе и Тартуском заводе железобетонных изделий. Упомянутое исследование было осуществлено по рекомендации Тартуского городского комитета КПЭ. Так как по числу правонарушений, в особенности административных и дисциплинарных проступков, эти заводы сильно различались то исследованием пытались выяснить: во-первых, почему на одном заводе рабочими совершается заметно больше правонарушений, чем на другом; во-вторых, что можно было бы предпринять для предупреждения правонарушений.

Для выполнения этой задачи лаборатории пришлось провести обширное исследование на обоих заводах. При этом работники лаборатории не ограничивались только обследованием тех рабочих, которыми были совершены правонарушения, а охватили всех рабочих обоих заводов. Вообще программа настоящего исследования состояла из шести основных частей. В ходе реализации I-ой основной части собирались сведения о производственной деятельности, о составе и постоянстве кадров, о трудовых жилищных условиях рабочих, о деятельности администрации партийных, комсомольских и профсоюзных организаций на завс

дах, а также анализировались традиции на предприятиях, участие пенсионеров в проводимой на заводах воспитательной работе. Особое внимание уделялось молодым рабочим, их принятию в члены коллектива. Сбору всех этих данных содействовал актив городского комитета партии.

II основная часть программы предусматривала анкетный опрос всех работников завода. Ответами на 42 анкетных вопроса был получен обзор юридических знаний работников и их мнений по некоторым правовым вопросам, а также данные о том, как они оценивают деятельность товарищеских судов и судов вообще, и какую роль играют суды в формировании правосознания населения.

III основная часть программы предусматривала собиране данных по охране социалистической собственности, по соблюдению норм трудового законодательства, по рассмотрению заявлений и жалоб рабочих, а также по вопросам организации учета правонарушителей.

IV основная часть программы имела целью изучение деятельности по правоохране. При ее реализации собирались и анализировались данные о работе народной дружины и народного контроля, о том, как происходит реагирование на сигналы, информирующие о совершенных рабочими правонарушениях, каким является контакт заводов с судом, прокуратурой, милицией, инспекцией исправительных работ, комиссией по делам несовершеннолетних, административной комиссией и со штабом народной дружины, а также о том, как ведется правовая пропаганда и какую роль играет юрисконсульт в работе по правоохране на заводах.

V основная часть программы была направлена на анализ правонарушений и правонарушителей. Для этого были собраны данные в отделении милиции, в народном суде, в прокуратуре, в комиссии по делам несовершеннолетних, в административной комиссии, в медвытрезвителе. Также были рассмотрены приказы директоров заводов и материалы товарищеских судов. Были анкетированы все рабочие, совершившие административные или дисциплинарные проступки, все осужденные условно, а также рабочие, наказанные исправительными работами без лишения свободы.

По VI основной части программы провели анализ борьбы с алкоголизмом.

Сравнительный анализ материалов, собранных по такой обширной программе, показал, что чем лучше работают партийные, комсомольские и профсоюзные организации, тем более продуктивными оказываются достижения и в деятельности по правоохране и тем меньше совершается преступлений. Проведенное исследование еще раз показало и подтвердило, что успеш-

ность деятельности общественных организаций зависит в значительной мере от избранных на руководящие места рабочих, от того, как они умеют организовать работу, отличать основное от второстепенного, имеют ли они организаторские способности, и пополняют ли свои знания.

Из исследований выяснилось, что неправильно недооценивать роль коллектива в предупреждении правонарушений и в борьбе с ними. Конкретное исследование двух заводов показало, что, чем большим оказывается опирающееся на правильные принципы единство коллектива, тем сильнее и воздействие общественного мнения этого коллектива.

Следовательно, борьба с правонарушениями и ее эффективность на предприятиях и в учреждениях зависят в довольно большой мере от влияния общественных организаций и администрации, а также от правильного воспитания коллектива. Особое внимание следует уделять молодым рабочим, их вовлечению в жизнь коллектива и их времяпрепровождению в часы досуга.

На основе результатов исследования можно сказать, что в профилактике правонарушений заметную роль играет устранение всех недостатков и пороков в работе и в жизни. Чем невзыскательнее в отношении себя ведущие работники, в том числе мастера, тем меньшего эффекта они достигают в воспитании и руководстве коллектива. Нельзя также не учитывать связи правонарушений с условиями труда. В ходе исследования выявился ряд конкретных фактов, показавших, что совершенное правонарушение было непосредственно связано с недостаточной организацией труда или плохими условиями труда. В еще большей мере наблюдалась косвенная связь правонарушений рабочих с недостаточно хорошими трудовыми и бытовыми условиями. Следовательно, в проводимой среди коллектива профилактической работе, нужно, наряду с улучшением воспитательной работы, одновременно уделять серьезное внимание и постоянному улучшению трудовых и бытовых условий рабочих. На это было обращено внимание и в предложениях, представленных заводам, по результатам проведенного исследования.

Что касается практических результатов рассматриваемого исследования, то можно сказать, что они оказались положительными. Например, директор Тартуского завода железобетонных изделий М. Каллам не раз отмечал в печати, что в результате исследования выявилось много такого, на что раньше и не обращали внимания. Большая часть конкретных предложений лаборатории проведены на заводах в жизнь и положение дел на исследуемых заводах улучшилось. Так, по сравнению с 1966 годом в 1968 году уменьшилось число правонарушений и попавших в медвытрезвитель рабочих Тартуского завода железобетонных изделий в два с половиной раза, а рабочих Тартуского опытного авторемонтного завода — в полтора раза.

Второй обширной работой лаборатории криминологии было исследование о воспитательном влиянии судебного заседания по уголовным делам.

Зафиксированное в законодательстве требование о том, что суд всей своей деятельностью должен оказать воспитательное влияние как на подсудимого, так и на присутствующих на заседании слушателей, всем хорошо известно. Чем лучше судебное заседание выполняет свою воспитательную роль, тем больше его вклад в осуществление задачи по ликвидации преступности. О том, как это реализуется на практике, до последнего времени конкретные данные отсутствовали.

Учитывая большое значение судебного заседания в профилактике преступности, а также некоторых данных, полученных в ходе предыдущего исследования, лаборатория сочла необходимым уделить серьезное внимание воспитательной стороне судебного заседания. Эту мысль поддержали и Верховный Суд Эстонской ССР и Прокуратура Эстонской ССР.

Используя метод основного массива, исследователи взяли под наблюдение судебные заседания, проведенные в I квартале 1969 года народными судами города Тарту, Харьюского, Тартуского, Вильяндиского, Пярнуского, Кохтла-Ярвеского, Выруского и Йыгеваского районов, на которых подсудимыми были лица, совершившие корыстные преступления, направленные против государственного или общественного имущества, а также против личного имущества граждан.

Нужные для исследования данные собирались на основе соответствующих вопросников и анкет, которые были анонимными. В сборении данных участвовали, кроме работников лаборатории, также члены Верховного Суда Эстонской ССР, руководящие работники Прокуратуры Эстонской ССР, министерства внутренних дел Эстонской ССР и Юридической Комиссии при Совете Министров Эстонской ССР, а также члены Коллегии Адвокатов Эстонской ССР.

Так как объектом исследования была воспитательная сторона судебного заседания в целом, то собирались данные как о составе суда, так и о деятельности участвующих в заседаниях прокуроров и адвокатов. Источниками данных были заполнитель так называемого основного вопросника (работник некоей вышеуказанной системы), который присутствовал на заседании, лица, входящие в состав суда, находящийся на заседании прокурор, адвокат, общественный обвинитель и защитник, пострадавший, гражданский истец и ответчик, педагог, эксперт, подсудимый и слушатели. Объективные данные о преступлении и назначенном наказании изложил заполнитель основного вопросника, ознакомившись с делом до заседания и после вступления приговора в силу. Другие вышеуказанные лица заполнили собственноручно

анкеты, полученные от заполнителя основного вопросника и возвратили их в закрытом конверте заполнителю основного вопросника, который в свою очередь возвратил собранные материалы лаборатории.

Для получения материалов о судебных заседаниях в исследовательской программе, предварительно согласованной с сектором государства и права Общественного Института Социологии при ЦК КПЭ, предусматривались основной вопросник и 10 различных анкет, всего 279 вопросов.

Отвечая на 123 вопроса основного вопросника, заполнитель его дал обзор личности подсудимого и совершенного преступления, а также изложил фактические данные и свою оценку организации процесса, судебного следствия, судебных прений и внешней культуры судебного заседания. Поскольку вопросы основного вопросника, имеющие существенное значение, были предъявлены в анкетах составу суда, прокурору и адвокату и другим присутствующим на судебном заседании лицам (вместе с тем и слушателям), то их сравнение и анализ позволяют получить довольно целостный и объективный обзор хода уровня судебного разбирательства дела. О воспитательном влиянии судебного заседания можно было делать выводы как по ответам, полученным на соответствующие прямые вопросы, данные подсудимому и слушателям в анкетах, так и производно по ответам на иные вопросы.

На основе результатов исследования можно коротко отметить, что, хотя многие судебные заседания оправдывают себя в отношении выполнения воспитательного задания и их не в чем упрекнуть, воспитательное влияние судебных заседаний могло бы быть гораздо больше, особенно при разбирательстве дел о хищении государственной или общественной собственности. Возможности для достижения этой цели найдутся.

Как выясняется из анкет присутствовавших на судебных заседаниях слушателей, воспитательное влияние в отношении себя подтвердили 61,6%, а отрицали 38,4% из анкетированных слушателей. Эти цифры заслуживают внимания. Если учитывать еще то, что 24% судебных заседаний состоялись без слушателей (хотя в среднем на одном заседании присутствовало 10,3 слушателей), то почти нет основания говорить о значительном воспитательном воздействии судебных заседаний на слушателей. Это относится особенно к тем судебным заседаниям, где разбирались дела о хищении государственной или общественной собственности, если они при этом происходили в помещениях суда.

В то же время исследование показало, что в некоторых случаях суд, прокурор и адвокат переоценивают воспитательное влияние на подсудимого.

Исследование выявило много обстоятельств, которые ухудшают (парализуют) воспитательное воздействие. Так, значи-

тельная часть (12%) анкетированных слушателей отметили в качестве недостатков такие обстоятельства, как например: нереагирование суда на поведение тех лиц, которые склоняют других на совершение преступления, отсутствие строгой официальной атмосферы на судебном заседании, неточность суда, опоздания, ненужные наставления и увещания в ходе обсуждения дела и т. д. Такие критические замечания встречались не только в анкетах для слушателей.

Относительно много было судебных заседаний, где подсудимому или свидетелям задавались наводящие, иногда даже непосредственно подсказывающие вопросы. Больше всего задавали наводящих вопросов защитники подсудимых (16% заседаний, на которых присутствовали защитники). За ними следовали по числу наводящих вопросов сами судьи (8% всех заседаний). Меньше всего, но все-таки наводящие вопросы задавали прокуроры (6% от заседаний, в которых они участвовали). В некоторых случаях не отвечала требованиям внешняя культура судебного заседания.

Лаборатория полагает, что подобное исследование было полезным, и выдвигает некоторые черты, которые в качестве положительных заслуживают внимания и нуждаются в более широком внедрении в практику (например, хорошо подготовленные и организованные выездные заседания), или в качестве отрицательных должны быть как можно быстрее ликвидированы.

В ходе анализа данных исследований возникло много новых проблем, которые в дальнейшем нуждаются в детальной разработке.

В настоящее время лаборатория уделяет основное внимание четкому криминологическому исследованию структуры и динамики преступности, а также субъективной стороны преступлений по их отдельным видам.

Что касается исследований, индивидуально осуществляемых работниками лаборатории и членами кафедры уголовного права и процесса, то про них можно сказать следующее.

Хотя в преобладающем большинстве эти работы относительно небольшие, все же встречаются среди них также обширные и заслуживающие серьезного научного внимания исследования. Так, социолого-криминологические исследования о правосознании, проведенные Ильмаром Ребане, научным руководителем лаборатории и преподавателем кафедры, нашли применение в его докторской диссертации и в то же время стали основой для некоторых исследований лаборатории.

Научный работник лаборатории К. Нигола уже продолжительное время занимается исследованием причин автотранспортных преступлений и практики назначения наказаний за эти преступления. Часть исследований нашла применение в его кан-

дидатской диссертации. Преподаватель кафедры уголовного права и процесса Х. Кингс уже много лет интересуется криминологическим исследованием рецидива преступлений, обращая притом особое внимание на вопросы возможного прогноза рецидива. Его кандидатская диссертация также основывалась на данных конкретного исследования и содержала интересный и полезный материал. Кандидатскую диссертацию по вопросам уголовного процесса с криминологическим уклоном заканчивает научный работник лаборатории Х. Саарсоо. Заслуживают признания и исследования Э. Раала, зав. кафедрой уголовного права и процесса, о связи алкоголизма с преступностью.

Научный работник лаборатории Э. Раска обратился к более глубокому исследованию структуры личности преступника. Таковы основные, но не все, проблемы, изучением которых занимались или занимаются члены коллектива.

Понятно, что эти работы способствуют также проведению коллективных исследований, и лаборатория со своей стороны не отказывается от возможной помощи в их осуществлении.

Одновременно с конкретной исследовательской работой в лаборатории не забывают также об анализе и обсуждении общетеоретических проблем с представителями других отраслей науки. Так, по инициативе научного руководителя Проблемной лаборатории по криминологии ТГУ И. Ребане, с 1968 года раз в месяц проводятся т. н. утренники докладов по вопросам криминологии (четвертое воскресенье каждого месяца). На состоявшихся до сих пор 14 утренниках кроме преподавателей юридического факультета и юристов-практиков выступали также философы, педагоги, экономисты и медики. На утренниках обсуждались такие вопросы, как общетеоретические аспекты причин преступности в социалистическом обществе, понятие и структура личности, состояние и динамика преступности в Эстонской ССР, особенности групповой преступности среди несовершеннолетних, криминологические аспекты умышленного убийства, вопросы профилактики общественно опасных деяний среди душевнобольных и др. На утренниках были прочитаны также доклады о результатах исследований, проведенных как в нашей лаборатории криминологии, так и в других местах.

Интерес к подобным утренникам довольно большой. В утренниках участвовали в качестве слушателей представители многих профессий (некоторые представители даже из других городов и районов республики), трудящиеся города, студенты различных факультетов и др., всего около 500 лиц. Так как на подобных утренниках с содержательными докладами выступали и руководящие работники республиканских органов юстиции, то такие утренники являлись для участников, особенно для студен-

тов юридического факультета, также встречей с руководящими работниками республики.

Учитывая большое число участников и большую пользу утренников, Проблемная лаборатория по криминологии ТГУ будет организовывать их и в дальнейшем.

КОРРЕЛЯЦИЯ АЛКОГОЛИЗМА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

К. Маркс

Верховный Суд Эстонской ССР

1. Социалистическое общество «... во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло».¹ Поэтому сохраняются и такие социальные явления, как преступность и алкоголизм, хотя и подрублены их корни.² Эти корни не так просто выкорчевать. «Начав коммунистическую революцию, — писал В. И. Ленин, — рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить — и, наверное, неминуемо победит в конце концов — старый мир, его пороки и его слабости».³

Между алкоголизмом и преступностью существует весьма сложная связь.

Рассматривать алкоголизм в виде причины преступности, как это делают некоторые авторы⁴, с нашей точки зрения, является неправильным. Являясь порождением одних и тех же социальных причин, алкоголизм и преступность не могут друг друга порождать, но это не значит, что между ними не существует взаимосвязи.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. 1955, стр. 13.

² Создавая коммунистическое общество, указывал Ф. Энгельс, «мы уничтожаем антагонизм между отдельным человеком и всеми остальными, мы противопоставляем социальной войне социальный мир, мы подрубаем самый корень преступности...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 537).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 364.

⁴ «... алкоголизм занимает одно из главных мест среди причин преступности в нашей стране», — пишет Б. С. Бесейнов. См. Преступность, связанная с алкоголизмом, и вопросы борьбы с ней. Автореферат диссертации. Алмата, 1963, стр. 9.

2. Алкоголизм и преступность как наследие прошлого имеют одну природу — они возникли в эксплуататорских формациях и явились следствием эксплуатации, неуверенности в завтрашнем дне, полуголодной жизни, нищеты и т. п.⁵

Алкоголизм и преступность представляют собой явления социально-детерминированные.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила в нашей стране первопричину алкоголизма и преступности — капиталистические производственные отношения.

С уничтожением капитализма проделана колоссальная работа по поднятию материального благосостояния и культурного уровня трудящихся масс. Однако «изменение быта, — отмечал М. И. Калинин, — очень трудная задача, и кто думает здесь «с кондачка», «в два счета» изменить все, тот жестоко ошибается ... Быт всего труднее поддается изменению».⁶

Задачу по перевоспитанию миллионов крестьян и мелких хозяйчиков, сотен тысяч служащих, чиновников и буржуазных интеллигентов⁷ приходилось сочетать с отражением иностранной военной интервенции, с большой работой по восстановлению народного хозяйства, с трудностями социалистической индустриализации и создания колхозного строя.

Строительство социализма в нашей стране шло не гладко, не по проторенной дорожке. Имелись трудности как внутреннего (экономического), так и внешнего порядка (контрреволюционного, военного вмешательства). Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз нанесло большой урон народному хозяйству страны, которое советскому народу пришлось восстанавливать с большими трудностями. Все эти трудности способствовали сохранению социальных аномалий различного порядка, в том числе, алкоголизма и преступности. При этом необходимо подчеркнуть, что те трудности, которые содействуют в социалистическом обществе сохранению пережитков прошлого, являются трудностями роста, а не упадка, как в капиталистическом обществе.

Говоря о причинах алкоголизма и преступности, следует иметь в виду, что криминология различает причины внутренние и внешние, главные и неглавные (второстепенные).⁸ При этом, как правильно отметил А. А. Герцензон — «далеко не все индивидуальные конкретно-личные обстоятельства совершения преступления, даже взятые в большом числе, в состоянии объяснить

---

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 337; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 196.

⁶ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1958, стр. 81.

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 102.

⁸ См. Советская криминология. М., 1966, стр. 57—59.

причины преступности как социального явления».⁹ Но в то же время исследование причин преступности и корреляции алкоголизма с преступностью немыслимо без глубокого раскрытия механизма совершения конкретного преступления в связи с алкогольным опьянением.

Когда речь идет о причинах алкоголизма и преступности как социальных явлений, «...необходимо исходить, — как отмечал И. И. Карпец, — из трех главных общих причин первого порядка:

а) исторической обусловленности социальных явлений;

б) действия объективного закона отставания сознания от бытия (что находит свое конкретное выражение в наличии различных пережитков в сознании и поведении людей);

в) наличия и влияния существующей наряду с социализмом антагонистической общественно-экономической формации».¹⁰

Прав В. Н. Кудрявцев, когда подчеркивает, что в криминологии нет места для биологического, генетического объяснения причин преступности, но при анализе поведения человека как личности необходимо учитывать его психологические особенности, обусловленные типом нервной системы и темпераментом.¹¹

Говоря о человеческой личности, не следует забывать, что она весьма многогранна и проявляется в каждом конкретном случае той или иной своей стороной. Характер и направленность деятельности людей всегда определяются условиями их материальной жизни.¹²

3. Когда мы рассматриваем взаимосвязь злоупотребления алкогольными напитками и преступностью, надо оговориться, что далеко не все преступления совершаются под воздействием алкоголя. Практически ничего общего со злоупотреблением алкогольными напитками не имеет совершение большинства государственных преступлений, преступлений против политических и трудовых прав граждан, ряда хозяйственных и должностных преступлений и т. д.

Влиянию алкоголя наиболее подвержены такие преступления, как хулиганство, сопротивление работникам милиции или народным дружинникам, умышленное убийство, изнасилование, преступления против личного имущества граждан и некоторые другие. В этом легко убедиться из судебной статистики любого района, города, республики. Однако корреляция каждого из этих видов преступлений и злоупотребления алкоголем весьма различна.

---

⁹ А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., 1965, стр. 130.

¹⁰ И. И. Карпец. Проблема преступности. М., 1969, стр. 51.

¹¹ В. Н. Кудрявцев. Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов. — Социалистическая законность, 1967, № 6, стр. 45—50.

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445.

4. Хулиганство является наиболее «пьяным» видом преступления и одновременно наиболее распространенным преступлением. Тем не менее было бы ошибкой рассматривать хулиганство как естественное поведение пьяного человека. Пьянство само по себе еще не порождает хулиганства. Это преступление является следствием пьянства лишь при «пособничестве» со стороны таких факторов, как низкий уровень образования, ошибки воспитания, нарушение правил продажи алкогольных напитков, пассивность общественности в борьбе с пьянством и хулиганством, отрицательное влияние ближайшего окружения — микросреды и т. д.

Анализ состава осужденных в 1967 году в Эстонской ССР за хулиганство, совершенное в пьяном виде, показал, что среди пьяных хулиганов имели начальное образование — 59,0% и 8-летнее — 28,7%. По возрасту они распределялись следующим образом: до 16 лет — 0,7%, 16—17 лет — 2,6%, 17—18 лет — 6,3%, 18—24 года — 23,2%, 25—29 лет — 21,2%, 30—39 лет — 31,3%, 40—49 лет — 12,2% и старше 50 лет — 2,5%. Почти все эти лица были материально хорошо обеспечены, но в силу узости интересов не умели заполнить свой досуг ничем иным, как пьянством. Отсюда бессмысленное озорство, скандалы, драки, пьяные компании, которые рушат все, что попадает на пути.

Итак, к злоупотреблению алкоголем и через него к хулиганству ведет прежде всего низкий культурный уровень, ограниченность интересов, неумение разумно использовать свободное время.

Внешне алкоголь ведет к хулиганству посредством воздействия на процессы торможения, в результате чего в человеке обнажаются бестактность и цинизм, проявляются низменные страсти и побуждения, агрессивность действий и т. п. Однако механизм воздействия алкоголя на преступность чрезвычайно сложен и имеет ярко индивидуальный характер. Он включает многие элементы случайности, природа которых до сих пор полностью еще не раскрыта. Ведь известно, что среди пьяных преступлений совершает в общем-то незначительная часть людей.

И все же в общих чертах можно отметить, что алкоголь является тем катализатором, который способствует проявлению заложенных вовне личности хулиганских установок, сформировавшихся под воздействием отрицательного микросоциального окружения и недостатков воспитания.

Этиология алкоголизма и хулиганства как социальных болезней может быть понятна только в том случае, если рассматривать как внешние, так и внутренние причины и условия, порождающие эти явления.

К внешним факторам этиологического порядка следует отнести: 1) неблагоприятное влияние окружающей микросреды;

2) недостатки культурно-воспитательной работы; 3) живучесть алкогольных и других чуждых социалистическому обществу традиций; 4) снисходительно-благодушное отношение части общественности к пьянству и проявлениям хулиганского поведения (сквернословию, циничному отношению к женщине и т. п.); 5) психогенные факторы, вызывающие различной степени эмоциональные переживания, вплоть до аффектов.

К внутренним этиологическим факторам следует отнести: 1) структуру отдельной личности с превалированием в ней индивидуального над социальным; 2) социальную ориентацию личности; 3) психологию личности; 4) эгоизм; 5) уровень сознания личности.

5. Автоаварии, т. е. нарушение правил безопасности движения или технической эксплуатации автомобиля лицом, под вождением которого он находился (ст. 204 УК ЭССР). Этот вид преступления, так же как и хулиганство, относится к преступлениям против общественного порядка и общественной безопасности, но с алкоголизмом имеет совершенно иную корреляцию. Свыше 40% преступлений на автотранспорте являются прямым следствием употребления алкогольных напитков. И все же не алкоголизм является причиной этой категории преступлений.

Как известно, диспозиция статьи 204 УК ЭССР является бланкетной. Следовательно необходимо обратиться к Правилам движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам Союза ССР, нарушение которых при наступлении последствий, предусмотренных диспозицией ст. 204 УК ЭССР, влечет за собой уголовную ответственность. Статья 22 п. «а» вышеуказанных Правил запрещает управление автототранспортом в нетрезвом состоянии (даже в самой легкой степени опьянения).

Управление в нетрезвом состоянии автототранспортом само по себе уже является грубым нарушением Правил движения, которое во всех случаях влечет за собой административную ответственность, а в случае установленных законом последствий — уголовную ответственность.

Нормы права, регулирующие ответственность за нарушением Правил безопасности движения автототранспорта, известны всем лицам, имеющим водительские права. Отсюда первопричина «пьянства за рулем» — наличие у отдельных личностей нигилистической правовой установки. Причину этих двух рассматриваемых явлений следует искать в дефектах нравственного формирования личности.

Пьяный водитель за рулем — это потенциальный преступник, ибо даже незначительная доза спиртного, в зависимости от индивидуальных особенностей водителя, замедляет скорость реакции на 30—40%. Кроме того, опьянение создает у водителя обманчивое представление о координации своих движений. Исходя из этого, следует прийти к выводу, что между опьянением и пре-

ступным результатом имеется причинная связь, в то время как такая связь между опьянением и нарушением Правил движения отсутствует.

6. Преступления против личной собственности граждан. При совершении этой категории преступлений злоупотребление алкоголем выступает в роли подхлестывающего фактора. Имущественные преступления часто совершают алкоголики, у которых на почве систематического пьянства вырабатываются паразитические наклонности.

Изучение уголовных дел на лиц, осужденных в 1969 году судами республики за кражи личного имущества граждан, показало, что среди тех, кто совершал кражи в нетрезвом состоянии, 45,6% лиц не имели определенных занятий и вели паразитический образ жизни, а 58,4% лиц были ранее судимы. Кроме того 38,9% осужденных за кражи являлись хроническими алкоголиками.

Таким образом, мы можем подтвердить мысль авторов труда «Алкоголизм — путь к преступлению», что при посягательствах против личного имущества граждан алкоголизм, как и при других преступлениях, «... создает объективную обстановку, толкающую лиц на преступный путь тем, что он ослабляет или вовсе ликвидирует общественно полезные связи и отношения лица с производством и трудовыми коллективами».¹³ Но этим не исчерпывается корреляция алкоголизма и преступлений против личной собственности граждан. Наряду с тем, что под влиянием опьянения ослабляются тормозные процессы и обнажаются антиобщественные, стяжательские установки, следует обратить внимание и на то, что хронические алкоголики, под воздействием болезненного влечения к спиртным напиткам, в тех случаях, когда уже нечего пропивать, нередко совершают кражи, чтобы добыть средства на выпивку.

И, наконец, преступный элемент с легкостью пропивает добытое преступным путем. В этом случае имеется влияние преступности на алкоголизм, т. е. обратная связь.

7. Механизм влияния алкогольного опьянения на совершение преступлений весьма и весьма сложен. Рассматривая этот вопрос, следует дать ответ, как алкоголь воздействует на поведение человека. Почему он вызывает не всегда и не везде одни и те же чувства и желания? Случайна ли разница в поведении пьяных людей или она обусловлена определенными причинами? Можем ли мы, раскрыв эти причины, зная изменчивость их воздействия на личность, предотвратить возникновение антиобщественных эксцессов?

Ответ на эти вопросы можно получить только в том случае,

---

¹³ Алкоголизм — путь к преступлению. М., 1966, стр. 14—15.

если мы будем рассматривать алкоголизм в свете не только социального и психологического, но и биологического.¹⁴

«Чтобы действительно знать предмет, — писал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». «Мы никогда не достигнем этого полностью, но требования всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения».¹⁵

Вопрос о влиянии алкоголя на человеческий организм в том числе на центральную нервную систему весьма обстоятельно разработан как в общемедицинском, так и в психиатрическом аспекте.¹⁶

В основу понимания влияния алкоголя на центральную нервную систему легло открытие И. М. Сеченовым интерцентрального торможения и центрального задержания¹⁷, получившего свое дальнейшее развитие у Н. Е. Введенского.¹⁸

И. П. Павлов в своих трудах раскрыл механизм уравнивания организма с внешним миром, показав, что он происходит под воздействием как раздражительного, так и тормозного процессов, возникающих под воздействием определенных раздражителей.¹⁹

Рефлекторная теория Сеченова-Павлова лежит в основе объяснения фармакологического воздействия алкоголя на раздражительные и тормозные процессы центральной нервной системы. Под воздействием алкоголя в первую очередь блокируется внутреннее торможение, а уже затем подвергается воздействию раздражительные процессы. «Первое действие алкоголя на человека, — отмечал И. П. Павлов, — заключается в ослаблении тормозного процесса . . . Он (пьяный) скинул с себя долю торможения, которое обуславливается социальной жизнью . . .»²⁰

Алкоголь вызывает нарушение координационных отношений

¹⁴ Философски правильным решением является не отрыв социального и психологического от биологического и не сведение одного к другому, а признание наличия двух, относительно независимых друг от друга сфер бытия, постоянно взаимодействующих и взаимопределяющих друг друга. Я. С. Иорриш. И биологическое и социальное — Вопросы философии, 1969, № 3, стр. 147

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

¹⁶ См. И. М. Сеченов. Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения. Дисс. докт. СПб, 1860; С. С. Корсаков. Психиатрические экспертизы. М., 1902; Э. Крепелин. Введение в психиатрическую клинику. М., 1923; В. М. Бехтерев. Социальное наследие старого быта (на борьбу с алкоголизмом). Вестник знания, 1927, 9; С. Г. Жислин. Об алкогольных расстройствах. Клинические, социально-психологические и биологические проблемы. М., 1967 и др.

¹⁷ См. И. М. Сеченов. Физиология нервных центров. СПб., 1891.

¹⁸ См. Н. Е. Введенский. Возбуждение, торможение и наркоз. СПб, 1901.

¹⁹ См. И. П. Павлов. Условные рефлексы. М., 1949, т. I.

²⁰ И. П. Павлов. Павловские среды, т. II, М., 1949, стр. 79.

(динамического стереотипа) в центральной нервной системе. Но было бы ошибочным видеть в этом влияние алкогольного опьянения на совершение преступлений. Известно, что в состоянии опьянения люди ведут себя по разному.

Одни становятся благодушными, видят все в радужном свете, стремятся установить с людьми дружеские контакты.

Другие, наоборот, обозляются, становятся грубыми, невыдержанными и даже агрессивными.

Третьи утрачивают чувство такта и стыда, становятся до крайности циничными.²¹

Однако известно, что не только в состоянии алкогольного опьянения, но и в трезвом состоянии люди могут при одной и той же жизненной ситуации вести себя по разному. Иными словами, поведение людей обусловлено множеством факторов, а не только тем — трезв или пьян человек.

Психологами отмечено, что разнообразие форм поведения людей зависит от внутренних побуждений (мотивов), которыми человек руководствуется в каждом отдельном случае.²²

Помыслы людей в наше время весьма сложны, в них зачастую переплетаются разнообразные в том числе и противоречивые мысли, чувства и стремления. В этом каждый неоднократно убеждался, выбирая в определенных жизненных ситуациях для себя конкретную форму поведения. Разве не предшествует нашим поступкам иногда мысленная борьба мотивов, когда побеждает тот мотив, который в данный момент имеет наиболее сильное воздействие на наши помыслы. Ведь бывает, когда чувство долга оказывается сильнее чувства товарищества и т. п. Обуславливает борьбу мотива совокупность потребностей личности. Потребности же людей носят весьма широкий диапазон — от утоления голода и жажды до участия в общественно-политической жизни.

«Для каждого человека то «значительное», чего он хочет достигнуть в мышлении, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — будет иным в зависимости от степени его образованности, его жизненных отношений и от его цели в данный момент».²³

Характерной особенностью человеческого поведения является то, что прежде чем действовать практически, человек осмысливает весь процесс деятельности, средства его осуществления и возможный результат поведения. Но здесь следует предостеречь

²¹ О характере поведения пьяных см. Б. М. Сегал. Алкоголизм. М., 1967, стр. 8—24.

²² См. Л. С. Выгодский. Развитие высших психических функций. Изд. АПН РСФСР, М., 1960; Д. А. Кикнадзе. Потребность. Поведение. Воспитание. М., 1968; А. Г. Ковалев. Психология личности. М., 1965; В. Т. Лежнев. Учение о потребности в современной психологии. «Ученые записки Московского государственного педагогического института». Кафедра психологии. 1939, вып. I и др.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 281.

от смешения психического с физиологическим, т. к. мозг является только органом психической деятельности, а не его источником. В детерминации психических явлений изначально участвует внешний мир.²⁴

Говоря о поведении людей, мы должны отметить и то, что сознательные действия и поступки являются выражением той стороны психической жизни человека, которая называется волей. Рассматривая механизм человеческого поведения, мы должны иметь в виду, что не все волевые действия получают свое выражение вовне. Психологи различают внешние и внутренние волевые действия.

На поведение личности влияет также тип его нервной системы, темперамент и т. д.

«Психические процессы, участвующие в деятельности, направленной на уравнивание отношений между индивидом и средой, вызывают определенный эффект не изолированно («поштучно»), а через те динамические отношения, которые образуют целостное состояние личности, через установку».²⁵

Преступное поведение обуславливается антиобщественной установкой, которая «... в наиболее «концентрированном» виде включает индивидуалистическую жизненную ориентацию, пренебрежение нормами правопорядка и социалистической нравственности, безразличие к выбору средств для достижения своих целей, негативное отношение к общественным нуждам и интересам».²⁶

Немаловажное значение в человеческом поведении имеет развитие такого волевого качества, как выдержка и самообладание, т. е. умение воздерживаться от импульсивных, необдуманных действий.

Идеальной программой практического поведения личности должны быть нормы права, морали, обычаи и традиции, господствующие в обществе, поскольку в них отражены нравственные представления людей и они должны носить характер побудительных мотивов к действию. Однако «полностью выполнить свою роль мораль (а также и право — К. М.) может в том случае, если она становится средством отражения в головах людей их действительного положения в обществе.

Но поскольку это отражение не адекватно, так как сознание не тождественно бытию, у человека создается и нечто новое, чего в самой действительности не было, а именно представления о цели деятельности, ее оценка, размышления о средствах и т. д., т. е. моральные качества личности. Последнее есть продукт

---

²⁴ См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 5—9.

²⁵ А. С. Прангишвили. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967, стр. 73.

²⁶ В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968, стр. 33.

сознания, который только потому и появляется, что вызван к жизни определенной общественной потребностью».²⁷

Таким образом, алкоголизм может привести к преступному поведению лишь тех людей, которые утратили чувство моральной ответственности и стали рабами своих личных побуждений, страстей, желаний, склонностей и чувств. У личностей, воспитанных в высоконравственном духе, алкоголь такого воздействия не имеет, поскольку здесь моральное сознание выступает как нравственный тормоз, не позволяющий человеку отступать от нравственных требований общества.

Исходя из этого, речь может идти только о первой категории людей, т. е. тех, которые утратили чувство моральной ответственности.

Отсюда первой предпосылкой совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения является моральная неполноценность личности.²⁸

У одних алкогольное опьянение блокирует такое волевое качество, как выдержка и самообладание (при сохранении способности отдавать отчет в совершаемых действиях), в результате чего совершаются импульсивные, необдуманные действия. В сочетании с определенным характером, типом нервной системы, темпераментом и антиобщественной установкой подобная блокировка может привести к хулиганскому эксцессу.

У других под воздействием алкогольного опьянения ослабляется внутренняя борьба мотивов и побеждают низменные побуждения, в результате чего личность совершает антиобщественные поступки с целью удовлетворения своих потребностей.

У третьих алкогольное опьянение усиливает чувство самонадеянности, в результате чего могут быть совершены преступления по неосторожности.

Этим не исчерпывается механизм воздействия алкогольного опьянения на совершение преступлений. Он более многообразен. Однако следует подчеркнуть одно — алкоголизм не является причиной преступности.

Алкоголизм лишь способствует более острому проявлению антиобщественных установок личности.

Он (т. е. алкоголизм) придает преступности общественно более опасную окраску тем, что под воздействием алкогольного опьянения нередко совершаются бессмысленно жестокие преступления.

---

²⁷ Т. В. Самсонова. Теоретические проблемы этики. Изд. МГУ, 1966, стр. 37—38.

²⁸ О формировании антиобщественной установки личности см. А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, М., 1961; Н. С. Лейкина. Личность преступника и уголовная ответственность. Изд. ЛГУ, 1968; И. И. Карпец. Проблема преступности. М., 1969; В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968; и др.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ БОРЬБЫ С РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Кандидат юридических наук А. Романов

МВД Эстонской ССР

Одной из основных проблем искоренения преступности является борьба с рецидивной преступностью.

Не случайно в майских (1970 года) решениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР подчеркивается, что исправление и перевоспитание правонарушителей является делом большого государственного и политического значения. В упомянутых решениях предусмотрен комплекс мероприятий по улучшению деятельности партийных, советских, хозяйственных, административных органов, общественных организаций и коллективов трудящихся по исправлению и перевоспитанию правонарушителей. Эти решения предусматривают меры по коренному улучшению деятельности исправительно-трудовых учреждений; определяют меры по совершенствованию уголовного законодательства и повышению его эффективности.

Для определения эффективности борьбы с рецидивной преступностью немаловажное значение имеет правильное установление действительного состояния борьбы с рецидивной преступностью.

Статистические показатели рецидивной преступности в определенной мере характеризуют результаты работы многих государственных, общественных организаций и общественности. Однако, на наш взгляд, нельзя при применении статистических методов изучения преступности главенствующее значение придавать удельному весу рецидивной преступности и рецидивистов.

По сложившейся практике борьбу с рецидивной преступностью и в первую очередь работу органов внутренних дел обычно оценивают по удельному весу рецидивной преступности. Если повышается процент (доля) рецидивных преступлений в числе всех раскрытых преступлений или увеличивается доля лиц, ранее совершавших преступления, в числе всех лиц, совершавших преступления, то делается вывод, что борьба с рецидив-

ной преступностью, а также работа органов милиции и исправительно-трудовых учреждений ухудшалась.

В общем числе участников раскрытых преступлений по всем линиям служб органов милиции лица, ранее совершившие преступления, составили в Эстонской ССР в 1967 году 28,3 процента, в 1968 году 31,6 и в 1969 году 31 процент. Следовательно, почти каждое третье лицо из числа всех преступников за эти годы уже ранее совершало преступление.

По высокому удельному весу рецидивистов и по увеличению его за ряд лет делается вывод о росте рецидивной преступности.

При такой оценке борьбы с рецидивной преступностью в республике фиксируется наиболее неблагоприятное положение в Пярнуском, Тартуском, Раквереском, Хартюском, Кохтла-Ярвеском, Вильяндиском, Рапласком и Хаапсалуском районах.

При анализе же динамики преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления за 1966—1969 годы, выясняется, что относительно худшее положение наблюдается в Хаапсалуском районе, в городе Таллине, в Пайдеском и Раквереском районах, в городе Кохтла-Ярве и Кохтла-Ярвеском районе.

Нет сомнений в том, что надо анализировать структуру преступности и лиц, совершающих преступления. Однако, на наш взгляд, оценивать борьбу с рецидивной преступностью только по росту или снижению удельного веса рецидивных преступлений или рецидивистов было бы явно неправильно.

Представляется, что многих лиц, ранее совершавших преступления, исправить и перевоспитать труднее, чем мелких правонарушителей и граждан, совершающих лишь аморальные поступки. По мере улучшения воспитательной и предупредительно-профилактической работы среди населения количество лиц, впервые совершающих преступления, должно уменьшаться быстрее по сравнению с числом рецидивистов. Поэтому последовательно будет увеличиваться и удельный вес рецидивистов и рецидивных преступлений. Можно представить себе, например, что в каком-то районе в будущем только один трудноисправимый рецидивист совершит одно преступление. Тогда удельный вес рецидивных преступлений и рецидивистов составит 100%.

Анализ уголовной статистики (по линии уголовного розыска) показывает, что в Эстонской ССР за прошедшие четыре года сократилось количество впервые совершенных преступлений. Хотя уменьшилось и количество лиц, привлекаемых к ответственности и ранее совершавших преступления, все же количество совершенных рецидивистами преступлений несколько увеличилось.

При определении состояния борьбы с преступностью на территории той или иной республики или области и сравнении показателей, характеризующих преступность, допускаются ошибки

из-за отсутствия правильной методики вычисления этих показателей.

Показатель распределения (доли, удельного веса, процента) необходим для характеристики структуры преступности на территории данной республики или области за данное время. Когда показатели распределения используются для сравнения и вычисляются из разных величин за разные отрезки времени, в разных объектах исследования, то это влечет за собой недостоверность выводов. Именно здесь и в других случаях применения статистического метода в исследовании преступности допускаются ошибки.¹

Оценивая состояние борьбы с преступностью и сравнивая удельный вес рецидивной преступности по отдельным союзным республикам, городам и районам, можно прийти к неправильным выводам из-за несопоставимости этих показателей.

Следует иметь в виду, что, если можно так сказать, вес каждого процента удельного веса различен.

В Выруском районе удельный вес рецидивной преступности в 1966—1969 г.г. составлял 31—41%. В городе Таллине же он колебался в пределах 17—33%. Однако в Выруском районе в 1969 году на один процент удельного веса приходилось почти в 13 раз преступлений меньше, чем в городе Таллине. Если же за 100 процентов взять количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в 1966 году, то в городе Таллине в 1969 году произошло увеличение количества этих преступлений. В Выруском районе при аналогичном сравнении увеличения вообще не наблюдалось. Между прочим, коэффициент всей преступности на 10 тыс. населения в Выруском районе значительно ниже, чем в городе Таллине. Получается странная картина. Общее состояние преступности в Выруском районе более благополучно по сравнению с городом Таллином. Однако при упомянутой оценке рецидивной преступности положение в Выру сложилось наиболее неблагоприятное.

Удельный вес зависит также от количества раскрытых преступлений. Соотношение числа преступлений, совершенных рецидивистами, с числом раскрытых преступлений меняется. Удельный вес выводится из изменяющихся чисел: количества раскрытых преступлений и количества всех лиц, совершивших преступления. Поэтому при уменьшении даже количества преступлений, совершенных рецидивистами, может повыситься удельный вес.

В Эстонской ССР в 1967 году по сравнению с предыдущим годом количество раскрытых преступлений, зарегистрированных по линии уголовного розыска, а также количество рецидивных

---

¹ См. А. И. Белов. Анализ и определение эффективности работы по предупреждению преступности. Сборник республ. научно-практической конференции. Вопросы предупреждения преступлений, Таллин, 1968, стр. 45—52.

преступлений уменьшилось. И все же, несмотря на некоторое снижение повторных преступлений, удельный вес рецидивной преступности при этом увеличился с 31% до 32,8%. В 1969 году по сравнению с 1968 годом количество рецидивных преступлений уменьшилось более значительно. Однако количество всех раскрытых преступлений уменьшилось менее значительно. Поэтому удельный вес остался стабильным — 37%.

В соответствии с ныне действующими нормативными актами, лицом, ранее совершавшим преступление, считается человек, который совершил преступление и не имеет при этом значения обстоятельство, что судимость погашена или снята. Без выяснения изменений, вносимых в учет рецидивных преступлений, невозможно правильно определить состояние борьбы с рецидивом. В 1966 году инструкция «О едином учете преступлений» предписала учитывать преступления лиц, ранее совершавших преступления. В связи с этим увеличился круг учитываемых повторных преступлений, так как на учет берутся не только преступления ранее судимых лиц. Изменения 1966 года, с одной стороны, влекут за собой постоянное увеличение количества учитываемых повторных преступлений, так как за счет погашения или снятия судимости количество этих преступлений не может сократиться. Следовательно, будет увеличиваться и удельный вес этих преступлений, определяемых от количества раскрываемых преступлений. С другой стороны, не представляется возможным сопоставить повторные преступления 1966—1969 годов с повторными преступлениями, взятыми на учет до 1966 года. В Эстонской ССР в 1966 году было взято на учет в два раза больше повторных преступлений и по сравнению с 1965 годов, удельный вес рецидивной преступности возрос с 25,6% до 31,9%. Однако даже происшедшие изменения в учете рецидивных преступлений иногда не принимаются во внимание и по показателям, характеризующим структуру преступности, дается оценка состояния борьбы с преступностью, в том числе деятельности милиции и исправительно-трудовых учреждений.

Сроки снятия с учета лиц, ранее совершавших преступления, установлены ведомственными нормативными актами, и они, как правило, превышают сроки погашения и снятия судимости.

При выборочном изучении лиц, совершавших преступления и вновь совершивших преступления в четвертом квартале 1969 года, выяснилось, что 77,4% из них ранее содержались в исправительно-трудовых учреждениях, а 22,6% ранее приговаривались к наказаниям, не связанным с лишением свободы, или к ним применялись меры общественного воздействия. Однако их предыдущее преступление, которое давало основание считать их рецидивистами, было совершено в очень разные периоды времени. Ранее совершили преступление в том же, то есть в 1969 году 8,6%, в 1968 году — 14,7%, в 1967 году — 19,5%, в 1966 году —

11,3%. Таким образом, в первые три года вновь совершили преступления 54% изучаемых лиц. Вместе с тем 21% совершили преступление 4—5 лет тому назад, то есть в 1963—1965 гг. И довольно большое количество таких лиц (25%) совершили вновь преступление по истечении 6—29 лет (в 1960—1962 гг. — 7,5%, в 1957—1959 гг. — 4,8%, в 1954 г. — 1956 г. — 1,7%, в 1940—1953 гг. — 10,6%).

Это в свою очередь не может не сказаться и на удельном весе рецидивных преступлений и рецидивистов.

На цифровые показатели удельного веса рецидивистов и рецидивных преступлений влияет состояние их учета и контроля за правильностью заполнения документов. Следователи и дознаватели или лица, производившие дознание, заполняя карточки на преступление и лицо, совершившее преступление, во многих случаях направляют в учетные аппараты неполную информацию. Если аппараты статистики и учета органов МВД не перепроверяют каждую поступившую к ним карточку, то, разумеется, количество взятых на учет рецидивных преступлений и рецидивистов будет уменьшаться. В МВД ЭССР каждая поступившая карточка перепроверяется по соответствующей карточке.

В целях устранения формализма и более правильной оценки состояния борьбы с рецидивной преступностью следовало бы, в частности, учитывать следующие положения.

Во-первых, необходимо исходить из качества работы партийных, советских, хозяйственных, административных органов, общественных организаций и коллективов трудящихся по исправлению и перевоспитанию рецидивистов и предупреждению рецидивной преступности. Это выявляется при глубокой проверке фактически проделанной работы упомянутых организаций в расширяемой области.

Во-вторых, совершенствуя методику статистического исследования преступности, следует более критически подходить к статистическим показателям борьбы с рецидивной преступностью.

Нет оснований главенствующее значение придавать удельному весу рецидивной преступности. При сравнении динамики рецидивных преступлений за ряд лет необходимо одновременно сравнивать и динамику впервые совершенных преступлений за этот же период. Уменьшение количества впервые совершаемых преступлений и рецидивных преступлений, разумеется, дает основание полагать, что эффективность борьбы с преступностью повышается. Но и при увеличении удельного веса рецидивных преступлений и уменьшении впервые совершаемых преступлений нет оснований считать, что эффективность борьбы с преступностью снижается.

Состояние борьбы с рецидивной преступностью следует, в первую очередь, определять не по удельному весу преступлений лиц, ранее совершивших преступления, а по коэффициенту реци-

дивных преступлений к количеству этих лиц, проживающих на той или иной территории.

Поэтому надо создать учет рецидивистов, у которых судимость не погашена и не снята как в пределах республики, так и по отдельным городам и районам. По коэффициенту рецидивных преступлений на 100 указанных рецидивистов, проживающих на той или иной территории, было бы более объективно сравнивать эффективность борьбы с рецидивом. Вряд ли целесообразно определять коэффициент рецидивной преступности исходя из всех лиц, ранее совершавших преступления, в том числе и тех, с которых судимость погашена или снята.

RETSIDIIVSE KURITEO KRIMINOLOOGILISE PROGNOOSIMISE METOODIKAST

Õigustead, kandidaat H. Kings

Tartu Riiklik Ülikool

1. Retsidiivse kuriteo prognoosimisel tuleb süüdimõistetud uue kuriteo võimalikkuse üle otsustada tema senise elu ja isiksuse alusel. Üheks retsidiivi ettenägemise võimaluseks on prognoositava isiku elukäigu ning isiksuse kõrvutamine ühelt poolt juba retsidiivse kuriteo toimepannud isikute tüüpilise elukäigu ja isiksusega ning teiselt poolt nende isikute tüüpilise elukäigu ja isiksusega, kes pärast esmakordset süüdimõistmist enam ei ole uusi kuritegusid toime pannud. Kui prognoositava elukäik ning isiksus on põhijoontes sama mis retsidiivistidel, on tõenäoline ka uue kuriteo toimepanemine. Ja vastupidi, kui prognoositava elukäik ja isiksus sarnanevad mitteretsidiivistide omaga, on uus kuritegu palju vähem tõenäoline.

Nagu näeme, on prognoosimise probleemistik tihedalt seotud retsidiivi geneesi probleemidega ning prognoosi efektiivsus sõltub suurelt osalt retsidiivi põhjuste tundmisest. Kui me tunneme hästi retsidiivi tüüpilisi põhjusi ja oskame neid tuvastada konkreetse kuriteo puhul, võime ka ette näha retsidiivi reaalsel ohtu või selle puudumist. Seepärast, ehkki käesoleva töö põhiline ülesanne on retsidiivi prognoosimise meetodika käsitlemine, ei saa me päriselt mööda minna ka retsidiivi geneesi probleemidest.

Retsidiivi tüüpilisi põhjusi ja nendega kaasnevaid nähtusi võimaldab tuvastada retsidiivistidest ja mitteretsidiivistidest moodustatud väljavõteteliste rühmade võrdlev kriminoloogiline uurimine. Nimetame retsidiivistide rühma põhirühmaks ja mitteretsidiivistide rühma kontrollrühmaks. Käesolevas töös on kasutatud faktilise materjalina retsidiivi kriminoloogilisel iseloomustamisel autori andmeid 100 nooruki-retsidiivisti kohta, kes võeti esmakordselt kriminaalvastutusele alaealistena ja karistati vabadusekaotusega Eesti NSV-s aastatel 1960—1965 (põhirühm), ja 100 esmakordselt kriminaalvastutusele võetud ja vabadusekaotusega karistatud alaealise kohta Eesti NSV-s aastatel 1965—1966 (kontrollrühm). Kuna andmed kontrollrühma kohta piirduvad perioodiga kuni

esmakordse karistuse mõistmiseni, võimaldab kõnesolev faktiline materjal prognoosida retsiidivi ainult kõige varajasemas staadiumis — esmakordse süüdimõistmise ajal.¹

2. Vaatleme lühidalt prognoosi aluseks olevate tunnuste valiku meetodikat.

Kõnesoleva 200 kurjategija osas oli uurimisobjektiks neid ümbritsenud sotsiaalne keskkond, nende käitumine ja isiksus enne esmakordset süüdimõistmist.

Peaaegu kõigi uuritud tunnuste osas (neid oli üle 60) ilmnesid põhi- ja kontrollrühma näitajates statistilised erinevused. Nende usaldatavuse kontrollimiseks kasutasime Studenti kriteeriumi:

$$t_{\text{diferents}} = \frac{P_1 - P_2}{\sqrt{\frac{P_1(1-P_1)}{N_1-1} + \frac{P_2(1-P_2)}{N_2-1}}},$$

kus P_1 ja P_2 tähistavad andmeid erinevates rühmades, N_1 ja N_2 aga rühmade suurusi.

Kui võtta usaldatavusastmeks 95%, nagu seda tavaliselt tehakse, vabadusastme juures $df = \infty$ ($df = N_1 + N_2 - 2$), siis peab toodud valemi alusel arvatud t kriitiline olema vähemalt 1,96. Sellisel juhul on näitajate erinevus rühmade vahel statistiliselt usaldatav.²

Pärast statistiliselt usaldatavate erinevuste väljaselgitamist jäi valida 38 tunnuse vahel. Kuna käesolevas töös kirjeldatava prognoosimismeetodi seisukohalt on kasutatavad ainult vastastikku sõltumatud või vähesõltuvad tunnused (korrelatsioonikordaja peab olema mitte suurem kui 0,3—0,4, sest vastasel korral mõjutaks üks tunnus prognoosi tulemust nii otseselt kui ka teiste temast sõltuvate tunnuste kaudu), tuli leida korrelatsioonikordajad. Selleks kasutasime χ^2 valemit³:

$$\chi^2 = \frac{n(ad - cb)^2}{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)},$$

¹ Rühmade moodustamise põhimõtete ja nende iseloomustuse kohta vt. lähemalt H. King's. Noorukite retsiidivne kuritegevus (Eesti NSV materjalide alusel). Väitekirj õigusteaduse kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks. Tartu, 1968, lk. 95—104.

² Valemi kohta vt. lähemalt Н. Бейли. Статистические методы в биологии. М., 1962, стр. 251.

Nagu valemist näeme, on rühmade suurus pöördvõrdelises sõltuvuses näitajate erinevusest rühmade vahel: mida suuremad on rühmad, seda väiksem erinevus näitajates on statistiliselt usaldatav, ja vastupidi, mida väiksemad on rühmad, seda suurem peab olema erinevus, et olla statistiliselt usaldatav. Siit järeldub, et statistiliselt usaldatavate andmete saamiseks ei ole sotsioloogiliste uurimuste puhul vaja väga suurt arvu uuritavaid isikuid. Tähtis on, et objektid oleksid õigesti valitud.

³ Valemi kohta vt. lähemalt Дж. Эдн и Юл, М. Дж. Кендэл. Теория статистики. М., 1960, стр. 315—316.

kus n on rühma suurus, a — juhud, kus esinevad mõlemad tunnused, b — kus esineb ainult üks tunnustest, c — kus esineb ainult teine tunnustest, d — kus ei esine kumbagi tunnust, kusjuures

$$r = \sqrt{\frac{x^2}{n}}.$$

Leidnud kummaski rühmas eraldi korrelatsioonikordajad elektronarvutil «Ural-4», tuli otsustada, millised vastastikku sõltuvatest tunnustest välja jätta. Kui omavahel olid seotud ainult kaks tunnust, jäi välja väiksema t_{dif} tunnus. Kui seosed olid keerulisemad, arvestasime lisaks eelnevale ka seoste arvu, jättes välja tunnused, millel oli kõige rohkem lubatust tugevamaid seoseid.

Eeltoodud tingimusi arvesse võttes jäi n.-õ. sõelale 20 tunnust: 1) kodune miljö oli ebastabiilne (vanemad lahku läinud või viibinud karistuse kandmisel või uuritav ise lahkunud kodust), 2) perekond elas ühes toas, 3) uuritavale ei antud üldse taskuraha, 4) kodu ja kooli kontakt puudus või oli puudulik, 5) vanemad suhtusid pooldavalt või ükskõikselts uuritava õpingute katkestamise, 6) uuritav vahetas kooli, 7) uuritava haridus oli 7 kl. või vähem, 8) uuritav vahetas töökohti, 9) esmakordse kriminaalvastutusele võtmise ajal uuritav ei töötanud ega õppinud, 10) uuritav ei tundnud huvi poliitilise kirjanduse vastu, 11) uuritav ei sõbrutsenud koolikaaslastega, 12) uuritav sõbrutses endast vanemate inimestega, 13) uuritav oli olnud seksuaalvahekorras, 14) uuritav suitsetas, 15) uuritav tarvitas peaaegu iga päev alkoholi, 16) uuritaval esines kodunt põgenemisi, 17) uuritav pani toime kuriteo Eesti NSV KrK § 197 tunnustel, 18) uuritav pani toime enam kui ühe kuriteo enne esmakordset kriminaalvastutusele võtmist, 19) uuritav pani toime kuriteo koos varem kuritegusid toimepannud isikutega, 20) uuritav ei kahetsenud kuriteo toimepanemist.⁴

Prognoosi täpsuse kindlustamiseks jätsime üllalloeletud tunnuste hulgast kõrvale veel tunnused, mille osas võis esineda vigu algandmetes. Nii jäid välja tunnused, mis rajanesid hinnangutel (näit. vanemate suhtumine uuritava õpingute katkestamise) või eeskätt uuritava enda seletustel (näit. kas uuritav oli olnud seksuaalvahekorras). Otsustasime välja jätta ka kuriteo liiki käsitleva tunnuse (17), kuivõrd teised samalaadsed tunnused olid juba välja jäänud põhjusel, et rühmade vahel ei esinenud statistiliselt usaldatavaid erinevusi või siis olid need tunnused seotud paljude teiste tunnustega.

Eeltoodud kaalutlustel valisime lõplikult välja 10 tunnust, mis on esitatud alljärgnevas tabelis.

---

⁴ Tunnuste kriminooloogilise iseloomustuse kohta vt. H. King's. Noorukite retsidiivne kuritegevus (Eesti NSV materjalide alusel). Väitekirj õigusteaduse kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks. Tartu, 1968, lk. 115 jj.

Tabel 1

Jrk. nr.	Tunnuse nimetus	Tunnuse esinemine:		t _{dif}
		põhirühmas %	kontrollrühmas %	
1.	Kodune miljöö oli ebastabiilne	74	32	6,5
2.	Perekond elas ühes toas	64	40	3,4
3.	Uuritav vahetas kooli	82	64	2,9
4.	Uuritava haridus oli 7 kl. või vähem	86	62	4,0
5.	Uuritav vahetas töökohti	38	19	2,8
6.	Esmakordse kriminaalvastutusele võtmise ajal uuritav ei töötanud ega õppinud	31	4	5,4
7.	Uuritav tarvitas peaaegu iga päev alkoholi	25	8	3,3
8.	Uuritaval esines kodunt põgene-misi	45	22	3,5
9.	Uuritav pani toime enam kui ühe kuriteo enne esmakordset kriminaalvastutusele võtmist	76	56	3,3
10.	Uuritav pani toime kuriteo koos varem kuritegusid toimepannud isikutega	45	17	4,4

Ülaltoodud tunnuste valikul on eeskätt silmas peetud metoodilist aspekti. Prognoosimise üheks raskemaks probleemiks on aga tunnuste valiku teoreetiliste aluste väljatöötamine ning see küsimus vajab alles uurimist.

3. Konkreetsetest prognoosimise meetoditest vaatleme meetodit, mille on välja töötanud A. Wald ning täiendanud A. Genkin ja L. Võhandu.⁵ Senini on seda meetodit edukalt rakendatud muudes valdkondades.⁶

A. Waldi meetod on järgmine.

Pärast tunnuste valikut tuleb leida tunnuste rühmadevahelised suhted. Tabelis 1 toodud esimese tunnuse osas on see $74:32=2,312$. Täpselt samuti tuleb talitada tunnuste alternatiividega. Esimese tunnuse osas on see $(100-74):(100-32)=0,382$. Selliselt tuleb töödelda kõiki uuritavaid tunnuseid (vt. tabel 4).

Millest need jagatised räägivad? Kui jagatis on suurem kui

⁵ L. Võhandu. Matemaatilised meetodid bioloogias. — «Eesti Loodus», 1964, nr. 4, lk. 193—196.

⁶ Vt. näiteks И.-В. Найдис, С. Р. Вельдре. Определение пола по слабокоррелирующим остеометрическим признакам. — «Судебная медицина», т. 9, 1966, № 2.

1, on tegemist retsidiivse tunnusega, kui väiksem kui 1, mitteretsidiivse tunnusega. On ju toodud näites koduse miljöö ebastabiilsus iseloomulikum retsidiivistidele, selle puudumine aga kontrollrühmale. Arvud 2,312 ja 0,382 väljendavad kõnesolevaid tunnuseid kvantitatiivselt.

Konkreetselt isiku kohta prognoosi saamiseks selgitatakse välja tema juures tabelis fikseeritud tunnuste esinemine või puudumine, asendatakse tunnused vastavate arvudega ning need korrutatakse omavahel. Nii saadakse koondhinnang kõigi tunnuste osas. Kui korrutis tuleb suurem kui 1, on isikut iseloomustav tunnuste kogum retsidiivne ning prognoos viitab retsidiivi võimalikkusele. Kui korrutis on väiksem kui 1, on tunnuste kogum mitteretsidiivne ning prognoos ei viita retsidiivi võimalikkusele. L. Võhandu soovib menetluse lihtsustamiseks korrutamine asendada liitmise ja lahutamise, leides rühmadevaheliste suhete logaritmid. Toome alljärgnevalt kümnendlogaritmi tabeli, kus kõik logaritmid on korrutatud sajaga. L. Võhandu nimetab neid suurusi pallideks.

Tabel 2

Suhted Pallid	1,0 0	1,25 10	1,5 18	1,75 24	2,0 30	2,25 35	2,5 40	2,75 44
Suhted Pallid	3,0 48	3,5 54	4,0 60	4,5 66	5,0 70	5,5 74	6,0 78	6,5 81
Suhted Pallid	7,0 85	7,5 88	8,0 90	8,5 93	9,0 95	9,5 98	10 100	
Suhted Pallid	0,95 -2	0,9 -5	0,85 -7	0,8 -10	0,75 -12	0,7 -15	0,65 -19	0,6 -22
Suhted Pallid	0,55 -26	0,5 -30	0,45 -35	0,4 -40	0,35 -46	0,3 -52	0,275 -56	0,25 -60
Suhted Pallid	0,225 -65	0,2 -70	0,175 -76	0,15 -82	0,125 -90	0,1 -100		

Sellistele suhetele nagu ülaltoodud näites 2,312 ja 0,382 leitakse pallid lihtsa võrdelise jaotuse teel (lineaarse interpolarisatsiooniga) ning antud juhul vastaks neile 36 ja 42 palli (tabel 4). Korrutamise asemel tuleb nüüd koondhinnangu saamiseks pallid liita. Kui summa on positiivne, on tunnuste kogum retsidiivne, kui summa on negatiivne, on tunnuste kogum mitteretsidiivne. Kui pallide summa on 0 (= korrutis 1), pole prognoos nende tunnuste alusel antud juhul võimalik, sest retsidiivi tõenäosus on võrdne sellest hoidumise tõenäosusega.

Mida enam erineb summa 0-st, seda suurem on vastavalt kas retsidiivi või sellest hoidumise tõenäosus. Seda peegeldab järgmine tabel.⁸

Tabel 3

Pallide summa	$\pm\infty$	± 200	± 128	± 95	± 75	± 60	± 48	± 40	± 30	0
Prognoosi teoreetilise usaldatavuse aste %	100	99	95	90	85	80	75	70	66	50

Pallide summa 200 ja sellele vastav prognoosi teoreetilise usaldatavuse aste 99% tähendavad seda, et iga 100 konkreetse isiku käitumise prognoosimisel, kui igakord pallide summa on 200, on ainult 1 prognoos 100-st ekslik, s. t. 99 juhul 100-st on prognoosi õigsus garanteeritud. Võime ka öelda, et +200 palli korral paneb kurjategija uue kuriteo toime 99%-lise teoreetilise tõenäosusega, -200 palli juures on aga retsidiivi teoreetiline tõenäosus ainult 1% (99-l juhul 100-st retsidiivi ei esine).

Loogika on sama ka ülejäänud juhtudel.

Eeltoodud üldisele põhimõttele tuleb lisada kaks tingimust: 1) öeldu kehtib juhul, kui prognoosi aluseks olev faktiline materjal on kvaliteetne, s. t. kui retsidiivi faktiline tõenäosus antud materjali alusel vastab teoreetilisele tõenäosusele. Kui 95—127 palli kogunud 100-lt kurjategijalt me võime teoreetiliselt eeldada retsidiivi 90-l kuni 94-l isikul, siis konkreetse faktilise materjali puhul peab see proportsioon säilima. Näiteks kui 15-st 95—127 palli kgunud isikust on 14 retsidiivistid (tabel 5), siis vastab retsidiivi faktiline tõenäosus teoreetilisele ($\frac{14}{15}100=92\%$) ning viimane kehtib. Kui faktiline tõenäosus ei vasta teoreetilisele, tuleb kontrollida algmaterjali kvaliteeti; 2) öeldu kehtib mitte ainult antud väljavõttelise kogumi retrospektiivsel prognoosimisel, vaid ka prospektiivsel prognoosimisel isikute osas, kes ei kuulu kõnesolevasse väljavõttelisse kogumisse, juhul kui retsidiivi geneesis ei ole toimunud olulisi nihkeid. Siit järeldus, et meetodi praktilisel rakendamisel tuleb perioodiliselt korrata retsidiivi kriminoloogilist uurimist ning vastavalt tegelikkuses toimunud muudatustele korrigeerida ka prognoositabeleid.

Retsidiivi teoreetilise tõenäosuse tegeliku realiseerumise osas tuleb veel silmas pidada, et prognoosimisel me ei võta arvesse prognoosi järeldusena rakendatavaid profülaktilisi vahendeid, mis võivad oluliselt vähendada negatiivse prognoosi realiseerumist.

⁸ Tabeli aluseks oleva valemi kohta vt. L. V õ h a n d u. Matemaatilised meetodid bioloogias. — «Eesti Loodus», 1964, nr. 4, lk. 195.

Tabeli 3 pinnalt tõusetub küsimus, kas kriminoloogiliste prognooside puhul ei tuleks samuti nagu teistes valdkondades võtta teatav kindel prognoosi usaldatavuse piir, millest alates tuleks negatiivset prognoosi arvestada profülaktilises töös. Tavaliselt on selleks piiriks 95%. Senises kriminoloogilises prognoosimise praktikas (näit. E. ja S. Glueckid) ei ole prognoosi usaldatavuse astet arvestatud. Kuid see probleem vajab siiski uurimist.

4. Tabel 4 ongi prognoositabel. Kontrollime selle efektiivsust meie poolt uuritud 100 nooruki-retsidiivisti retrospektiivse prognoosimise teel (tabel 5). Kuna prognoos toimub *post factum*, on võimalik absoluutselt täpselt kontrollida prognoosi vastavust tegelikkusele.

Tabel 4

Jrk. nr.	Tunnuse nimetus	Rühmadevahelised suhted:		Pallid:	
		põhitun.	alternat.	põhitun.	alternat.
1.	Kodune miljöö oli ebastabiilne	2,312	0,382	36	—42
2.	Perekond elas ühes toas	1,6	0,6	20	—22
3.	Uuritav vahetas kooli	1,281	0,472	12	—33
4.	Uuritava haridus oli 7 kl. või vähem	1,387	0,368	14	—44
5.	Uuritav vahetas töökohti	2,0	0,765	30	—12
6.	Esmakordse kriminaalvastutusele võtmise ajal uuritav ei töötanud ega õppinud	7,75	0,718	89	—14
7.	Uuritav tarvitas peaaegu iga päev alkoholi	3,125	0,81	49	—9
8.	Uuritaval esines kodunt põgenemisi	2,045	0,705	31	—15
9.	Uuritav pani toime enam kui ühe kuriteo enne esmakordset kriminaalvastutusele võtmist	1,357	0,546	13	—26
10.	Uuritav pani toime kuriteo koos varem kuritegusid toimepannud isikutega	2,647	0,662	42	—18

Tabelist näeme, et 79 retsidiivisti osas andis prognoos juba esmakordse süüdimõistmise ajal õige hinnangu nende edasisele käitumisele, pidades retsidiivi tõenäosust suuremaks sellest hoidumise tõenäosusest. Ühe isiku osas prognoos hinnangut ei andnud ning 20 osas andis eksliku hinnangu, pidades retsidiivi tõenäosust

väiksemaks sellest hoidumise tõenäosusest. Kuid tuleb arvestada, et nende isikute osas ei välista prognoos retsidiivi võimalust, vaid hindab seda ainult väiksemaks retsidiivist hoidumise võimalusega võrreldes. Sellegipoolest tekib küsimus, millest see on tingitud.

Eelkõige tuleb selle põhjust otsida retsidiivi geneesi iseärasustest. Kaugeltki mitte alati ei pruugi retsidiivi põhjused peituda isiku sügavamas rikutuses (tavaliste kurjategijatega võrreldes, kellele esimene süüdimõistmine jääb ka viimaseks) juba enne

Tabel 5.

Pallide summa	Retsidiivi teoreetilise tõenäosuse aste %	Retsidiivistide jagunemine %	Kontrollrühma jagunemine %	Retsidiivi faktilise tõenäosuse aste %
200 kuni ∞	99 kuni 100	8	0	100
128 — 199	95 — 98	17	4	81
95 — 127	90 — 94	14	1	93
75 — 94	85 — 89	10	1	91
60 — 74	80 — 84	9	2	82
48 — 59	75 — 79	6	0	100
40 — 47	70 — 74	1	1	50
30 — 39	66 — 69	7	6	54
1 — 29	51 — 65	7	13	35
0	50	1	0	100
—1 — —29	49 — 34	7	19	27
—30 — —39	33 — 31	3	7	30
—40 — —47	30 — 26	1	0	100
—48 — —59	25 — 21	2	5	40
—60 — —74	20 — 16	1	5	17
—75 — —94	15 — 11	2	4	33
—95 — —127	10 — 6	2	11	15
—128 — —199	5 — 2	2	20	9
—200 — ∞	1 — 0	0	1	0
Kokku		100	100	

esmakordset süüdimõistmist. Isikust, kes esmakordse süüdimõistmise ajal on iseloomustatav tavalise kurjategijana, võib kujuneda retsidiivist alles karistuse kandmise (kui see ei toimu nõutaval tasemel) või koguni sellele järgneval perioodil (kui karistuse kandmiselt vabanenu satub uuesti negatiivsesse mikrokeskkonda). Ka meie prognoosi objektide puhul ei ole välistatud võimalus, et osal neist kujunesid retsidiivi eeldused alles hilisemas staadiumis ning esmakordse süüdimõistmise ajal tehtav prognoos fikseerib neile just seetõttu madala retsidiivi tõenäosuse. See on probleem, mis vajab edasist uurimist.

Teine oluline moment, mis tõenäoliselt mõjutab prognoosi efektiivsust, võib olla seotud retsidiivi geneesi erisustega sõltu-

valt kuriteo liigist või muudest kuriteo või kurjategija isiksuse tüpoloogilistest tunnustest. Ka see hüpotees vajab edasist uurimist.

Kolmas asjaolu, mis ilmselt avaldab negatiivset mõju prognoosi efektiivsusele, seisneb kontrollrühma kvaliteedis. Kontrollrühma kuuluvad 1966. a. ATK-s karistust kandnud alaealised. Kuid aastail 1961—1964 pani 40% sellest kolooniast karistuse ärakandmisel vabanenuist toime retsiidiivse kuriteo. Järelikult ka kontrollrühm võib sisaldada kuni 40% ulatuses tulevasi retsiidiviste. See peegeldub ka tabelis 5 toodud andmetes, millest nähtub, et 28 kontrollrühma kuuluvat uuritavat on saanud retsiidiivse prognoosi. Kui retsiidivistide rühmas uuritavate jaotumine tabelis 5 üldjoontes vastab eeldatavale, s. t. kontsentratsioon on kõige suurem tabeli tipus, kus retsiidiivi tõenäosus on kõige suurem, siis kontrollrühma osas on selgelt eristatavad kaks kontsentratsiooni tsooni: 1) 29-st kuni —29-ni ja 2) üle —95. Kui viimane on loogiline, siis 0 ümber tekkinud kuhjumine on ilmne kõrvalekalle teoreetilistest eeldustest. Seda kinnitab ka retsiidiivi teoreetilise ja faktilise tõenäosuse võrdlemine. Kui enam kui +60 palli kogunud isikutel on ainuke suurem faktilise tõenäosuse lahkumine teoreetilisest +128 kuni +199 palli kogunud isikute osas, siis neil, kellel on +59-st kuni —127 pallini, vastab faktiline tõenäosus teoreetilisele ainult —60 kuni —74 palli kogunud isikutel. Siit järeldus, et kontrollrühm tuleb moodustada isikuist, kes 3 aasta jooksul pärast karistuse kandmist ei ole toime pannud uut kuritegu. Kuna seniste kriminoloogiliste uurimuste kogemuste alusel just esimese 3 aasta vältel pannakse toime enam kui 90% retsiidiivseid kuritegusid, siis peaks selle kriteeriumi arvestamine tagama enam-vähem «puhta» kontrollrühma.

Retsidiivse kuriteo kriminoloogilise prognoosi efektiivsuse tõstmiseks on võimalusi veelgi. Näiteks antud prognoositablei aluseks on valitud üksnes kõige kergemini ja kindlamini tuvastatavad isiksust iseloomustavad sotsiaalsed tunnused. Kuid kurjategija isiksuse kui prognoosimise objekti iseloomustus on palju komplitseeritum. Kui kriminoloog saab oma käsutusse ka vahendid kurjategija isiksuse psühholoogilise iseloomustuse täpseks tuvastamiseks, avab see kahtlemata uusi perspektiive retsiidiivi prognoosimiseks.

О МЕТОДИКЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕЦИДИВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кандидат юридических наук Х. Кингс

Резюме

1. При прогнозировании рецидивного преступления о возможности совершения осужденным нового преступления следует судить по его жизненному пути и личности. Одной из возможностей предвидения рецидива является сравнение основных признаков жизненного пути и личности прогнозируемого, с одной стороны, с типичными соответствующими признаками рецидивистов и, с другой стороны, с типичными признаками преступников, которые после осуждения новых преступлений не совершали. Если указанные признаки прогнозируемого в основном совпадут с признаками рецидивистов, то вполне вероятно совершение им нового преступления. И, наоборот, если признаки прогнозируемого схожи с признаками нерацидивистов, совершение нового преступления маловероятно.

2. Типичные причины рецидива и сопровождающие их явления устанавливаются путем сравнительного криминологического исследования выборочных групп, состоящих из рецидивистов (основная группа) и нерацидивистов (контрольная группа).

В настоящей работе в качестве фактического материала при применении методики прогнозирования используются собранные автором данные относительно 100 юношей-рецидивистов, которые впервые были привлечены к уголовной ответственности еще несовершеннолетними и приговорены к лишению свободы в Эстонской ССР в 1960—1965 гг. (основная группа), а также данные, касающиеся 100 впервые привлеченных к уголовной ответственности в Эстонской ССР в 1965—1966 гг. и приговоренных к лишению свободы несовершеннолетними (контрольная группа).

Объектом исследования в обеих группах была окружавшая преступников конкретная социальная среда, их поведение и личность до первого привлечения к уголовной ответственности и осуждения судом.

В показателях основной и контрольной групп в части почти всех исследуемых признаков (их было свыше 60) выявились статистические расхождения. С целью проверки их достоверности использовался критерий Стюдента.

После выяснения статистически достоверных расхождений для дальнейшего отбора осталось 38 признаков.

С точки зрения описываемого, в настоящей работе конкретного метода прогнозирования используемыми были лишь взаимно несвязанные либо слабо связанные признаки (множитель корреляции должен быть не больше 0,3—0,4). Множители корреля-

ции (на ЭВМ «Урал-4» в вычислительном центре ТГУ) были найдены по формуле квадрата x^2 в отдельности для обеих групп.

Окончательно было отобрано 10 признаков.

3. Из конкретных методов прогнозирования в статье рассматривается метод, разработанный А. Уальдом и дополненный А. Генкиным и Л. Выханду. На основании вышеуказанного метода была выработана таблица прогноза. Эффективность таблицы проверялась путем ретроспективного прогнозирования исследуемых нами 100 юношей-рецидивистов. Поскольку прогноз осуществляется *ex post facto*, возможно абсолютно точное сравнение соответствующего прогноза действительности.

Результаты были таковы: в части 79% рецидивистов прогноз уже во время первого привлечения к уголовной ответственности дал бы правильную оценку их дальнейшего поведения. В отношении одного лица прогноз оценки не дал и в отношении 20 лиц считал вероятность избежания рецидива большей вероятности рецидива. При этом следует учесть, что в отношении этих лиц прогноз не исключал возможности рецидива, а лишь считал ее меньшей по сравнению с возможностью избежания рецидива.

Подводя итоги, можно сказать, что настоящая попытка прогноза лишь начало работы в этом направлении и преследует исключительно методические цели. Для разработки таблиц прогнозирования рецидива, в первую очередь, необходимо глубже установить генезис рецидива. Именно поэтому буржуазные криминологи и не добились успехов в прогнозировании, что они не в состоянии были научно раскрыть социальный генезис преступности. Исходя из возможностей советской криминологии имеются все основания предполагать успех в прогнозировании.

NEGATIIVSETEST FAKTORITEST VÕITLUSES SOTSIALISTLIKU VARA PISIRIISUMISEGA

P. Nuuma

Tallinna Linna Keskrajooni Rahvakohus

Sotsialistliku vara pisiriisumine on üks levinenumaid vara vastu suunatud õigusvastase käitumise liike.

Kuigi sotsialistliku vara pisiriisumist vaadeldakse kui vähese ühiskonnaohtlikkusega käitumist (peetakse võimalikuks kohaldada laialdaselt sotsialistliku vara pisiriisujate suhtes ühiskondliku mõjutamise vahendeid, kriminaalvastutusele võetavailé näeb seadusandlus ette suhteliselt kergeid sanktsioone, on vaja just nimetatud käitumise väljajuurimiseks välja töötada abinõude kompleks, kuna praktika näitab, et käesoleval ajal ei ole pisiriisumistevastane võitlus efektiivne.

Nimetatut tingib: 1) pisiriisumiste ulatuslik esinemine (seda eriti toiduainetetööstuse ettevõtetes), 2) pisiriisumiste esinemise visadus ning arvu suurenemine, vaatamata seni rakendatud vastuabinõudele ja 3) pisiriisumist põhjustavate asjaolude keerukus.

Selleks, et saada mõningat ülevaadet sotsialistliku vara pisiriisumiste toimepanemist soodustavatest ning sotsialistliku vara kaitseks peetavas võitluses esinevatest negatiivsetest faktoritest, teostati Tallinna Kondiitritoodete Vabrikus «Kalev» vastav kriminoloogilis-sotsioloogiline analüüs, mille käigus kogutud materjalide alusel tehtud mõningaist järeldustest alljärgnevalt. (Materjalid on kogutud 1969. a. kohta.)

Kuna enamuse sotsialistliku vara riisumistest moodustavad pisiriisumised ning kujunenud praktika kohaselt rakendatakse valdavas osas pisiriisujate suhtes seltsimehelike kohtute poolt ühiskondliku mõjutamise vahendeid, aga sellele vaatamata pisiriisumised ei vähene, püüame analüüsida neid asjaolusid, mis muudavad senise praktika väheefektiivseks.

Nii arutati 1969. a. Tallinna Linna Keskrajoonis töötava 153 seltsimeheliku kohtu poolt 1146 asja, neist 274 asja olid sotsialistliku vara pisiriisumised, mis liigilt olid esikohal.

Kui kõigis nimetatud seltsimehelikes kohtutes läbivaadatud

asjade arv 1969. a. (võrrelduna eelmise aastaga) suurenes 5%, siis sotsialistliku vara pisiriisumise asjade arv suurenes samal ajal 10%.¹ Kondiitritoodete vabriku «Kalev» seltsimehelikus kohtus vaadati 1969. a. aga läbi ca $\frac{1}{2}$ (129) rajooni seltsimehelikes kohtutes läbivaadatud pisiriisumise asjadest.

Seetõttu valisimegi uurimise objektiks nimetatud vabriku.

Kondiitritoodete vabrikut «Kalev» iseloomustavaid andmeid

Tallinna Kondiitritoodete Vabrik «Kalev» on töötajate arvult ja toodangu hulgalt iga töötaja kohta üks vabariigi suuremaid toiduainetetööstuse ettevõtteid.

Vabrikus töötavad arvuka liikmeskonnaga partei-, ametiühingu- ja komsomoliorganisatsioonid.

Sotsialistliku vara ja ühiskondliku korra kaitsest võtavad osa rahvakontrolli gruppide ja postide liikmeina 161 ja rahvamaleva liikmeina 106 töötajat.

Heade töötulemuste eest on «Kalevile» 1969. a. I ja II kvartalis omistatud üleliidulises sotsialistlikus võistluses esikoht.

Samal ajal esineb vabrikus suur tööjõu voolavus (+780; —709). Võrreldes 1968. a. suurenes 1969. a. distsiplinaarkorras vastutusele võetute ja kaineustusmajas viibinute arv. 1969. a. peeti riisutuga kinni 138 töötajat, neist 129 pisiriisumiste pärast. Pisiriisumiseks ettevalmistatud ja vabriku territooriumilt leitud vabriku toodangu väärtus suurenes (1968. a. rbl. 131, 97, 1969. a. 141, 70 ning 1970. a. I poolaastal 82, 21 rbl.). 1970. a. I poolaastal võrreldes 1969. a. I poolaastaga suurenes vabriku toodanguga kinnipeetute arv 19 isiku võrra.

Nimetatust võib järeldada, et sotsialistliku vara pisiriisumiste ja riisumiste vastu peetavas võitluses esineb niisuguseid asjaolusid, mis sotsialistliku vara kaitseks rakendatud abinõudel ei lase efektiivselt toimida, või ei ole rakendatud konkreetseid tingimusi, aega ja isikuid arvestavaid kasvatuslikke ja mõjutusvahendeid.

Vabriku seltsimehelik kohus arutab arvukalt sotsialistliku vara pisiriisumise, töödistsipliini rikkumise jt. asju, olles aastaid Tallinna Linna Keskrajooni Seltsimehelike Kohtute Nõukogu poolt hinnatud rajooni parima seltsimeheliku kohtuna.

Vabriku seltsimeheliku kohtu töö toimub tingimustes ja viisil, mis antud kollektiivis seltsimehelikul kohtul ei võimalda või oluliselt takistab sotsialistliku vara riisumisi ja pisiriisumisi tauniva avaliku arvamuse kujundamist. Avaliku arvamuse kujundamisel tuleb arvestada vabrikus järgmisi faktoreid:

¹ Andmed Tallinna Keskrajooni Seltsimehelike Kohtute Nõukogu materjalidest.

1) «Kalevis» kasutatakse toodete valmistamisel materjale ja tooteid, mis on esmase tarbimise iseloomuga;

2) valmistatavate toodete jaehind on küllalt kõrge (nii on peamiseks riisumise objektiks toorainetest või, suhkur, rasvained, piiritus ning valmistoodangust šokolaad ja tooted šokolaadist). Samal ajal küpsiseid, marmelaadi jne., mille jaehind on suhteliselt odav, riisutakse vaid üksikutel juhtudel;

3) pisiriisumise objektiks olev valmistoodang oma küllalt suure väärtuse juures on väikese kaalulis-ruumilise kogusega, mis võimaldab riisutut vabrikust väljaviimiseks kergesti peita;

4) vabriku praeguse töö, valve ja riietusruumides riiete vahetamiseks loodud tingimused ei takista vabriku tooraine ja toodete väljaviimist tsehhidest, nende ettevalmistamist riisumiseks (peitmist pesu ja riiete alla riietusruumis);

5) valveteenistuse töötajal on võimalik kontrollida väikest osa töölt lahkuvatest töötajatest;

6) eelnevast tuleneb tunduva osa pisiriisumiste avastamata jäämine;

7) suurel osal töötajatest ei ole suudetud senini läbiviidud kasvatustööga kujundada suhtumist sotsialistlikku varasse kui puutumatusse. Niisugune järelendus tehakse ka kriminaalseadusandluses esinevast sanktsioonide erinevusest pisiriisumise ja samas väärtuses isikliku vara varguse eest. Sellele orienteerib samuti käesoleval ajal karistuspraktika, mille kohaselt v a l d a v a l e e n a m u s e l e pisiriisujatest kohaldatakse ü h i s k o n d l i k u mõjutamise vahendeid ilma vajalikul määral pisiriisuja isikut ning antud kollektiivis riisumiste levikut arvestamata;

8) on kujunenud üldine arvamus, et e s m a k o r d s e pisiriisumise korral (st. pisiriisutuga tabamise korral) piirdatakse alati asja lahendamisega seltsimehelikus kohtus või muude ühiskondliku mõjutamise vahenditega;

9) mitteküllaldane materiaalne huvitatus sotsialistliku vara säilimise eest. See tuleneb isikute poolt riigi kui omaniku ning sotsialistliku omandi puutumatus ja isikliku heolu vahelise otsese sideme mittetunnetamisest. Töökaaslase poolt sotsialistliku vara pisiriisumise toimepanemine ja riisutuga kinnipidamine ei võta võimalust pisiriisumise toimepanemist mittetakistanud isikuil saada preemiat ja teisi materiaalse stimuleerimise vahendeid. Sellest tuleneb sotsialistlikule varale tekitatud kahjusse ja pisiriisujatesse ükskõikne või viimastesse isegi kaasatundev suhtumine;

10) tingituna puudustest töötajate õigusteadvuses ei hinda suur osa töötajaid pisiriisumist ühiskonnaohtliku käitumisena, s. t. sotsialistliku vara pisiriisujasse ei suhtuta kui vargasse ning tegu ennast nimetatakse mitte ainult töötajate kõnepruugis, vaid ka seltsimeheliku kohtu dokumentides mitte pisiriisumiseks, vaid vabriku toodangu väljaviimiseks. Pisiriisumises nähakse vaid võimalust tarbida tasuta (toorainete ja toodangu pisiriisumine oma pere-

konna tarbeks) või kui võimalust saada täiendavat tulu (riisutu realiseerimine).

Eelnevast järeldub, et töötajate õigusteadvuse taseme ja avaliku arvamuse kaudu peegeldub nende suhtumine sotsialistlikku varasse.

Vabriku seltsimeheliku kohtu töös esinevatest puudustest võitluses sotsialistliku vara pisiriisujatega

Tingimustes, kus valdav osa sotsialistliku vara pisiriisujaist vabastatakse kriminaalvastutusest ning neile kohaldatakse seltsimeheliku kohtu poolt ühiskondliku mõjutamise vahendeid, lasub sotsialistliku vara riisumistele hinnangu andmise ja riisujate ümber hukkamõistva õhkkonna loomise, sotsialistliku vara riisumisi tauniva ühiskondliku arvamuse kujundamise pearaskus seltsimehelikul kohtul.

Kondiitritoodete vabrikus «Kalev» töötab üks 21-liikmeline seltsimehelik kohus. 1969. a. arutas vabriku seltsimehelik kohus 158 isiku käitumist, neist 129 sotsialistliku vara pisiriisumise asja.

Seltsimeheliku kohtu aktiivne töö on kollektiivi tugevuse, mitte nõrkuse tunnuseks. Seltsimeheliku kohtu tööd ei saa aga pidada aktiivseks ainult temale arutamiseks antud asjade arvukuse järgi, vaid õige karistuspraktika ning seltsimeheliku kohtu enda initsiatiivil lahendatud asjade arvukusest lähtudes. Seltsimeheliku kohtu enda initsiatiivil ei olnud algatatud 1969. a. aga ühtegi pisiriisumise asja.

Seltsimehelikule kohtule esitatakse materjalid suure hilinemisega.

Vastav analüüs näitas, et teo toimepanemise aja ning materjalide jõudmise vahel seltsimehelikule kohtule esineb lubamatult pikk ajavahemik. Nii jõudsid seltsimehelikule kohtule materjalid 56 asjas üle 15 päeva hiljem.

Arvestades seejuures, et seltsimehelikule kohtule saabuvad valdavas osas vaid süüdlase kinnipidamise päeval koostatud akt ning riisutu kogust ja väärtust näitav õiend, on taoline venitamine materjalide lahendamiseks andmisel põhjendamatu. Asja arutamisel seltsimehelikus kohtus suure hilinemisega pärast teo toimepanemist kaotab arutamine palju efektiivsuses ja võimaldab süüdlasel töölt lahkumisega üldse hoiduda karitusest. 1969. a. pisiriisumisi toimepannuist lahkuski 8 enne nende käitumise arutamist seltsimehelikus kohtus ning materjalid nende suhtes seltsimehelikus kohtus lõpetati.

Seltsimehelik kohus on püüdnud kohtule saabunud materjale lahendada tähtaegselt.

Nii lahendati seltsimehelikus kohtus asjadest vaid 20 pärast 15 päeva möödumist.

Samal ajal ei saa nõustuda seltsimeheliku kohtu praktikaga, kus 15 pisiriisumise asja lahendati saabumise või sellele järgnenud 2 päeva jooksul.

On ilmne, et niisuguse lühikese ajaga ei ole seltsimehelikul kohtul võimalik asjade arutamist küllaldase põhjalikkusega ette valmistada, kollektiivi informeerida istungi ajast ja kohast ning kollektiivi liikmeil oma aega planeerida seltsimeheliku kohtu istungist osavõtmiseks.

Seltsimeheliku kohtu istungitest ei võta osa pisiriisuja töökaaslased, brigaadi- ja tsehhikaaslased. Tavaline on, et pisiriisumise asja arutamisel viibivad vaid seltsimeheliku kohtu koosseis ja teo toimepanija, harvadel juhtudel lisaks nimetatutele veel brigadir, meister. Sellest siis ka töötajate väited, et asju seltsimehelikus kohtus arutatakse peaaegu kollektiivi teadmata ja osavõtuta.

Sellele puudusele seltsimeheliku kohtu töös on korduvalt tähelepanu juhitud vabriku parteiorganisatsiooni ja parteibüroo koostöökulatel, rõhutades, et vabriku seltsimehelik kohus oma senise tegevusega ei loo pisiriisujate ja joodikute ümber hukkamõistvat õhkkonda ning istungid toimuvad formaalselt.

Seltsimehelikul kohtul on kahtlemata võimalik palju ära teha asjade arutamiseks ettevalmistamisel, asja emotsionaalsel ja asjalikus õhkkonnas arutamisel, auditooriumi kindlustamisel jne.

Vaevalt saab aga istungitest osavõtmise vähesust seletada ainult kollektiivi puuduliku informeerimisega. Pigem avaldub selles kollektiivis kujunenud avalik arvamus, mis pisiriisujate suhtes ei ole hukkamõistev. Seetõttu ei soovita istungeist osa võtta (passiivne kaastundeavaldus pisiriisujale) või kui neist võetaksegi osa, antakse sõnavõttus pisiriisuja kohta a i n u l t positiivseid iseloomustusi. Mitte ühelgi juhul ei ole protokollis fikseeritud negatiivset arvamust.

Üheks istungitest mitteosavõtmise põhjuseks on kahtlemata asjaolu, et igal aastal arutatakse seltsimehelikus kohtus üle 100 pisiriisumise asja, asjade arv ei vähene, vaid on isegi suurenenud ja pisiriisujatele kohaldatakse põhiliselt kas ühiskondlik noomitus või minimaalses summas rahaträhv, on taoline asjade arutamine ja kohaldatavad sanktsioonid muutunud tavaliseks nähtuseks selles kollektiivis ning asja arutamine oma sageduse ja trafaretsuse tõttu ei paku huvi.

Seltsimeheliku kohtu poolt asjade formaalne lahendamine peegeldub seltsimeheliku kohtu istungi protokollidest.

Protokollid on äärmiselt lühikesed, sisaldades vaid peale isiku ankeetandmete paar lauset. Nendest nähtub, et sõnavõtte ning toimepandut hukkamõistvaid arvamusi ei ole esitatud. Kuna valdavas osas puuduvad isikut, tema tööd ja käitumist iseloomustavad andmed üldse, mõistetud karistus ei ole seondatav ka riisutu

väärtusega, tuleb asuda seisukohale, et seltsimeheliku kohtu poolt kohaldatav karistus on juhuslikku laadi.

Kuivõrd ka seltsimehelik kohus on osake vaadeldavast kollektiivist ning seotud rohkem või vähem kollektiivis juba kujunenud avaliku arvamusega, peegeldab selle arvamuse suunitlust ka seltsimehelik kohtu praktika, millel on tendents karistuste kerguse suunas.

Nii karistati kõigest pisiriisujaist ühiskondliku noomituse, hoiatuse ja rahatrahviga kuni 15 rbl. 79% seltsimeheliku kohtu poolt arutatud pisiriisumise asjades.

Arvestades vabrikus kujunenud olukorda, pisiriisumiste arvukust ning pisiriisujate ümber hukkamõistva ühiskondliku arvamuse puudumist, ei saa nimetatud karistuste ulatuslikku, massilist rakendamist pidada otstarbekaks ning efektiivseks. Sellele viitab samuti asjaolu, et vaatamata ülalnimetatud karistuste rakendamisele ei ole pisiriisumiste arv vabrikus vähenenud.

Seltsimeheliku kohtu poolt mõistetud rahatrahvide tasumise, s. o. seltsimeheliku kohtu otsuste täitmise üle kontrolli ei teostata (žurnaalis, kuhu varematel aastatel tehti märkus otsuse täitmise kohta, nimetatud märkusi ei tehta).

Seltsimeheliku kohtu trahvid tasutakse vastavalt vabrikus kehtestatud korrale vabriku kassasse.

Kuna kontroll otsuste täitmise üle puudub, siis on 96-st trahvist otsuses näidatud tähtjaks tasutud 48, üle tähtaja 42 ning 6 juhul on trahv jäetud tasumata. Kujunenud praktika kohaselt, kus trahvisummat võidakse trahvitu äranägemisel tasuda osade kaupa ning puudub kontroll ning arvestus, on trahvituist 11 isikut tasunud seltsimeheliku kohtu otsusega mõistetud summast vähem.

Nii tasuti näiteks 40. 45 rbl. asemel 20 rbl., 33. 55 rbl. asemel 23. 55, 29 rbl. asemel 10, 25. 90 rbl. asemel 11.04, 10 rbl. asemel 5 jne.

Ebatäpse summa on tasunud trahvitud aga kokku 19 juhul.

Nimetatust võib järeldada, et pärast otsustamist ei tunta otsuse täitmise vastu huvi.

Suur osa inimese käitumises elu tunnetamisel on tema oskused ette näha oma käitumise resultaati, tagajärge ning viimase tagajärgidele.

Puutudes igapäevases töös kokku pisiriisumise avastamata juhtudega, tingimustes, kus puudub töökaaslaste hukkamõist pisiriisujatele, kus vastavalt miilitsa- ja prokuratuuriorganite praktikale on kriminaalvastutusele võtmine vähese tõenäosusega, kus seltsimeheliku kohtu poolt kohaldatavad ühiskondliku mõjutamise vahendid ei saa isikule avaldada vajalikku mõju, kuna määravaks on isikule tema töökaaslase arvamus, kus pisiriisujail on võimalik kas hoiduda oma käitumise arutamisest töölt lahkumisega, jätta mõistetud trahv tasumata või tasuda see väiksemas summas

mõistetust, kus seltsimehelikus kohtus asjade arutamisest ei võta osa töökaaslased, või kui sellel viibib vaid osa nendest (brigadir, meister jne.), ei anna kollektiiv toimepandule hukkamõistvat hinnangut, vaid kus töökaaslased iseloomustavad pisiriisujat kui positiivset töötajat, kujuneb isikuis välja vastav psüühiline hoiak sotsialistliku vara riisumiste suhtes ning sellele vastav stereotüüpne käitumine. Ebatõenäoline on neid kujunenud stereotüüpe muuta ainult loengute ja abstraktse ideoloogilise tööga, kuna nimetatud kujul ja konkreetseid tingimusi arvestamata ei jõua esitatav informatsioon isikuni ja on vastuolus tegeliku olukorraga. Neid stereotüüpe saab muuta vaid isiku isikliku kogemuse kaudu. (Kõik pisiriisujad teavad, et selline käitumine on lubamatu, et sellele võib järgneda karistus, kuid lähtudes järgneda võiva karistuse abstraktsusest ning pisiriisumise teel saadava hüve konkreetsusest, valitakse antud situatsiooni arvestav stereotüüpne käitumine — vastavate tingimuste esinemisel riigi vara pisiriisumine või riisumine.)

Ühiskondliku arvamuse kujundamisel sotsialistliku vara pisiriisumisi ja riisumisi taunivaks ning pisiriisumiste toimepanemise arvu järsuks vähendamiseks tuleb välja töötada abinõude süsteem, mis hõlmaks pisiriisumiste toimepanemist soodustavate faktorite kõrvaldamist nii materiaalses sfääris kui inimeste psüühikas.

Nimetatud abinõude väljatöötamisel tuleks meie arvates pöörata erilist tähelepanu pisiriisumiste maksimaalsele avastamisele, et avastatud pisiriisuja ei saaks hoiduda kriminaal- või ühiskondliku mõjutamise vahendist; sanktsioonide kohaldamisel ei tohi kujuneda olukord, kus isik juba enne pisiriisumise toimepanemist teab suurima tõenäosusega, millist mõjutusvahendit tema suhtes kohaldatakse. Alandamata inimväärikust, on vaja muuta pisiriisumise asja arutamine ning kohaldatud karistuse kandmine pisiriisujale emotsionaalsemaks negatiivses mõttes (näiteks tehes ettepaneku pisiriisuja paigutamiseks 15 päevaks temale ebameeldivale füüsilisele tööle, mis on võimalik, kui vastav materjal on saadud lahendamiseks seltsimehelikule kohtule kohtust, miilitsast või prokuratuurist¹) jne.

Vajalik ning Leedu NSV praktikas efektiivse vahendina end õigustanud on administratiivkorras arestikaristuse, parandusliku töö töökohas jne. määramine rahvakohtuniku poolt. Selle rakendamisel väheneksid tunduvalt riigivara pisiriisumised ka meie vabariigis.²

Kriminaalvastutusest vabastamisel tuleks uurimisorganitel igal konkreetsel juhul lahendada see vastava määrusega ning praktika kujundamisel lähtuda ettevõttes esinevatest konkreetse-

¹ И. Е. Гершанов. Профактив о трудовой дисциплине. М., 1965, стр. 116.

² Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi 25. sept. 1970. a. seadlus lahendab nimetatud küsimuse.

test tingimustest. Tingimata on vaja leida õige suhe ühiskondlike ja administratiiv- ning kriminaalkorras kohaldatavate mõjutusvahendite vahel, lähtudes ettevõttes esinevast pisiriisumiste arvust, suhtumisest pisiriisumistesse ja sotsialistliku vara hoidmisse.

Selleks, et pisiriisumiste vastu peetav võitlus oleks efektiivne ning nende arv oluliselt väheneks, on vaja sügavamalt tundma õppida ettevõttes esinevat olukorda, rakendada niisuguseid kasvatus- ja mõjutusvahendeid, mis on konkreetseid tingimusi ja töötajate õigusteadvuse ning avaliku arvamuse taset arvestades vajalikud.

О НЕГАТИВНЫХ ФАКТОРАХ В БОРЬБЕ С МЕЛКИМИ ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

П. Нуума

Народный суд центрального района гор. Таллина

Резюме

Мелкое хищение социалистической собственности является одним из более распространенных видов правонарушения, направленного против государственного имущества.

Значительный объем мелких хищений, стойкость их проявления, увеличение числа рассмотренных дел и различие обстоятельств, обуславливающих мелкие хищения, — все это требует выработки определенного комплекса мер для окончательного искоренения этого вида правонарушения из нашего общества.

Для эффективного выявления причин по борьбе с мелким хищением на Таллинской кондитерской фабрике «Калев» был осуществлен криминологически-социологический анализ. Объектом исследования это предприятие выбрали потому, что на предприятиях пищевой промышленности мелкие хищения более распространены, а «Калев» является одним из крупнейших предприятий района, одним из лучших по показателям своей работы, но в то же время из всех дел по мелкому хищению, рассмотренных в товарищеских судах Центрального района города Таллина, в товарищеском суде указанной фабрики рассматривалось около 1/2 дел.

За 1969 год было рассмотрено на товарищеском суде поведение 158 правонарушителей, из них — 129 — мелких похитителей. При этом из года в год число задержанных с похищенным стабильно, несмотря на применяемые государственные и общественные меры.

Специфика мелких хищений определяется на фабрике сырьем и характером употребления продукции, достаточно высокими различными ценами продукции, удобными для выноса весом и размером и т. д.

На фабрике имеются объективные условия, которые отягчают борьбу с мелким хищением (бесконтрольность в гардеробах, в проходной, недостаточная заинтересованность работников по охране социалистической собственности и пробелы в правосознании рабочих).

В статье рассматривается также работа товарищеского суда фабрики по борьбе с мелкими хищениями и хищением социалистической собственности и приводятся основные недостатки в этой работе: пассивность коллектива, формальный разбор дел, неправильное применение практики наказания (большая часть, т. е. 79%, мелких похитителей наказана общественным порицанием, предупреждением или штрафом до 15 рублей), отсутствует контроль за исполнением решений товарищеского суда, в связи с чем часто штраф оплачивают в меньшем размере, чем было определено решением товарищеского суда и т. д.

В статье также указывается, что общественное мнение в коллективе фабрики не подвергает осуждению мелких похитителей.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ И МЕР НАКАЗАНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Н. Оргметс

Прокуратура Эстонской ССР

Прокуратура Эстонской ССР совместно с Верховным Судом и Министерством внутренних дел республики, на основании группы уголовных дел, рассмотренных судами в 1969 году, и соответствующего анкетирования изучила эффективность применения к несовершеннолетним условного осуждения и мер наказания, не связанных с лишением свободы.

Необходимо отметить, что в 1969 году в общем числе осужденных несовершеннолетних доля подростков, к которым суды республики применили условное осуждение и меры наказания, не связанных с лишением свободы, составляла 32,6%. Другими словами, почти каждого третьего преданного суду подростка суды не считали нужным лишать свободы.

Нельзя не заметить, что в 1969 году условное осуждение и меры наказания, не связанные с лишением свободы, применялись к несовершеннолетним намного чаще, чем в предыдущие годы (в 1966 году — 20,2%, в 1967 году — 27%, в 1968 году — 23,5%).

Представляется, что эффективность применения к несовершеннолетним условного осуждения и мер наказания, не связанных с лишением свободы, зависит от многих факторов, касающихся не только условий жизни и воспитания подростков, но и деятельности органов, осуществляющих борьбу с преступностью несовершеннолетних. Мы изучили в основном обстоятельства, относящиеся ко второй группе факторов.

Из всех осужденных в 1969 году несовершеннолетних данной категории нами был изучен 121 человек. На период рассмотрения уголовных дел о них в суде 82 человека работали, 18 человек учились в общеобразовательных школах, 14 человек — в профтехучилищах, 4 человека — в средних специальных учебных

заведениях, двое не работали и не учились и один несовершеннолетний содержался в спецпрофтехучилище № 35.

Мерой пресечения в отношении 116 несовершеннолетних была избрана подписка о невыезде и только в отношении 5 — содержание под стражей.

14—16-летних при вынесении приговора было 38 человек, или 32%, 17—18-летних — 83 человека, или 68%.

Среди изученных подростков 43% осуждены за хулиганство, 21,4% — за кражи личной собственности граждан, 13,2% — за кражи государственного и общественного имущества, 5,7% — за угон автотранспорта, 5% — за грабеж; около 53% подростков совершили преступления в нетрезвом состоянии; 47% несовершеннолетних не имели в период совершения преступления 8-летнего образования.

Условное осуждение было применено в отношении 80% обследованных, 17% — наказаны исправительными работами, 2,2% — оштрафованы и 0,8% — наказаны исправительными работами условно.

На период настоящей проверки из общего числа обследованных несовершеннолетних 37,2% продолжали работать там, где они работали или учились ко времени рассмотрения дел на судебном заседании, 31,4% сменили работу, бросили учебу или после окончания учебы стали работать, 18,2% призваны в армию, 11,6% совершили новые преступления и вновь осуждены к лишению свободы и 1,6% не работали и не учились в период рассмотрения дел в суде, но после суда стали работать.

По нашему мнению, предание суду обследованных несовершеннолетних являлось обоснованным.

Касаясь же вопроса о соответствии содеянного наказания условному осуждению, мы считали нужным отметить, что приговоры 12,4% подростков вызывают те или иные замечания, причем ряд из них являются либеральными. В этом отношении характерен приговор нарсуда Харьюского района от 13 мая 1969 года по делу Полищук П. П.

17-летний Полищук осужден по ст. 195, ч. 2, УК ЭССР за то, что 13 апреля 1969 года в пьяном состоянии, не имея водительских прав, сел за трактор, на котором въехал во двор дома гр-на Сейна, где стал беспорядочно маневрировать и повредил крыльцо дома. Когда владелец дома пытался призвать хулигана к порядку, Полищук ударил его кулаком по лицу. После этого он заехал в другой двор, где перевернул телегу. Выхав оттуда, повредил электрический столб и 400 метров электролинии. Для устранения неисправностей трактора Полищук потребовал от 79-летнего гр-на Прууля веревку, а когда получил отказ, схватил его за горло. Несколько позже с лопатой и с металлическим стержнем в руках Полищук гонялся за стариком. По месту работы несовершеннолетний характеризовался отрицательно. После суда

Полищук бросил работу и стал злобно уклоняться от отбывания наказания, в связи с чем нарсуд заменил ему исправительные работы лишением свободы.

Нам представляется неоправданным условное осуждение несовершеннолетних, ранее содержавшихся в специальных воспитательных учреждениях, тем более, если учесть, что после освобождения из этих учреждений поведение некоторых из них продолжает оставаться отрицательным. Так, 5 марта 1969 года нарсуд Центрального района гор. Таллина применил условное осуждение к несовершеннолетнему Моору Т. К., рождения 12 июля 1952 года, который, проникнув в квартиру гр-ки Юхкенталь, украл ценностей на 227 рублей.

Моор — бывший воспитанник Пуйатуской специальной школы, куда он направлялся за воровство, хулиганское поведение и уклонение от учебы. На протяжении нескольких лет он состоял на учете в детской комнате милиции. Даже во время следствия, зная о предстоящем предании суду, Моор совершил мелкое хулиганство и был наказан 15 сутками ареста. Не изменил он своего поведения и после суда: дважды был наказан в административном порядке, а в сентябре 1969 года совершил злостное хулиганство и грабеж, за что он был вновь предан суду и приговорен к 5 годам лишения свободы.

Предупредительное значение условного осуждения несовершеннолетних и применения к ним мер наказания, не связанных с лишением свободы, огромно.

Вместе с тем, наивно было бы полагать, что сам факт такого осуждения несовершеннолетнего окажется достаточным для предупреждения рецидива. Именно поэтому постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года ориентирует суды на широкое привлечение общественности к исправлению и перевоспитанию условно осужденных несовершеннолетних и требует от судей осуществления четкого контроля за их дальнейшим поведением.

По данным выборочного наблюдения, до 1969 года доля несовершеннолетних, переданных судами на перевоспитание общественности, была весьма незначительной, о чем наглядно свидетельствуют соответствующие показатели последних 4-х лет:

Годы	%
1966	— 27,6
1967	— 18,9
1968	— 17,4
1969	— 41,3

Как видно из приведенных данных, в 1969 году суды республики улучшили свою деятельность по вовлечению общественности в перевоспитание несовершеннолетних изучаемого контин-

гента. Вместе с тем в этой работе судов имеют место существенные недостатки и пробелы, которых хотелось бы коснуться ниже.

Итак, мы проверили, проводится ли общественностью работа по перевоспитанию этих несовершеннолетних. Оказалось, что определенная положительная индивидуальная работа ведется или велась только в отношении половины обследованных.

В целом ряде случаев подростки при смене места работы, вследствие бесконтрольности судов и других органов, попадали в коллективы, которые не знали об их условном осуждении и в результате этого они оказывались вне пристального внимания новых коллективов.

Наряду с этим некоторые коллективы крайне несерьезно относились к исполнению принятых на себя обязанностей по перевоспитанию подростков и вскоре после суда о них забывали, а иногда от них просто избавлялись. Например, директор Таллинского профтехучилища № 10 12 марта 1969 года на выездном заседании нарсуда Калининского района гор. Таллина просил суд передать училищу на перевоспитание ученика Калла, рождения 30 сентября 1952 года, что суд и сделал, а непродолжительное время спустя условно осужденный Калла без согласования с комиссией по делам несовершеннолетних был из училища исключен.

Или другой пример. Коллектив цеха № 1 Таллинского завода «Металлист» просил нарсуд Раплаского района передать им на перевоспитание подростка Т., однако, вместо того, чтобы по предписанию суда обсудить в цехе приговор и ориентировать весь коллектив цеха на проведение с несовершеннолетним воспитательной работы, приговор был подшит в наряд и об условном осуждении молодого рабочего коллектив цеха так и не узнал.

Успех работы народных судов по вовлечению общественности в дело перевоспитания и исправления несовершеннолетних, к которым применяется условное осуждение и меры наказания, не связанные с лишением свободы, во многом зависит от предварительного обсуждения уголовных дел по докладу следователей по месту работы или учебы подростков.

Проверка показала, что многие дела в коллективах трудящихся, общественных организациях и учебных заведениях до направления дел в суд не обсуждаются. Так, по инициативе следователей в коллективах были обсуждены уголовные дела только в отношении 33% из всех обследованных несовершеннолетних. Вместе с тем и нарсуды явно недостаточно изыскивают возможности передачи несовершеннолетних на перевоспитание общественности в стадии исполнения приговора. Иногда даже в тех случаях, когда протоколы обсуждения дел в коллективах говорят о готовности общественности взять на перевоспитание конкретного подростка, суды этих возможностей не используют. Например, нарсуд Центрального района гор. Таллина 16 октября

1969 года применил условное осуждение к несовершеннолетнему С., рождения 18 августа 1952 года, который в это время учился на I курсе Таллинского строительного техникума. По докладу следователя преступление С. было обсуждено до направления дела в суд в коллективе техникума, который решил: «Единоголосно просить народный суд дать С. такое наказание, чтобы он остался учиться в нашем коллективе. Мы очень просим удовлетворить нашу просьбу».

При уточнении в данном случае позиции коллектива у суда возникла бы возможность в порядке исполнения приговора решить вопрос о передаче С. на перевоспитание общественности, однако это сделано не было.

Эффективность условного осуждения несовершеннолетних во многом зависит от должной организации надзора за подростками после вынесения приговора.

Статья 2, ч. 10. вышеупомянутого постановления Пленума обязывает судей непосредственно и путем привлечения общественности периодически контролировать своевременность и действенность проводимых соответствующими лицами либо организациями мероприятий по надзору, трудоустройству и перевоспитанию несовершеннолетнего. Эти требования Пленума народные суды выполняют неудовлетворительно. Достаточно сказать, что только в отношении 30,6% из всех обследованных несовершеннолетних суды осуществляли свои контрольные функции, а в отношении остальных никакой работы со стороны судов не проводилось. Нередко этот контроль суды осуществляли от случая к случаю. В проведении этой работы со стороны судов допускались формализм и волокита. Так, 16 сентября 1969 года нарсуд Йыгеваского района применил условное осуждение к несовершеннолетнему К. Три с половиной месяца спустя после вступления приговора в законную силу нарсуд стал изыскивать возможность передачи условно осужденного на перевоспитание общественности. С этой целью он написал письмо председателю правления колхоза «Лембиту», в котором, ссылаясь на устную договоренность, просил прислать в нарсуд протокол собрания механизаторов колхоза с ходатайством взять К. на перевоспитание. Колхоз протокола не прислал и на этом контроль суда за поведением несовершеннолетнего закончился.

25 августа 1969 года нарсуд Вырусского района применил условное осуждение к учащемуся Р. сельского профтехучилища № 28. Об условном осуждении подростка суд не информировал ни комиссию по делам несовершеннолетних, ни училище. Два месяца спустя председатель суда написал директору профтехучилища письмо, в котором в нарушение п. 9 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года прямо предписал училищу взять несовершеннолетнего Р. на перевоспитание. Между тем еще при рассмотрении дела на судебном засе-

дании суду было известно, что Р. через 4 дня закончит училище и будет направлен на работу.

Народные суды по изученным делам решали вопрос о назначении общественных воспитателей 26 несовершеннолетним.

Контроль судов за исполнением приговоров в этой части крайне слаб. Об этом убедительно говорит хотя бы тот факт, что из 26 человек общественные воспитатели назначены только 9 подросткам.

В решении вопросов назначения несовершеннолетним общественных воспитателей некоторые суды проявляют незнание соответствующего положения.

Народный суд Кингисеппского района в нарушение Положения об общественных воспитателях, минуя комиссию по делам несовершеннолетних, предписал администрации по месту работы условно осужденного несовершеннолетнего Б. назначить ему общественного воспитателя. Начальник Кингисеппского цеха Хаапсалуского эксплуатационного узла связи сообщил суду, что его распоряжением № 4 от 30 июня 1969 года несовершеннолетнему Б. назначены общественными воспитателями три работника цеха. Таким образом, вместо выдвижения кандидатуры общественного воспитателя на общем собрании рабочих и служащих и представления рекомендуемого лица для утверждения в комиссию по делам несовершеннолетних, этот вопрос в данном случае был разрешен приказом руководителя учреждения.

Тартуский районный народный суд, при вынесении приговора об условном осуждении несовершеннолетнего Л., также в обход комиссии по делам несовершеннолетних, назначил ему общественным воспитателем рабочего Тартуского завода контрольно-измерительной аппаратуры Андрианова, хотя последний, вопреки положению, общим собранием коллектива завода выдвинут не был и согласия принять на себя обязанность общественного воспитателя не давал. К тому же и воспитанием Л. ни до, ни после суда он не занимался.

Народные суды не выполняют во всех случаях и таких требований постановления Пленума от 3 июля 1963 года, как обязательное направление в городские и районные комиссии по делам несовершеннолетних копий приговоров на подростков, к которым применяется условное осуждение и меры наказания, не связанные с лишением свободы. Так, почти на одну треть обследованных несовершеннолетних копии приговоров в комиссии по делам несовершеннолетних направлены не были. Это в свою очередь лишало комиссию возможности учитывать в полном объеме этот контингент подростков и осуществлять за ними предусмотренное законом наблюдение.

Необходимо отметить, что нередко нарсуды направляют копии приговоров в комиссии по делам несовершеннолетних с боль-

шим опозданием. Так, 4 с половиной месяца спустя после вступления приговора в законную силу была направлена в комиссию копия приговора Кохтла-Ярвского городского народного суда по делу К., Б. и других.

Более двух месяцев медлил нарсуд Центрального района гор. Таллина с направлением в комиссию по делам несовершеннолетних приговора на несовершеннолетнего Л.

Месяц и 25 дней спустя после вступления приговора в законную силу была направлена в комиссию по делам несовершеннолетних копия приговора нарсуда Кингисеппского района на подростка Ы.

Отрицательное влияние подобной волокиты на своевременность организации надзора за несовершеннолетними очевидно.

Аналогичные нарушения допускаются судами также в части высылки приговоров по месту работы или учебы подростков. Так, по данным настоящей проверки, эти требования со стороны судов не были выполнены в отношении 17% несовершеннолетних.

Часто при направлении приговоров по месту работы осужденных несовершеннолетних суды предлагают обсудить в коллективе приговор и сообщить о результатах обсуждения нарсуду в определенный срок, однако должного контроля за обсуждением приговоров суды часто не осуществляют.

Одним из обстоятельств, снижающих эффективность условного осуждения несовершеннолетних и применения к ним мер наказания, не связанных с лишением свободы, являются серьезные недостатки в деятельности городских и районных комиссий по делам несовершеннолетних.

Статья 13 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 24 ноября 1967 года, обязывает комиссии совместно с детскими комнатами милиции осуществлять наблюдение за поведением несовершеннолетних, осужденных условно и к наказанию, не связанному с лишением свободы, а также вести их учет.

По изученным делам народными судами в адрес комиссий по делам несовершеннолетних были высланы приговоры на 73 подростков, из которых более половины на учет взяты не были и никаких мер по организации их исправления и перевоспитания со стороны комиссий предпринято не было.

Вместе с тем, анализ деятельности комиссий по делам несовершеннолетних по осуществлению наблюдения за подростками этого же контингента, состоящими на учете, показал, что комиссии нередко берут их на учет лишь формально, проявляя интерес к их дальнейшей судьбе от случая к случаю и зачастую уже запоздало.

Так, 2 сентября 1969 года нарсуд Центрального района гор. Таллина применил условное осуждение к несовершеннолетнему

С., 11 февраля 1953 года рождения, и передал его на перевоспитание коллективу кондитерской фабрики «Калев». 11 сентября 1969 года копия приговора была направлена в комиссию по делам несовершеннолетних при ИК СДТ Центрального района гор. Таллина. Хотя С. и был взят на учет, никакого контроля за его дальнейшим поведением комиссия не организовала и только пять месяцев спустя ответственный секретарь комиссии написала письмо на фабрику с просьбой выделить С. общественного воспитателя. На это письмо был получен ответ, что С. еще в ноябре 1969 года арестован и осужден.

Говоря о плохом контроле судов за исполнением приговоров о назначении несовершеннолетним общественных воспитателей, следует констатировать также весьма неудовлетворительную работу комиссий по делам несовершеннолетних, в обязанность которых входит не только исполнение приговоров в этой части, но и своевременная информация народных судов о личности общественных воспитателей.

Результаты проведенного обследования дают основание утверждать о наличии аналогичных недостатков и в деятельности органов внутренних дел.

В соответствии с Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних и ведомственной инструкцией МВД СССР, инспектора детских комнат милиции обязаны выявлять несовершеннолетних, осужденных условно и к мерам наказания, не связанными с лишением свободы, осуществлять постоянное наблюдение за ними, воздействовать на них с целью предупреждения возможного отклонения от норм поведения и добиваться их полного исправления.

Из всех изученных несовершеннолетних вне учета детских комнат милиции были 20,3% подростков, а в числе состоящих на учете было немало таких, кто состоял на учете только формально.

Некоторые подростки рассматриваемой категории брались на учет инспекторами с большим опозданием.

Упомянутый выше С., условно осужденный нарсудом Центрального района гор. Таллина 16 октября 1969 года, был взят на учет инспектором детской комнаты отдела внутренних дел спустя два месяца после осуждения; Р. — через 4 месяца после его условного осуждения этим же судом, а с момента условного осуждения несовершеннолетнего О. до взятия его на учет прошло 7 месяцев.

Проведенная работа показала, что почти всем народным судам свойствен один общий недостаток — это отсутствие необходимой координации с комиссиями по делам несовершеннолетних и органами внутренних дел, которые по закону также призваны осуществлять мероприятия, направленные на предотвращение

повторных преступлений со стороны рассматриваемой категории несовершеннолетних.

С целью получения данных о поведении обследуемых на период настоящей проверки, нами были истребованы соответствующие характеризующие материалы с мест их работы или учебы, а также от органов внутренних дел.

Анализ этих данных таков:

- 58% — характеризуется по месту работы или учебы хорошо или удовлетворительно,
- 19% — призваны в армию,
- 12% — совершили новые преступления и осуждены вновь,
- 9% — плохо ведут себя на работе, в учебе или быту,
- 2% — выбыли из Эстонской ССР и данные о них отсутствуют.

Таким образом, по нашему мнению, для преобладающего большинства изученных несовершеннолетних условное осуждение и осуждение к наказанию, не связанному с лишением свободы, явилось достаточно эффективным. Вместе с тем доля рецидивистов среди них могли бы быть намного меньше при условии более четкого выполнения народными судами, детскими комитетами органов милиции и комиссиями по делам несовершеннолетних возложенных на них законом функций по осуществлению контроля и наблюдения за данным контингентом подростков.

К сказанному хотелось бы добавить, что если в отношении изученных несовершеннолетних на местах некоторая работа по их учету и наблюдению все же ведется, то лица, достигшие ко времени рассмотрения дела в суде или вскоре после условного осуждения 18-летнего возраста, оказываются в наиболее неблагоприятном положении.

Как показало изучение, многие несовершеннолетние после непродолжительного наблюдения со стороны детских комитетов органов внутренних дел и комиссий по делам несовершеннолетних с учета снимаются с достижением 18 лет, и внимание к ним как со стороны органов милиции, так и государственных органов, или резко ослабевает, или вообще прекращается.

MIDA MÕISTA RASKENDAVATE ASJAOLUDENA RÜNDE KORRAL MIILITSATÖÖTAJA VÕI RAHVAMALEVLASE ELULE

Õigustead. kandidaat G. Hazak

Eesti NSV Prokuratuur

Rünne miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule on raskeim valitsemiskorravastane kuritegu. Vastutus seda liiki kuriteo eest on Eesti NSV KrK-s¹ sätestatud §-s 184¹, mis kodifitseeriti liiduvabariikide kriminaalkodeksitesse üleliidulisest seadusest.² Spetsiaalse sätte kehtestamine ründe eest miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule osutab vaadeldava kuriteo erilisele ühiskonnaohlikkusele ning ühtaegu tähtsusele, mida seaduseandja omistab märgitud isikute kriminaalõiguslikule kaitsele. Seaduseandja võrdsustab kriminaalõigusliku kaitse aspektist miilitsatöötaja ja rahvamalevlase. Mõlemad tegutsevad ühiskondliku korra kaitse eesliinil, puutudes kõige sagedamini vahetult kokku kurjategija või muu ühiskonnavastase elemendiga. Ilmselt neil kaalutlustel kehtestatigi erinorm, mis näeb ette vastutuse ründe eest miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule. Viimati öeldut rõhutatakse ka NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 1962. a. 15. veebruari seadluse preambelis.

Seejuures on aga uue seaduse konstruktsioon tekitanud tõiseid lahkarvamusi nii erialases kirjanduses kui ka kohtupraktikas. See on ainulaadne säte, kus seaduse sanktsioonis viidatakse raskendavatele asjaoludele. Viimaste olemasolul näeb seadus karistusena ette surmanuhtluse.

Tekib rida küsimusi, millele ühtset lahendust andmata pole praktiliselt võimalik vaadeldavat seaduse sätet ühtviisi rakendada.

Nendele küsimustele pöörataksegi alljärgnevalt tähelepanu. Mida mõista KrK § 184¹ sanktsioonis tähendatud «raskenda-

¹ Edaspidi — KrK.

² Vt. NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 1962. a. 15. veebruari seadlus «Vastutuse tugevdamisest ründe eest miilitsatöötajate või rahvamalevlaste elule, tervisele või väärikusele», NSVL ÜT, 1962, nr. 8 (avaldatud 21. veebruaril 1962).

vate asjaolude» all? Kas KrK § 184¹ sisaldab ainult kuriteo põhi-koosseisu või selle kõrval ka kuriteo kvalifitseeritud koosseisu?

Seaduseandja eesmärgiks, nagu märgitud, oli tõsta vastutust ühiskondlikku korda kaitsvate miilitsatöötajate või rahvamalevlaste elu vastu suunatud kuritegude eest. Vastutuse tugevdamine leidis väljenduse selles, et «rünne elule» kui kuriteo objektiivne külg loetakse lõpuleviiduks tapmiskatse momendist.

Samal ajal on aga KrK § 184¹ sanktsioon pehmem võrreldes KrK §-ga 101 p. 4. Esiteks, KrK §-s 184¹ on madalam sanktsiooni alammäär (5 aastat vabadusekaotust, §-s 101 — 8 aastat vabadusekaotust), teiseks võimaldab § 184¹ sanktsioon kohaldada kõrgeimat karistumäära — surmanuhtlust vaid siis, kui paragrahvi dispositioonis tähendatud kuriteole lisanduvad veel «raskendavad asjaolud». Seega on ka sanktsiooni ülemmäära kohaldamise võimalus võrreldes KrK §-ga 101 p. 4 — piiratum. Kõik see on tinginud rea tõsisemaid probleeme KrK § 184¹ rakendamisel.

Need autorid (näit. S. Borodin ja S. Žadbajev), kes mõistavad «rünnet elule» üksnes kui tapmiskatset, mitte aga lõpuleviidud tapmist, lahendavad probleemi lihtsalt. Nad kvalifitseerivad KrK § 184¹ järgi vaid selles tähendatud asjaoludel miilitsatöötaja või rahvamalevlase tapmiskatse. Kui samadel asjaoludel on toime pandud kannatanu tapmine, siis tuleb näiteks S. Borodini järgi kuritegu kvalifitseerida konkurentsisis KrK §-de 101 p. 4 ja 184¹ järgi. S. Žadbajev leiab aga, et sellistel juhtudel tuleb kuritegu kvalifitseerida ainult KrK § 101 p. 4 järgi.³ Nimetatud autorid väidavad, et nii ongi saavutatud vastutuse tugevdamine ründe eest miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule, s. t. nende tapmiskatse eest.

Õeldule võib esitada vastuväiteid, sest KrK § 101 p. 4 sätestab vastutuse ka tapmiskatse eest ning vastav viide KrK §-le 15 lg. 2 ei pea obligatoorselt endaga kaasa tooma karistuse mõistmise alla sanktsiooni alammäära ega välista sellepärast ka surmanuhtluse kohaldamise võimalust. Ent antud juhul pole küsimuse olemus mitte selles.

S. Borodini ja S. Žadbajevi poolt mõistele «rünne elule» antav sisu kitsendab seda tunduvalt, piirates «rünnet elule» põhjendamatu ainult tapmiskatsega. Seega ei näita nimetatud autorite lahendus vaadeldava probleemi sisulist lahendust.

Teine grupp autoreid, kes tõlgendavad «rünnet elule» mitte ainult kui kannatanu tapmiskatset või tapmist, vaid peavad selleks ka tema asetamist teadvalt elule ohtlikku seisundisse või

---

³ С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, стр. 243; С. Х. Жадбаев. Значение мотива преступления для определения ответственности за некоторые виды умышленного убийства по УК Казахской ССР. — «Труды Института философии и права» (Академия наук Каз. ССР), т. 7. Вопросы уголовного права и процесса. Алма-Ата, 1963, стр. 166.

temale objektiivselt elule ohtlike kehavigastuste tekitamist, on seisukohal, et KrK §-s 184¹ tähendatud «raskendavate asjaolude» all tuleb teiste hulgas mõista ka kannatanu surma põhjustamist.⁴ M. Žuravljov läheb veelgi kaugemale, väites, et muude asjaolude kõrval tuleb raskendavatena vastavalt KrK §-le 184¹ vaadelda ka kannatanule kehavigastuste tekitamist. Kuritegude ideaalkonkurentsi neil juhtudel polevat, kuivõrd «rünne elule» hõlmab kõik kahjulikud tagajärjed. Niiviisi seadust tõlgendades jõuavad nimetatud autorid järeldusele, et KrK §-s 184¹ tähendatud norm tõstab vastutust ründe eest miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule.

Osa autoreid on aga seisukohal, et «raskendavate asjaolude» all KrK § 184¹ tähenduses tuleb mõista kõiki neid koosseisulisi vastutust raskendavaid asjaolusid, mis on nimetatud KrK §-s 101 (nende loetelu on liiduvabariikide kriminaalkodeksites põhiliselt ühesugune), kui nad vaid on rakendatavad ründe korral miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule vastavalt KrK §-s 184¹ tähendatud asjaoludel.⁵ Seega tuleksid «raskendavate asjaoludena» nende autorite arvates kõne alla sellised nagu: rünne mitme miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule, tapmine eriti piinaval või eriti julmal või paljude isikute elule ohtlikul viisil, rünne elule isiku poolt, kes on varem tahtliku tapmise eest karistatud, rünne elule eriti ohtliku retsidivisti poolt või teise kuriteo varjamise või selle hõlbustamise eesmärgil jne.

Seoses sellega tekib aga küsimus, miks piiravad nimetatud autorid raskendavate asjaolude loetelu ainult nendega, mis käsitlevad tapmist? Seaduseandja ise ei nimeta ega ava KrK §-s 184¹ tähendatud «raskendavate asjaolude» mõistet. Pealegi viiks see vastutuse tunduvale nõrgendamisele miilitsatöötaja või rahvamalevlase tapmise eest seoses nende tegevusega ühiskondliku korra kaitse alal. Asi on ju selles, et üks KrK §-s 101 tähendatud raskendavatest asjaoludest esineb KrK §-s 184¹ ettenähtud kuriteokoosseisu puhul paratamatult alati — kuriteo subjektiivse

⁴ Е. А. Козельцев. Преступления против деятельности работников милиции и народных дружинников (Уголовно-правовое и криминологическое исследование). Автореферат кандидатской диссертации. Саратов, 1967, стр. 12; М. П. Журавлев. Ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников. Лекция. Под. ред. М. И. Якубовича. М., (Высшая школа МООП РСФСР), 1965, стр. 23.

Nõukogude kriminaalõiguse-alases kirjanduses diskuteeritav küsimus sellest, mida mõista «ründena elule», on väljaspool käesoleva kirjutise raame.

⁵ Н. И. Трофимов. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964, стр. 12; Комментарий УК РСФСР, изд. второе, отв. ред. проф. Б. С. Никифоров, М., 1964, стр. 412; С. С. Яценко. Уголовно-правовая охрана представителей власти и общественности (На материалах УССР). Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1965, стр. 6; А. В. Кладков. Некоторые вопросы ответственности за посягательство на жизнь работников милиции и народных дружинников в связи с их деятельностью по охране общественного порядка. — Ученые записки (Пермский университет), № 150. Пермь, 1966, стр. 9.

külje tunnuseks on seos kannatanu teenistusliku või ühiskondliku tegevusega, s. t. vastava kohustuse täitmisega. Kuna seda tunnust ei saa aga pidada KrK §-s 184¹ tähendatud kuriteokoosseisu korral vastutust raskendavaks asjaoluks, siis tähendab N. Trofimovi, S. Jatsenko jt. kontseptsioon süüdlase vastutuse ilmset kergendamist, sest selle järgi oleks «raskendavate asjaoludega» tegemist vaid siis, kui ründega miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule seoses nende tegevusega ühiskondliku korra kaitse alal kaasneb vähemalt veel mingi teine, KrK §-s 101 nimetatud vastutust raskendav asjaolu. Viimaste ring on aga teatavasti rangelt piiratud.

On väljendatud ka arvamust, mille järgi KrK §-s 184¹ tähendatud «raskendavate asjaoludena» tuleks käsitleda neid vastutust raskendavaid asjaolusid, mis on seaduses nimetatud konkreetsetl nii seoses tahtliku tapmisega (KrK § 101) kui ka kõiki teisi karistuse mõistmisel arvessetulevaid vastutust raskendavaid asjaolusid, mis on nimetatud «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaal-seadusandluse aluste» §-s 34 (KrK § 38).

Põhimõtteliselt on niisugusel seisukohal paljud autorid.⁶

Kriminaalkoodeksi eriosas esineb § 184¹ kõrval veel teisigi sätteid, kus viidatakse «raskendavatele asjaoludele», neid konkreitseerimata.

Nii näiteks näeb KrK § 189¹ lg. 2 ette vastutuse sõjaväekohustlase kõrvalehoidumise eest õppe- või kontrollkogunemisest, kui see pandi toime «enesele kehavigastuse tekitamise, haiguse simuleerimise, dokumendi võltsimise või muu pettuse abil, samuti ka isiku poolt, kellel on karistatus õppe- või kontrollkogunemisest kõrvalehoidumise eest, või muudel raskendavatel asjaoludel». KrK §-s 189¹ lg. 2 on osa nn. koosseisulisi raskendavaid asjaolusid nimetatud, samas aga tehakse lisaks sellele viide «muudele raskendavatele asjaoludele». Tegemist on «raskendavate asjaolude» näitliku loeteluga. Nõukogude kriminaalõiguses üldtunnustatud seisukoha järgi on seaduses antud vastutust raskendavate asjaolude loetelu reeglina ammendav ega kuulu laiendavale tõlgendamisele. Nii on küsimus lahendatud vastutust raskendavate asjaolude osas karistuse mõistmisel (KrK § 38), kuid ka enamikul juhtudel kriminaalkoodeksi eriosas (näit. KrK §-d 88, 89, 90, 101,

---

⁶ М. И. Якубович. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника. — Труды высшей школы МООП РСФСР, вып. 12. М., 1965, стр. 172—173; М. Аниянц. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964, стр. 107; Г. Ф. Поленов. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966, стр. 42; П. Ф. Гришанин, М. П. Журавлев. Преступления против порядка управления. Лекция. М., 1963, (Высшая школа МООП), стр. 31; Советское уголовное право. Часть Особенная, под ред. Н. И. Загородникова, М. И. Якубовича и В. А. Владимирова, М., 1965, стр. 364; Уголовное право. Часть Особенная, под ред. проф. Н. И. Загородникова и проф. В. Ф. Кириченко, М., 1968, стр. 448.

107, 108, 195, 204 jne.). See on nõukogude kriminaalõiguse demokraatlikkuse väljendus, mis peab ühtlasi tagama ka iga isiku kaitseõiguse ja sotsialistlikust seaduslikkusest range kinnipidamise.

Samade printsiipide kõrvalekaldumatu täitmise eesmärgil oleks ilmselt otstarbekam, kui kriminaalkodeksi eriosa paragrahvide dispositsioonis oleks vajaduse korral alati antud ka võimalike raskendavate asjaolude ammenda loetelu. Kui aga seda mingil põhjusel siiski ei ole tehtud, vaid on viidatud «muudele raskendavatele asjaoludele» või üldse «raskendavatele asjaoludele», neid konkreetselt nimetamata, siis tuleb pöörduda kriminaalkodeksi üldosa poole. Vastavalt «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalseadusandluse aluste» §-le 34 on vastutust raskendavate asjaolude loetelu antud KrK §-s 38. See on ammendav ega kuulu laiendavale tõlgendamisele. Meie arvates, lähtudes KrK § 184¹ konstruktsioonist, on see ainus raskendavate asjaolude loetelu, millele nimetatud erinormis viidatakse ning mida seetõttu võibki rakendada süüdlaste suhtes KrK § 184¹ alusel.

Mitmete autorite seisukoht, mille järgi KrK §-s 184¹ nimetatud «raskendavad asjaolud» tähendavad ainuüksi KrK §-s 101 (S. Jatsenko, M. Trofimov) või siis seal ja ka kriminaalkodeksi üldosas nimetatud vastutust raskendavaid asjaolusid (P. Grišaniin, G. Polenov, M. Jakubovitš), on meie arvates KrK § 184¹ koosseisu suvaline tõlgendamine seaduse analoogia rakendamise printsiibil. See printsiip aga teatavasti nõukogude kriminaalõiguses ei kehti. Tekib küsimus, kus on öeldud, et «raskendavate asjaolude» all tuleb KrK § 184¹ tähenduses mõelda samu raskendavaid asjaolusid, mis on nimetatud KrK §-s 101? NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 1962. a. 15. veebruari seadlus sellele ei viita. Samahästi võiks ju väita, et nimetatud «raskendavate asjaolude» all mõeldakse kriminaalkodeksi eriosa mistahes teises paragrahvis esinevaid konkreetseid raskendavaid asjaolusid. Seda teed minna ei tohi.

Öeldust tuleneb meie arvates vaid üks järeldus: käsitleda KrK §-s 184¹ tähendatud kuriteo põhikoosseisu «raskendavate asjaoludena» KrK §-s 38 nimetatud vastutust raskendavaid asjaolusid.

Nimetatud raskendavate asjaolude analüüs näitab, et see loetelu on sisuliselt märksa laiem võrreldes KrK §-s 101 nimetatud raskendavate asjaoludega.

Nii näiteks on huligaanne või omakasu ajend (KrK § 101 p. 1, 2) alati «madalaks ajendiks» (KrK § 38 p. 3). Ka KrK §-s 101 p. 3 tähendatud asjaoludel tapmine on eesmärgi ja motiivi vastastikuses seoses samuti vaadeldav «madala ajendina». Kannatanu tapmine või tapmiskatse eriti piinaval või eriti julmal või paljude isikute elule ohtlikul viisil (KrK § 101 p. 7) on alati käsitletav kui KrK §-s 38 p. 7 ja 9 tähendatud vastutust raskendav asja-

olu. Kuritegu isiku poolt, kes on varem toime pannud tahtliku tapmise (KrK § 101 p. 8), või eriti ohtliku retsidivisti poolt (KrK § 101 p. 9) on alati käsitletav vastutust raskendava asjaoluna KrK § 38 p. 1 alusel.

Lisaks sellele on aga raskendava asjaoluna KrK § 38 alusel ründe korral miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule käsitletavat veel sellised tegurid, nagu kuriteo toimepanemine organiseeritud grupi poolt, kuritegu ühiskondliku õnnetuse tingimuste ärakasutamise, aga samuti ka kuriteo toimepanemine joobeseisundis.

Raskendava asjaoluna KrK § 184¹ tähenduses on vaadeldav ka kannatanu surma põhjustamine või temale üliraske või raske kehavigastuse tekitamine. Võidakse küll väita, et nii nagu omakasu ajend ei ole varavastaste kuritegude korral kuriteokoosseisuväliseks vastutust raskendavaks asjaoluks KrK § 38 tähenduses, nii ei saa ka kannatanule raske või üliraske kehavigastuse tekitamine või tema surma põhjustamine olla koosseisuväliseks raskendavaks asjaoluks KrK § 184¹ korral. On ju märgitud tagajärjed kannatanu tapmise või tapmiskatse kui kuriteo objektiivse külje elementideks. Vaadeldaval juhul on kuriteokoosseisu konstruktioon siiski erandlik — rünne miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule loetakse lõpuleviiduks objektiivselt küljelt kannatanu tapmiskatse momendist. Tapmiskatse ei hõlma aga kahjulikke tagajärgi. Järelikult, kui ründega miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule põhjustatakse kannatanu surm või talle tekitatakse üliraske või raske kehavigastus, siis on märgitud raske tagajärg väljaspool kuriteokoosseisu piire ning on vaadeldav vastutust raskendava asjaoluna KrK § 38 tähenduses.

Sellisel seisukohal on erialases kirjanduses ka paljud autorid.⁷

Ka Eesti NSV Ülemkohtu praktika on läinud seda teed.

Nii märgib Eesti NSV Ülemkohus kohtuotsuses R. Harisovi süüdistusajajas, kes 1970. a. 24. juulil ebakaines olekus sõitis seoses kannatanu kohustuse täitmisega ühiskondliku korra kaitse alal Tallinnas Kõleri tänaval veoautoga tahtlikult peale rahvamalevlasele A. L-ile, põhjustades viimasele surmavaid vigastusi, et «karistuse mõistmisel võtab kohus arvesse kohtualuse varasemat karistatust, mis pole kustunud ega kustutatud, kuriteo toimepanemist joobeseisundis ning raske tagajärje põhjustamist, millised asjaolud kujutavad endast vastutust raskendavaid asjaolusid...»⁸

⁷ Eesti NSV kriminaalkoodeks. Kommenteeritud väljaanne. Koost. I. Rebane. Tallinn, 1965, § 184¹ komm. 10; Н. Клинов, Е. Фролов, Е. Сухарев. Правильное применение закона — необходимое условие в борьбе с посягательством на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников. — Социалистическая законность, 1964, № 11, стр. 27.

⁸ Vt. Eesti NSV Ülemkohtu kriminaaltoimik nr. K-1/60—1970.

Meie arvates on KrK §-s 184¹ tähendatud «raskendavate asjaolude» mõiste avamisel nii nõukogude kriminaalõiguse teooria kui ka kohtupraktika aspektist kõige põhjendatum lähtuda KrK §-s 38 loetletud raskendavatest asjaoludest. Ent samas tuleb rõhutada, et lubamatu on KrK §-s 38 tähendatud raskendavate asjaolude mistahes laiendav tõlgendamine.

Nii näiteks nimetab G. Polenov vaadeldava kuriteo raskendavate asjaoludena teiste hulgas ka selliseid, nagu spetsiaalsete tingimuste loomine ründeks elule, kannatanu poolt eriti tähtsate ülesannete täitmine ühiskondliku korra kaitse alal jne.

N. Klinov, J. Frolov ja J. Suhharev märgivad aga, et ründe korral miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule võib vastutust raskendava asjaoluna käsitleda kuriteo toimepanemist kül- või tulirelva abil.⁹

Selliste väidetega ei saa nõustuda.

Seega küsimuse otsustamisel, kas rünne miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule seoses nende tegevusega ühiskondliku korra kaitse alal on toime pandud vastutust raskendavatel asjaoludel või mitte, tuleb kõigepealt pöörduda KrK §-s 38 tähendatud loetelu poole ja kui kuriteo toimepanemist ja süüdlase isiksust ise-loomustavate kõigi asjaolude hoolika kaalumise järel jõulakse järeldusele, et kasvõi üks märgitud raskendavatest asjaoludest esineb, tuleb seda fikseerida nii süüdistuskokkuvõttes kui ka kohtuotsuses. Nimetatud «raskendav asjaolu» annab alust kõnelda miilitsatöötaja või rahvamalevlase elu vastu suunatud ründe enam ohtlikust koosseisust.

Siin jõuamegi küsimuseni, kas KrK § 184¹ sisaldab kaht eraldi kuriteokoosseisu või mitte. Alles pärast märgitud probleemi lahendamist võime asuda käsitlema küsimust sellest, millistel juhtudel tuleb KrK § 184¹ järgi kõne alla surmanuhtluse rakendamise võimalus.

KrK §-s 184¹ kahe kuriteokoosseisu olemasolu küsimus on erialases kirjanduses diskuteeritav. Selle põhjuseks on paragrahvi erandlik konstruktsioon — viide enam ohtlikule kuriteokoosseisule on antud mitte paragrahvi eraldi lõikes dispositsiooni raames, vaid ühelõikelise paragrahvi sanktsioonis sõnadega «raskendavatel asjaoludel».

Mitmed autorid toetavad «kahe kuriteokoosseisu» kontseptsiooni.

Nii leiab näiteks N. Trofimov, et paragrahvi dispositsioonis on antud kuriteo põhikoosseisu tunnused, paragrahvi sanktsioonis aga nn. kvalifitseeritud koosseisu tunnused. Viimased on väljendatud sõnadega «raskendavatel asjaoludel». Niiviisi on seaduse-

---

⁹ Н. Клинов, Е. Фролов, Е. Сухарев. Правильное применение закона — необходимое условие в борьбе с посягательством на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников. — Социалистическая законность, 1964, № 11, стр. 27.

andja N. Trofimovi arvates formuleerinud mitte ainult elu vastu suunatud ründe enam ohtlikuma koosseisu, vaid näinud selle eest ette ka eraldi sanktsiooni.¹⁰

Samasugusel arvamusel on ka S. Jatsenko.¹¹

Mitte kõik autorid, kes on uurinud valitsemiskorra ja elu vastu suunatud kuritegusid, pole küll pidanud vajalikuks antud komplitseeritud probleemil peatuda, ent «kahe kuriteokoosseisu» kontseptsioonile on esitatud ka vastuväiteid.

Nii näiteks kirjutab A. Kladvov, et polevat mingit alust käsitleda seaduse sanktsioonis märgitud raskendavaid asjaolusid, mis mõjustavad vaid karistumäära, kuriteokoosseisu «kvalifitseerivate» tunnustena. A. Kladvov väidab, et sellisel juhul on «kvalifitseeritud koosseisu» sanktsiooniks ette nähtud vaid üks karistus — surmanuhtlus, ja igakord, kui kohus ei pea vajalikuks seda kohaldada, peaks ta oma seisukohta motiveerima viitega paragrahvile, mis annab võimaluse mõista karistust alla seaduse sanktsioonis ettenähtud alammäära. See oleks aga vastuolus seaduse sättega, mille kohaselt surmanuhtlus on erakordne karistus.¹²

A. Kladvovi poolt esitatud vastuargumendid viitavad meie arvates vaid veel kord KrK §-s 184¹ tähendatud sätte konstruktsiooni puudustele. Need on ilmsed, ent see ei kummuta ikkagi põhimõttelist järeldust, et «raskendavad asjaolud» ei saa tuleneda ainuüksi seaduse sanktsioonist. «Raskendavad asjaolud», olenevatest nende iseloomust, puudutavad eelkõige kuriteokoosseisu, muutes selle enam ohtlikuks ja alles kuriteokoosseisu kaudu avaldavad «raskendavad asjaolud» mõju kriminaalõigusliku sätte sanktsioonile. Seepärast, olenemata sellest, kas «raskendavatele asjaoludele» on viidatud seaduse dispositioonis või sanktsioonis, tähendab nende olemasolu sisuliselt alati eraldi, «kvalifitseeritud» kuriteokoosseisu. Mis puutub A. Kladvovi ülalmärgitud argumentidesse, siis tuleb rõhutada, et surmanuhtluse kohaldamise võimalused «raskendavate asjaolude» esinemisel on märksa kitsamad (§-s 101 antud loetelu) kui A. Kladvovi tõlgenduses (KrK §-des 38 ja 101 antud loetelu).

Kuid seaduse lünklikkus jääb sellele vaatamata püsima, sest ka ründe eest elule «raskendavatel asjaoludel» kitsamas mõttes ei ole mingit alust ette näha karistuseks üldreeglina surmanuhtlust. Viimane on ikkagi erakordne karistus, mida rakendatakse vaid üksikjuhtudel. Viimased peavad seaduses olema spetsiaalselt ette nähtud ning seda liiki karistuse faktiliseks kohaldamiseks igal

¹⁰ Н. И. Трофимов. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964, стр. 12.

¹¹ С. С. Яценко. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1965, стр. 6.

¹² А. В. Кладков. Некоторые вопросы ответственности за посягательство на жизнь работников милиции и народных дружинников в связи с их деятельностью по охране общественного порядка. — Ученые записки, (Пермский университет), № 150, Пермь, 1966, стр. 11.

konkreetsel juhtumil peavad andma alust kuriteo raskust ja süüdlase isiksust iseloomustavad erakordsed raskendavad asjaolud kogumis.

A. Kladkov püüab leida lahendust selles, et väidab, nagu oleksid surmanuhtluse kohaldamise võimalused KrK § 184¹ järgi täpselt samad mis KrK § 101 p. 4 järgi.¹³ Sellist järeldust ei saa KrK § 184¹ analüüsi alusel siiski teha. Nimetatud paragrahv võimaldab kohaldada surmanuhtlust ikkagi vaid siis, kui «ründe miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule seoses nende tegevusega ühiskondliku korra kaitse alal» kaasnevad mingid «raskendavad asjaolud». Seost miilitsatöötaja või rahvamalevlase teenistusliku või ühiskondliku tegevusega ühiskondliku korra kaitse alal ei saa iseenesest vaadelda antud juhul «raskendava asjaoluna» ja sellepärast ei anna märgitud seos iseenesest, teiste KrK §-s 101 tähendatud raskendavate asjaolude puudumisel alust kõnelda surmanuhtluse kohaldamise võimalusest. Selles mõttes on KrK § 101 p. 4 sanktsioon võrreldes KrK § 184¹ sanktsiooniga tunduvalt raskem.

Seega lubab seaduse sisuline analüüs teha järelduse, et KrK §-s 184¹ on faktiliselt antud kaks kuriteokoosseisu — nn. lihtkoosseis ja enam ohtlik ehk «kvalifitseeritud» koosseis. Viimasele viitavad paragrahvi sanktsiooni sõnad «raskendavatel asjaoludel».

Kui jutt on KrK § 184¹ dispositsioonis antud kuriteo lihtkoosseisu ja nn. kvalifitseeritud koosseisu piiritlemisest, siis on viimasega tegemist juhul, kui esineb kasvõi üks KrK §-s 38 tähendatud raskendav asjaolu. See aga ei anna veel alust kõrgeima karistumäära, surmanuhtluse kohaldamiseks. Surmanuhtlus on vastavalt «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalseadusandluse alustele» (§ 22) erakordne karistus. Vastavalt «Alustele» on surmanuhtluse kohaldamine rangelt piiratud. Lisaks NSV Liidu seaduses «Kriminaalvastutusest riiklike kuritegude eest» ettenähtud juhtudele, samuti mõnede teiste eriti raskete kuritegude eest, mis on NSV Liidu seadusandlusega otseselt ette nähtud, lubab KrK § 22 surmanuhtlust rakendada ka «tahtliku tapmise eest raskendavatel asjaoludel, mis on näidatud NSV Liidu kriminaalseaduste ja käesoleva koodeksi neis paragrahvides, mis määravad kindlaks vastutuse tahtliku tapmise eest».

Mingeid muid võimalusi surmanuhtluse kohaldamiseks ei ole ette nähtud. «Aluste» § 22 seoses NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 1962. a. 15. veebruari seadlusega ei täiendatud. Seadusandja lähtus ilmselt sellest, et «rünne miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule» kujutab endast sisuliselt tahtlikku tapmist või tapmiskatset, mille eest seaduses konkreetselt ettenähtud rasken-

¹³ А. В. Кладков. Некоторые вопросы ответственности за посягательство на жизнь работников милиции и народных дружинников в связи с их деятельностью по охране общественного порядка. — Ученые записки, (Пермский университет), 150, Пермь, 1966, стр. 9.

davatel asjaoludel (KrK § 101) nähakse ette ka erakordse karistuse, surmanuhtluse kohaldamise võimalus. Ent seaduseandja märgitud lähtealus ei ole seaduses endas selgesti väljendatud ning tekitab seetõttu vastuväiteid.

Kuna «Alused» surmanuhtluse kohaldamise võimalikkuse küsimuses otseselt viitavad KrK §-s 101 tähendatud raskendavatele asjaoludele, siis on nende mistahes laiendav tõlgendamine vastuolus seadusega. Järelikult tuleb KrK §-s 184¹ teha vahet kahe suguste «raskendavate asjaolude» vahel. Ühed, laiemas mõttes (loetelu KrK §-s 38), annavad alust kõnelda miilitsatöötaja või rahvamalevlase elu vastu suunatud ründe enam ohtlikust koosseisust ühes kõigi sellest tulenevate kriminaalõiguslike tagajärgedega (näit. KrK § 55¹ kohaldamisel). Teised raskendavad asjaolud kitsamas mõttes (loetelu KrK §-s 101) annavad aga alust kõnelda süüdlase suhtes erakordsetel juhtudel kõrgeima karistusmäära — surmanuhtluse kohaldamise võimalusest.

О ПОНЯТИИ «ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» ПРИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВЕ НА ЖИЗНЬ РАБОТНИКА МИЛИЦИИ ИЛИ НАРОДНОГО ДРУЖИННИКА

Кандидат юридических наук Г. Хазак

Резюме

Введение в уголовное законодательство специальной нормы об ответственности за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника указывает на значение, которое законодатель придает повышению уголовно-правовой охраны названных лиц. Об этом говорится и в преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье или достоинство работников милиции или народных дружинников».

В то же время конструкция статьи, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника (ст. 184¹ УК ЭССР), вызывает в специальной юридической литературе и в судебной практике серьезные расхождения.

Своеобразие конструкции ст. 184¹ УК ЭССР выражается в том, что об «отягчающих обстоятельствах» говорится не в диспозиции, а в санкционной части статьи. При наличии «отягчающих обстоятельств» мерой наказания за посягательство на жизнь предусмотрена смертная казнь.

В статье дается анализ содержания ст. 184¹ УК по отношению к ст. 101 п. 4 УК ЭССР. Автор приходит к выводу, что единственным признаком, указывающим на повышение ответственности за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника по сравнению с ответственностью за предусмотренное в ст. 101 п. 4 УК ЭССР преступление, является признание посягательства на жизнь оконченным с момента стадии покушения на преступление. В остальной части ст. 184¹ УК фактически не повышает, а наоборот смягчает ответственность по сравнению со ст. 101 п. 4 УК ЭССР.

Далее в статье излагаются высказанные в советской уголовно-правовой литературе разные суждения по вопросу о понятии «отягчающих обстоятельств» в смысле ст. 184¹ УК ЭССР. Дается критический анализ позиции тех авторов, которые под «отягчающими обстоятельствами» понимают обстоятельства, указанные как отягчающие при умышленном убийстве, а также тех авторов, которые их понимают как отягчающие обстоятельства в смысле ст. 101 УК ЭССР, так и в смысле ст. 38 УК ЭССР.

Анализ разных, частично противоположных мнений и судебной практики, приводит автора к заключению, что по существу ст. 184¹ УК ЭССР содержит два состава преступления — основной и «квалифицированный». На последний указывают содержащиеся в ст. 184¹ УК ЭССР слова «при отягчающих обстоятельствах». При этом под отягчающими обстоятельствами, как признаком «н. квалифицированного состава преступления, следует понимать обстоятельства, перечисленные в ст. 38 УК ЭССР. Перечень этих обстоятельств по существу охватывает и является даже более обширным, чем перечень обстоятельств, приведенных в ст. 101 УК ЭССР.

С другой стороны, исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств, приведенных в ст. 38 УК ЭССР, не подлежит расширительному толкованию. Автор статьи отвергает имеющиеся в этой части в специальной юридической литературе суждения, так противоречащие демократическим принципам советского уголовного и процессуального права.

Таким образом, если будет признано, что посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника совершено при указанных в ст. 38 УК ЭССР отягчающих вину обстоятельствах, то налицо «квалифицированный» состав преступления, предусмотренный ст. 184¹ УК ЭССР. Однако эти отягчающие обстоятельства сами по себе не дают основания для возможности применения высшей меры наказания — смертной казни. По мнению автора, круг отягчающих обстоятельств, дающих основание для применения в необходимых случаях к виновному смертной казни, является более узким по сравнению со ст. 38 УК ЭССР. Такой вывод соответствует ст. 22 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 22 УК ЭССР, в

которых возможность применения чрезвычайной меры наказания строго ограничена специальным указанием на это в законе.

Исходя из этого «отягчающими обстоятельствами» в смысле ст. 184¹ УК ЭССР, дающими основание для возможности применения смертной казни, следует считать обстоятельства, перечисленные в ст. 101 УК ЭССР, кроме указанного в п. 4 обстоятельства, поскольку деятельность работника милиции или народного дружинника по охране общественного порядка всегда является деятельностью, «связанной с выполнением своего служебного или общественного долга» и элементом основного состава преступления, предусмотренного в ст. 184¹ УК ЭССР.

Такое решение вопроса о существовании понятия «отягчающих обстоятельств» в смысле ст. 184¹ УК ЭССР по мнению автора вытекает из анализа в совокупности различных уголовно-правовых норм, а также из цели законодателя повысить ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника.

Такое толкование понятия «отягчающих обстоятельств» в рамках ст. 184¹ УК ЭССР следует учитывать, с одной стороны при решении вопроса о применении ст. 55¹ УК ЭССР и ст. 2 «а» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 года «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду», а с другой стороны — при решении вопроса о мере наказания.

Одновременно автор приходит к выводу о явно неудачной конструкции ст. 184¹ УК ЭССР, поскольку, несмотря на выше изложенное решение некоторых спорных вопросов, по-прежнему сохраняется нелогичное противоречие между ст. 184¹ как специальной и ст. 101 п. 4 УК ЭССР как общей уголовно-правовой нормой. Это противоречие выражается как в диспозиции, так и в санкции указанных статей.

Кроме того, никак нельзя признать обоснованным отсутствие альтернативной санкции за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника даже при отягчающих обстоятельствах, дающих основание для применения в необходимых случаях смертной казни, поскольку последняя по закону является чрезвычайной, экстренной мерой наказания.

О КАТЕГОРИЧЕСКОЙ И ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ФОРМАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Кандидат юридических наук Х. Рооп

Лаборатория судебной экспертизы ЭССР

Вероятность — это логическое отношение между суждениями, имеющее промежуточное значение между истиной и ложью.¹

В следственной и судебной практике эксперты дают свои заключения как в категорической, так и в вероятной (предположительной) форме. Удельный вес предположительных заключений эксперта среди всех заключений составлял в 1969 году в Лаборатории судебной экспертизы ЭССР — 6,1%.

Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и союзных республик указанный вопрос не регламентирует.

В советской юридической литературе одни авторы находят, что эксперты могут давать свои заключения и в предположительной форме.²

Другие же авторы, к мнению которых присоединяемся и мы, наоборот, считают, что предположительные заключения эксперта в советском уголовном процессе недопустимы.³

¹ Вероятностная логика отличается от теории вероятностей — науки о массовых случайных событиях.

² См. напр., М. А. Чельцов, Н. В. Чельцов. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 195; М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 175—176; А. И. Винберг. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949, стр. 57—60; А. А. Пионтковский. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики. — Советская криминалистика на службе следствия, вып. 6. М., 1955, стр. 16 и сл.; Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, стр. 152—165; Г. И. Виноградов, Г. И. Кочаров, Н. А. Селиванов. Экспертизы на предварительном следствии. М., 1959, стр. 14; Г. М. Миньковский и др., Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Под редакцией Л. Н. Смирнова. М., 1970, стр. 121.

³ См. напр., Р. Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 208; Б. Зотов. Заключение экспертизы в вероятной форме недопустимы. — Социалистическая законность, 1955, № 4, стр. 66—68; А. Я. Полнашвили. Правовые проблемы экспертизы в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание докторской

Сторонники допустимости предположительного заключения эксперта обосновывают свою точку зрения по разному.

Л. Т. Ульянова делает вывод о допустимости вероятных заключений в уголовном процесс из того, что «уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, которая бы запрещала дачу вероятных заключений эксперта, то есть закон не исключает возможности дачи экспертом таких заключений»³.

Но в то же время следует отметить, что дача предположительных заключений эксперта не способствует выполнению задач уголовного судопроизводства. Ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик требует, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Присвоение предположительным заключениям эксперта доказательственной силы может привести к грубейшим нарушениям прав граждан в части свободы их личности и необоснованного осуждения.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик (ч. 4 ст. 60 и ч. 3 ст. 160 УПК ЭССР) предусматривают, что эксперт в тех случаях, когда представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения, составляет мотивированный акт о невозможности производства экспертизы.

Верховные суды Союза ССР и РСФСР в ряде своих определений неоднократно обращали внимание судов на то, что предположительные выводы экспертизы не могут быть положены в основу обвинения.⁴ Верховный суд ЭССР по этому вопросу определений не выносил.

Многие авторы, хотя и не рассматривают предположительное заключение эксперта как судебное доказательство, допускают его в качестве материала для выработки следственных версий.⁶ Но это было бы половинчатым решением вопроса.

ученой степени. Тбилиси, 1968, стр. 23—26; Р. С. Белкин. Роль криминалистической экспертизы в реализации ленинского принципа неотвратимости наказания. — Вопросы судебной экспертизы, Азербайджанский научно-исследовательский институт судебных экспертиз, Баку, 1969, № 9, стр. 89; И. Ф. Крылов и др., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года. Комментарий. Издат. Ленинградского университета 1962, стр. 191; Г. М. Миньковский и др., Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, под общей редакцией В. А. Болдырева. М., 1963, стр. 194.

⁴ Л. Т. Ульянова. Указанная работа, стр. 152.

⁵ См. напр. определения Судебной коллегии Верховного суда СССР от 3 ноября 1954 г. по делу Голумбевской. — Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 № 1, стр. 15; от 22 февраля 1956 г. по делу Митрюрева. Там же, 1956, № 4, стр. 22; определения Судебной коллегии Верховного суда РСФСР: «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1961, № 6, стр. 13; там же, 1963, № 4, стр. 10.

⁶ Напр. см. О. Пюсса. Указанная работа, стр. 284; И. Ф. Крылов и др., Указанная работа, стр. 191; Г. М. Миньковский и др., Указанная работа, стр. 194.

На наш взгляд, нельзя забывать, что заключение в предположительной форме дается также в соответствии со всеми требованиями процессуального оформления и нигде не оговорено, для какой именно цели оно представлено.

От выработки следственных версий только один шаг к попыткам использовать такое заключение, как судебное доказательство. Помимо этого, в ущерб обвиняемому (подсудимому) является уже тот факт, что в уголовном деле есть предположительное заключение эксперта, уличающее его. В то же время акт о невозможности дачи экспертом заключения явился бы нейтральным документом.

Тенденциозность предположительных заключений эксперта становится явной, если рассмотреть вопрос, в какой форме, утвердительной или отрицательной они даны. Как правило, они даются в утвердительной форме по обстоятельствам, указывающим на виновность лица в совершении преступления или отягчающим его ответственность. Автору известно весьма мало случаев из практики, когда предположительное заключение эксперта можно было бы классифицировать как оправдательное доказательство.

Автор далек от того, что эксперт не должен помогать следственным и судебным органам в выработке разных следственных версий. В интересах борьбы с преступностью он может делать это, но в непроцессуальной форме, например в порядке консультации. В обязанность судебных экспертных учреждений по их положениям входит и дача консультаций следственным и судебным органам, оказание им помощи в производстве следственных действий.⁷

Некоторые авторы, соглашаясь с тем, что предположительное заключение (вывод) нельзя рассматривать в качестве судебного доказательства в целом, в то же время считают, что акты экспертизы с такими выводами все же нужны. Они мотивируют это тем, что в исследовательской (описательной) части акта экспертизы бывают некоторые категорически установленные факты, моменты, которые можно использовать при оценке в совокупности с другими доказательствами.⁸

А. Я. Полиашвили, опровергнув такую позицию, пишет: «Поскольку вероятное заключение эксперта в целом не имеет доказательственного значения, тем более не будут иметь его вырванные из исследовательской части заключения эксперта отдельные факты совпадения и различия признаков. Как правило, при даче вероятного заключения эксперты в процессе исследования устанавливают не только факты совпадения, но одновременно и фак-

---

⁷ См. напр., п. п. 3 и 6 ст. 2 Положения Лаборатории судебной экспертизы Эстонской ССР.

⁸ См. напр., Л. Т. Ульянова. Указанная работа, стр. 154 и сл.

ты различия признаков. При таких условиях остается непонятным, какие признаки могут иметь доказательственное значение, признаки совпадения или различия»⁹.

Искусственно вырывать из исследовательской части акта экспертизы какой-то момент было бы методически неправильным, это может привести к логическим ошибкам, к субъективному толкованию вопроса. Кроме того, доказательством по существу является все-таки вывод эксперта. По кодексам некоторых союзных республик (см. напр. ч. 2 ст. 48 УПК Эстонской ССР и ст. 214 УПК Литовской ССР) видом судебного доказательства является только заключение эксперта, а не весь акт экспертизы.

Если какой-то отдельный момент, промежуточный факт действительно имеет значение для дела, то для его правильного процессуального использования компетентное лицо или орган может поставить эксперту соответствующий вопрос и получить таким образом ответ на него в качестве самостоятельного вывода, заключения.

В связи с возможностью выражения степени вероятности математически (от нуля до одного), возникает вопрос использования предположительного заключения эксперта как квантитативно определенного в качестве судебного доказательства.

Как известно, вероятным фактором является случайное событие, которое может произойти, а может и не произойти. Но с помощью математических расчетов, на основании теории вероятностей, можно придти к выводам, свободным от случайностей, только при наличии массовых случайных факторов и действии закона больших чисел.

Например, если подбросить монету тысячу раз в воздух, то частота наличия герба бывает, примерно, в половине из всех экспериментов.¹⁰ Но результат одного такого эксперимента является совершенно случайным. Следовательно, теория вероятностей абсолютно не приемлема при разрешении конкретного уголовного дела. Советское правосудие при оценке доказательств ни в коем случае не может быть связано с моментом случайности.

По четвертому закону классической логики всякий вывод должен быть достаточно обоснован. Этому требованию мышления отвечает только категорическое заключение эксперта, которое поэтому является и достоверным доказательством.

---

⁹ А. Я. Полнашвили. Указанная работа, стр. 25.

¹⁰ Вероятность — P выражается формулой

$$P = \frac{m}{n} = \frac{500}{1000} = 0,5 \text{ где}$$

m — число возможностей, при которых ожидаемое событие реализовалось (в данном случае наличие герба)

n — число всех возможностей (всех бросков монеты в воздух).

В то же время следует различать понятие достоверности от понятия истинности, т. к. в юридической и философской литературе их нередко отождествляют. Достоверность путают с абсолютной истиной и вероятностью — с относительной.¹¹

Истина и ложь характеризуют отношение мысли к действительности: «... достоверность... характеризует способ познания, ведущий к истине».¹² Если мы говорим, что данный вывод достоверный, «... то истинность результата как бы предсказывается заранее, гарантируется самим ходом мышления, способом рассуждения».¹³ Бывают, наоборот, и парадоксальные случаи, когда случайно возникшая мысль, даже простая интуитивная догадка (достоверности факта вообще нет), может соответствовать действительности.¹⁴

Само понятие достоверности строго однозначное и никаких степеней у него нет.¹⁵

Промежуточная категория проблематичности входит в рамки вероятности как ее высшая степень, но ни в коем случае в понятие категоричности.

Как в практике, так и в теории иногда смешиваются и отождествляются понятия «предположительный вывод» и «косвенная улика», что является ошибочным.

М. А. Чельцов пишет: «... в криминалистической практике вероятное заключение имеет значение для установления групповой принадлежности объекта. Эта принадлежность всегда основывается только на сходстве объекта по типу, классу, сорту».¹⁶

Косвенная улика является установленным фактом, хотя побочным, ведущим к главному факту (событие преступления и лицо, совершившее преступление).

Вероятное заключение — это не факт, а всего лишь предположение о нем, предположение о существовании факта. Такое заключение никогда не ведет к установленному известному факту, к косвенной улике. Задача эксперта в данном случае состоит в даче категорического заключения о том, что исследуемый объект входит в определенную группу: класс, вид, род, модель и

---

¹¹ См. напр., М. С. Строгович. Материальная истина в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 86; М. Гродзинский. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 105; О. Яхот. Что такое истина. М., 1957, стр. 45.

¹² А. А. Эйсмэн. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М., 1967, стр. 111.

¹³ Там же, стр. 110.

¹⁴ См. там же, стр. 110.

¹⁵ А. А. Старченко. Логика в советском исследовании. М., 1958, стр. 8 и 16; П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, 28; А. И. Трусев. Основы теории судебных доказательств. М. 1960, стр. 14; А. А. Эйсмэн. Указанная работа, стр. 111.

¹⁶ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 176.

т. п. Здесь мы имеем дело уже не со сходством, а с групповым тождеством.¹⁷

Т. А. Седова аргументирует это следующим образом: «... что объект принадлежит к данной группе, это означает, что он входит в ее состав, а не только сходен с ней».¹⁸

В таких случаях эксперт определит возможно больше признаков, чтобы сузить объем класса и тем самым уменьшить количество объектов, входящих в понятие класса (по формальной логике). Иногда эксперты, категорически определив, что исследуемый объект входит в определенную группу, добавляют, что вероятно этим объектом, например ножом, пистолетом и т. п., был убит человек. Но в этих случаях эксперт выходит за рамки своей компетенции, поскольку здесь не требуется специальных познаний (кроме юридических, знания довольно сложной теории доказательств). Только лицо, производящее дознание (орган дознания), следователь, прокурор и суд правомочны при оценке в совокупности вопроса, входит ли объект в определенную группу (косвенная улика, добытая из категорического заключения эксперта) и других имевшихся в деле доказательств, прийти к выводу и считать доказанным, что человек убит каким-то определенным предметом.

Бывают случаи, когда эксперты вместо категорического вывода в качестве условных заключений дают предположительные заключения.

Условный вывод — один из категорических форм заключения эксперта. В этом случае эксперт в своем заключении указывает, что его вывод является (категорически) правильным только в том случае, если исходное положение достоверное. При наличии более одного исходного положения мы имеем дело с вариантным заключением эксперта. Такое вариантное заключение, которое содержит ответы на два исключаящие друг друга исходные положения, называется альтернативным заключением. В этих случаях эксперт должен дать свое заключение применительно к отдельным исходным положениям по разным вариантам. В силу вступает тот вариант условного заключения, достоверность

---

¹⁷ Некоторые авторы рассматривают групповое тождество и групповую принадлежность как синонимичные термины одного и того же понятия — см. напр., Т. А. Седова. Некоторые вопросы оценки доказательственного значения выводов на основе групповой идентификации. — Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы (материалы научной конференции, декабрь 1969 г.), выпуск 2, Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз. М., 1969, стр. 84—88.

Другие авторы понимают под групповой принадлежностью и категорией, установление которой является самостоятельным процессом, если исследуются индивидуально неопределенные объекты такие, как сыпучие, жидкие и газообразные. См. напр., М. В. Салевский. Идентификация и установление групповой принадлежности. Конспект лекций. Харьков, 1965, стр. 15; И. Д. Курчеров. Соотношение тождества и различия. Минск, 1968, стр. 100—107.

¹⁸ Т. А. Седова. Указанная работа, стр. 87.

исходных данных которого установлена на предварительном расследовании или на суде.

В акте автотехнической экспертизы № А-401 дается заключение, что первичный аварийный контакт передней части автобуса с мопедом произошел во время, когда транспортные средства двигались, вероятно, в одном направлении. В то же время в деле имелись данные, свидетельствующие о том, что направление транспортных средств в момент столкновения могло быть и встречным.¹⁹ В данном случае было бы правильнее дать заключение в категорической форме, но в двух вариантах.

В практике встречаются случаи, что эксперты дают заключения в предположительной форме тогда, когда имеется возможность проявления какого-то явления. Это является неправильным. Как известно, понятие «возможность» является философской категорией. Парная ей категория есть «действительность», которая находится с первой в определенной закономерной связи.

Эксперт может в результате своего исследования утверждать не предположительно, а категорически, что существовала возможность проявления какого-то явления. Не превращалась ли определенная возможность в реальную действительность, это уже вопрос, который связан с вероятностью (если нет данных для категорического заключения), эксперт должен оставить его без ответа. Данный вопрос разрешается иными следственными действиями.

Результаты рассмотрения актов Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава ЭССР за 1969—1970 годы показали, что в них правильно делается вывод не о вероятности, а о возможности причинения телесных повреждений и наступления смерти человека исходя из обстоятельств уголовного дела.

Например, в акте № 470 от 31 августа 1970 г., сопоставляя характер имевшихся на шее гр. Чекалова В. повреждений — резаной раны и колото-резаной раны — с признаками предъявленного эксперту ножа возможно, (а не вероятно — Х. Р.) что эти телесные повреждения причинены данным ножом.

Но в тех случаях, когда судебно-медицинскому эксперту заданы вопросы о положении человека в момент причинения ему телесных повреждений и наступления смерти, то он, как правило, отвечает на них в предположительной форме.

В акте № 482 от 5 сентября 1970 г. сделан вывод — вероятно, что гр. Мошин к моменту получения телесных повреждений был в согнутом положении, вниз лицом.

¹⁹ См. архив Лаборатории судебной экспертизы ЭССР за 1969 год, акт № А-401.

В данном случае эксперт мог бы категорически заключить, что гр. Мошин к моменту получения телесных повреждений мог находиться в указанном положении.

Констатация экспертом наличия или исключения определенных возможностей (метод исключения) помогает следственным органам и суду формулировать версии и вести следствие более глубоко в узком направлении.

В акте пожарно-технической экспертизы № Т-57 от 6 марта 1970 г. исключены возможности samozagoraniya, наличия дефектов отопительной системы и различных физико-механических процессов как технических причин пожара. Но в то же время в акте неправильно отмечено, что причиной пожара вероятно было действие электрического тока, вместо того, чтобы сделать вывод, что пожар мог возникнуть от действия электрического тока, одновременно указав и остальные возможности возникновения пожара. То обстоятельство, что эксперт называет одну из существующих возможностей вероятной, может направить следствие тенденциозно в одном направлении и оставить другие версии без достаточного внимания.

Изучение 35 предположительных заключений данных экспертами Лаборатории судебной экспертизы ЭССР за 1969 год показало, что 14, т. е. 40% из них можно было при правильном логическом рассуждении и грамматическом оформлении дать в категорической форме.

По отдельным видам экспертиз предположительные заключения были даны: по криминалистической экспертизе 20, из них экспертиз письма — 18 и баллистические — 2, автотехнические — 6 и пожарно-технические — 9.

Следует отметить, что по химической экспертизе нет ни одного заключения в предположительной форме. Это связано с тем, что сделаны выводы о групповом тождестве (групповой принадлежности).

Что касается бухгалтерской экспертизы, то вообще не возникает вопроса о даче предположительного заключения (встречаются редко условные выводы по неосновным вопросам). Это объясняется характером предмета этой экспертизы, который требует большой точности (определенные реквизиты, математические расчеты и др.).

Из 14 предположительных заключений, которые можно было дать в категорической форме, падает:

- 2 — на баллистическую экспертизу (эксперт мог дать заключения о групповом тождестве);
- 3 — на автотехническую экспертизу (эксперт мог дать варианты заключения);
- 9 — на пожарно-техническую (в 7 случаях эксперт мог дать заключения о групповом тождестве, в 1 случае — вариантное заключение).

Вместо 18 предположительных заключений по экспертизе письма и 3 предположительных заключений по автотехнической экспертизе следовало бы представить акты о невозможности дачи заключения.

Давая заключения в предположительной форме вместо категорической эксперты формально лишают их доказательственной силы.

В следственной и судебной практике, исходя из чисто практических соображений, по вопросу надобности использования предположительного заключения эксперта существует два противоречивых направления.

Одни практические работники настаивают на том, чтобы эксперты в целях т. н. подкрепления уличающих доказательств давали предположительные заключения.

Другие же, наоборот, желают либо заключения эксперта в категорической форме, либо акта о невозможности дачи заключения. В первом случае уголовное дело проходит в суде без осложнений в смысле осуждения, во втором случае дело легче прекратить, так как нет данных указывающих на совершение преступления. А при даче предположительного заключения эксперта, особенно когда не представляется возможным собрать дополнительных доказательств, дело остается как бы между указанными двумя возможностями²⁰.

Таким образом, утверждение того, что «интересы» практики требуют от экспертов дачи предположительных заключений является неубедительным.

Приходится резюмировать, что нет ни одного веского аргумента, с какого бы аспекта мы вопрос не анализировали, который оправдал бы дачу заключения эксперта в предположительной форме.

Только категорическое заключение эксперта отвечает полностью интересам борьбы с преступностью.

---

²⁰ Напр. указанную точку зрения изложили работники прокуратуры Тарту: прокурор Э. Кахар, его заместитель А. Нигель, следователь А. Кангру, на совещании 22 апреля 1970 г.

IDENTIFIKATSIOONITEORIA PROBLEEME KRIMINALISTIKAS

Õigustead. kandidaat H. Lindmäe

Tartu Riiklik Ülikool

Nõukogude kriminaalprotsessis on vaja tõendamisele kuuluvate asjaolude väljaselgitamisel sageli lahendada mitmesuguseid identifitseerimise ülesandeid. Nende ülesannete lahendamine on võimalik seetõttu, et inimese iga toiming jätab teatavaid kajastusi ehk jälgi selle isiku enda, samuti teiste isikute teadvusse ning välismaailma mitmesugustele objektidele.

Inimese teadvusse või välismaailma jäänud jälgedes kajastuvad neid mõjustusi esilekutsunud objektide välisehituslikud ja muud tunnused. Seoses sellega on võimalik saada jälgedest informatsiooni neid jälgi jätnud objektide mitmesuguste tunnuste kohta. Tunnuste all mõistetakse siin objekti neid omadusi, mille järgi saab seda objekti ära tunda ja teiste samaliigiliste hulgast eristada. Seega on võimalik objekti nende tunnuste järgi, mis on salvestunud kas inimese teadvuses või kajastunud teisel välismaailma objektil, teha järeldusi selle kohta, kas kontrollitav objekt on seesama, kes või mis on seotud kuriteosündmusega.

Kriminalistika-alases kirjanduses on siinjuures avaldatud arvamust, et inimese teadvusse jäänud jälgedest lähtudes saab selgitada ainult selle objekti samasus või samasuse puudumine, keda või mida tajuti kuriteosündmuse ajal. Nii arvatakse näiteks mõnikord, et äratundmiseks esitamisel toimivas identifitseerimisprotsessis lähtub äratundja objekti nendest tunnustest, mida ta tajus seoses kuriteosündmusega.¹ Jäljed, mida kasutatakse tõendamisele kuuluvate asjaolude väljaselgitamisel, ei pea aga olema alati jäetud just kuriteo toimepaneku ajal. Esitatakse ju sageli kriminaalasjade uurimisel kannatanutele äratundmiseks neilt varastatud esemeid. Ebaõige oleks siin väita, et kuriteo objektiks olnud eseme tunnused on salvestunud omaniku teadvuses seoses uuritava kuriteosündmusega. Kujutus, millest lähtutakse identifitseerimisprotsessis, tekkis kannatanu teadvuses juba

---

¹ Vt. Криминалистика. Высшая школа МООП СССР. М., 1968, стр. 419.

enne kuriteosündmust eseme valmistamisel või omandamisel ning kasutamisel.

Sama ilmneb ka laiba esitamisel isiku äratundmiseks. Ka siin lähtub äratundja sellest kujutusest, mis on varem tema teadvusse jäänud elava inimese välistunnustest.

Identifitseerimisprotsess saab toimuda ainult siis, kui esineb mingisugune kajastus ehk jälg ning kontrollitav objekt, kelle või mille suhtes on vaja jäljest lähtudes lahendada samasuse küsimust. Seda kajastust ehk jälge nimetatakse identifitseerimisprotsessis identifitseerivaks (samastavaks) objektiks. Kontrollitav objekt, kelle või mille suhtes on vaja lahendada samasuse küsimust, on selles identifitseerimisprotsessis identifitseeritav (samastatav) objekt. Identifitseerimisprotsessi sisu mõistmiseks on oluline, et need objektid oleksid kindlapiiriliselt määratletud ja grupeeritud. Identifitseerivate ja identifitseeritavate objektide klassifitseerimise küsimused ei ole aga leidnud nõukogude kriminalistika-alases kirjanduses põhjalikumat käsitlust. Kuna klassifitseerimine on vahend, mis võimaldab õigesti suunata tunnetusprotsessi ja määrata kindlaks vastavalt jälje iseloomule seda jälge jätnud objekti identifitseerimise võimalused, tuleb ka identifikaatsiooniteoorias pöörata vajalikku tähelepanu identifitseerivate ja identifitseeritavate objektide klassifitseerimisele.

Kriminalistika-alases kirjanduses jaotatakse identifitseerivate objektidena esinevad jäljed isikulisteks ehk homoskoopilisteks jälgedeks², tehniliste vahendite ehk mehhanoskoopilisteks jälgedeks³ ja loomajälgedeks. Kõige sagedamini on uurimis- ja ekspertiisipraktikas tegemist isikuliste jälgedega. Seetõttu on vaja konkreetses identifitseerivate objektidena esinevate isikuliste jälgede ringi ja nende iseloomu.

Inimese poolt jäetavaid jälgi võib rühmitada mitmest liigitusalusest lähtudes.

Pidades silmas seda, kuhu on inimene endast jälge jätnud, kõneldakse teadvusse ning välismaailma jäetud jälgedest.

Lähtudes aga sellest, millist informatsiooni sisaldab inimese teadvusse või välismaailma jäetud jälg, saab nende identifitseerivate objektide hulgas piiritleda: 1) trassoloogilisi jälgi, 2) bioloogilisi jälgi 3) välimuse jälgi, 4) lõhna ehk odoroloogilisi jälgi, 5) funktsionaalseid jälgi ja 6) kuriteo toimepanemise viisi iseloomustavaid jälgi.

Ka nende jäljeliikide raamides on võimalik eristada jälgede kitsamaid grupe.

² Vt. Г. Л. Грановский. Некоторые теоретические положения трассологической идентификации личности. — Криминалистика и судебная экспертиза, сб. I. Киев, 1964, стр. 144.

³ Vt. Г. Л. Грановский. Основы трассологии. М., 1965, стр. 8.

Nii hõlmab trassoloogiliste jälgede mõiste siin inimese katmata ja kaetud kehaosadega välismaailma objektidele jäetud jälgi.

Senini kasutati katmata kehaosade jälgedest isiku identifitseerimise eesmärkidel ainult naha papillaarkurrustikuga kehaosade jälgi. Seega esinesid identifitseerimisprotsessis identifitseeritava objektidena ainult sõrme- ja peopesa jäljed, harvjuhtudel ka jalatalla või varbajäljed. Naha pindala, millel esineb papillaarkurrustik, moodustab inimesel naha kogu pindalast keskmiselt ainult 5%. Seetõttu jäid isiku identifitseerimise eesmärkidel kasutamata kõik nende kehaosadega jäetud jäljed, kus ei esine papillaarkurrustikku.

Sündmuskoha vaatlusel avastatakse aga mõnikord ka teiste kehaosadega, nagu käe selgmise pinnaga, palja õlaga, küünarnukiga, käevarre ja põlvega, sagedamini aga huultega jäetud jälgi. Nii esineb huulte jälgi tihti sündmuskohal kurjategija kasutatud klaasil või siis teokohal suitsetatud sigareti või paberossi otsal. Need jäljed on kasutatavad isiku identifitseerimise eesmärkidel seetõttu, et naha ehitus on ka nendel kehaosadel, kus puudub papillaarkurrustik, individuaalne ja suhteliselt püsiva iseloomuga. Papillaarkurrustikuta naha ehituse individuaalsus ja suhteline püsivus seonduvad ka siin pärisnaha anatoomilise ehitusega. Pärisnahal hajali paiknevate näsakeste kohal moodustuvad marrasknahal erineva suurusega rombjad, ruutjad ja kolmnurksed kujundid. Need nahamoodustised on üksteisest eraldatud teravate vaokestega, mis annavad marrasknahale võrkja ehituse. Tunnus- teks, mida saab kasutada papillaarkurrustikuta naha piirkonna individualiseerimiseks, on ka karvanäsad ning higi- ja rasunäärmete avad.

Nende kehaosade jäljed, kus nahal puudub papillaarkurrustik, kujunevad samuti nagu papillaarkurrustiku jäljedki tavaliselt rasuhigiga. Huulte jälgede korral on jäljeaines veel sülg. Samuti võib nendes jälgedes olla ka toiduainete jääke ja huulevärvi.⁴

Katmata kehaosadega jäetud jälgede hulgas moodustavad iseisva identifitseerivate objektide ringi hamba- ja küünejäljed.

Kaetud kehaosade jälgi saab jaotada vastavalt kehaosa katva objekti iseloomule kindla-, jalatsi-, suka- ja sokijälgedeks.

Nii katmata kui ka kaetud kehaosadega jäetud jäljed on identifitseerivateks objektideks trassoloogiaeksperitiisi vormis toimuvates identifitseerimisprotsessides.

Bioloogilised jäljed kujunevad keha mitmesugustest eritustest nagu süljest, spermast ja higist, aga samuti verest, uriinist ja väljaheidetest. Sellesse identifitseerivate objektide ringi kuuluvad ka inimese juuksed ja karvad.

---

⁴ Vt. А. И. Миронов. Трасологическое исследование следов рельефа кожи человека. М., 1968, стр. 8.

Bioloogiliste jälgede järgi toimub isiku identifitseerimine bioloogiaekspertiisi vormis.

Välimuse jäljed sisaldavad informatsiooni keha välistunnuste kohta. Kujutus isiku välimusest võib olla kõigepealt teise inimese teadvuses, samuti sellistel välismaailma objektidel nagu fotol, negatiivil, diapositiivil ja filmil. Mälus salvestunud kujutust isiku välimusest võidakse edasi anda isikukirjelduse sõnalises vormis, joonisel või näiteks fotoroboti vahendusel saadud fotokujutusel. Sellisel juhul on tegemist identifitseeriva objekti kajastusega, mille vastavust mälus säilinud kujutusega ei saa vahetult kontrollida.

Keha välistunnused on seotud inimese luustiku ehitusega. Seoses sellega on võimalik luustikust saadud informatsiooni alusel tuvastada, kas sündmuskoha, ruumi või paikkonna vaatlusel või siis läbiotsimisel leitud luustik on teadmata kadunuks jäänud konkreetse isiku luustik. Seetõttu tuleb käsitleda ka inimese luustikku välimuse jälgede hulka kuuluva identifitseeriva objektina.

Sellest, kus on salvestunud informatsioon isiku välimuse kohta, sõltub identifitseerimisprotsessi vorm. Kui identifitseerimisel kasutatakse inimese teadvusse jäänud välimuse jälgi, toimub isiku samasuse või samasuse puudumise fakti väljaselgitamine äratundmiseks esitamise vormis. Kui identifitseerivaks objektiks on isiku kujutus fotol, negatiivil, diapositiivil või filmil, kasutatakse isiku identifitseerimisel isikukirjeldusliku ekspertiisi või äratundmiseks esitamise vormi.

Kasutades identifitseeriva objektina inimese luustikku, on identifitseerimisprotsessil kohtumeditisiiniekspertiisi vorm. Kui aga kannatanu nägu rekonstrueeritakse prof. M. M. G e r a s s i m o v i meetodi järgi⁵, arvestades kolju ja pehmete koekihtide ehituse vahelisi seaduspärasusi, siis võidakse isiku identifitseerimisel kasutada isikukirjeldusliku ekspertiisi ja äratundmiseks esitamise vormi.

Pidades silmas kaasaja teaduse saavutusi, tuleb identifitseerivate objektide iseseisva liigina esitada ka lõhna ehk odoroloogilisi jälgi. Inimese lõhn moodustub reast üksikkomponentidest, milleks on keha erinevate piirkondade lõhnad, samuti elukondlikud ja inimese poolt kasutatavate esemete lõhnad.

Seejuures on inimese lõhn individuaalne ja suhteliselt püsiva iseloomuga. Inimese lõhn tungib kiiresti tema riietesse ja jalatsitesse, samuti muudesse temaga kokkupuutes olnud esemetesse ning püsib nendel objektidel suhteliselt kaua.⁶ Inimese lõhna indi-

⁵ Vt. О возможности применения в следственной практике метода восстановления лица по черепу. — Советская криминалистика на службе следствия, вып. 4. М., 1953, стр. 139.

⁶ Vt. А. И. Винберг. Криминалистическая одорология. — Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967, стр. 5.

viduaalsus ja suhteline püsivus ongi aluseks lõhna ehk odoroloogiliste jälgede kasutamisele isiku identifitseerimisel.

Viimasel ajal on toimunud isiku identifitseerimine lõhna ehk odoroloogiliste jälgede järgi teenistuskoera vahendusel üksikute uurimistoimingute nagu äratundmiseks esitamise ja uurimiseksperimendi käigus. Nende uurimistoimingute tulemusi on kasutatud kohtulike tõenditena. Kuna nõukogude kriminaalprotsessis ei saa siin loom esineda tõendi allikana, ei ole ka lõhna jälgede kasutamisel sellisel kujul kohtuliku tõendi tähendust. Identifitseerimisprotsessi tulemused on kasutatavad ainult uurimisversioonide püstitamisel ja kohtuliku tõendi allika leidmisel. Järelikult saavad lõhna jäljed esineda, arvestades kaasaja võimalusi, identifitseerivate objektidena ainult väljaspool kriminaalprotsessi. Selleks, et lõhna jälgede järgi toimuva identifitseerimisprotsessi tulemustel oleks kohtuliku tõendi tähendus, on vaja, et see protsess toimuks ekspertiisi vormis, kus teenistuskoera asemel kasutatakse järelduste tegemiseks vajaliku informatsiooni saamiseks vastavaid teaduslikke uurimismeetodeid.

Isikuliste jälgede iseseisva liigi moodustavad ka funktsionaalsed (lad. *functio* — tegevus) jäljed. Need jäljed iseloomustavad inimese teatud tegevust. Nii on selleliigilistes identifitseerivates objektides salvestunud informatsioon näiteks inimese kõnes või ka laulmisel ilmnevate hääle omaduste ja väljendusviisi kohta, samuti andmeid muusikariista käsitsemisest ja muusikapala isikupärasest tõlgendamisest. Funktsionaalsed jäljed võivad esineda ka kirja, maali, joonise või skulptuuri kujul.

Kirjas kajastuvad nii isikule omased kirja sisulised kui ka vormilised tunnused. Ka maalil, joonisel või skulptuuril ilmnevad tunnused aine ja materjali isikupärasest käsitlusest, samuti kunstiliste ja tehniliste võtete tundmisest ning nende kasutamise viisist. Lisaks sellele võivad funktsionaalsed jäljed olla ka isiku kõnnaku ja rühi kajastusteks. Seejuures on võimalik, et inimese teatavad funktsionaalsed omadused kajastuvad korraga nii teise inimese teadvuses kui ka välismaailmas (näit. inimese kuuleb teise inimese kõnet, laulu või mängu, mida samaaegselt helisalvestatakse, või siis isiku kõnnak ja rüht, mille tunnused on säilinud inimese mälus, on kajastunud ka filmil).

Lähtudes selleliigilistest identifitseerivatest objektidest toimub isiku identifitseerimine siin äratundmiseks esitamise või ekspertiisi vormis.

Isikuliseks jäljeks tuleb lugeda veel kuriteo toimepanemise viisi kajastumist sündmuskoha olustikus. Kuriteo toimepanemise viisi iseloomustavate tunnuste kogum kujuneb välja sõltuvalt mitmesugustest subjektiivsetest asjaoludest (näit. varem omandatud harjumused ja oskused, samuti sellised omadused nagu julgus, füüsilised eeldused jne.) ning objektiivsetest asjaoludest (näit. samade tehniliste vahendite kasutamine kuritegude toimepanemisel).

samaliigilise kuriteo objekti esinemine jne.). Nii omandab kuriteo toimepanemise viis üheliigiliste kuritegude korduval toimepanemisel individuaalse ja suhteliselt püsiva iseloomu. Seoses sellega on ka sündmuskoha olustikus kajastunud kuriteo toimepanemise viis identifitseerivaks objektiks isiku samastamisel, mis toimub käesoleval ajal protsessiivälisel teel (näit. kriminaalregistratsiooni andmete võrdlemisel).

Isikulise jäljena esinev identifitseeriv objekt võib sisaldada üheaegselt informatsiooni erinevate identifitseeritavate objektide kohta. Nii kajastuvad näiteks jalatsi-, samuti suka-, soki- või kindajäljes sageli ka jala ja käe ehituslikud tunnused.

Samuti võib identifitseeritav objekt ise olla teistes seostes identifitseerivate objektide kandja. Nii esitatakse kriminalistikalases kirjanduses näide Saksa FV uurimispraktikast selle kohta, et sündmuskohale mahajäetud sukal muudeti ultraviolettkiirtes nähtavaks higiga ja määrdumisega kujunenud palja jala talla ja varvaste jäljed, mille järgi oli võimalik tuvastada seda sukka kandnud isik.⁷

Samuti võivad jääda ka sõrmejäljed kummikindale, mida kurjategija kannab selleks, et vältida oma naha papillaarkurrustiku jälgede jätmist sündmuskohal. Kuna õhuke kummikinnas liibub tugevasti vastu nahka, kujuneb kinda siseküljel naha papillaarkurrustiku jälg.⁸

Samuti võib ka inimene ise olla isikuliste jälgede kandja (näit. hamba- jm. jäljed kannatanu kehal või riietel).

Nähtuste ja protsesside vastastikusel seoses ja tingituses ei ole isikuliste jälgede jätmise kunagi ainult ühepoolne või ühesuunaline protsess, kus inimene jätab ainult oma jälje teisele objektile. Jälge vastuvõtva objekti vastutoimest tingituna moodustub teatud kajastus ka seda jälge kujundanud objektil. Nii jääb näiteks jalajälje kujunemisel pinnase osakesi ka jalatsile või paljale jalale. Sama ilmneb inimese teadvusse jäänud kajastuste puhul. Kui kuritegu oli suunatud inimese elu või tervise vastu, salvestub kannatanu teadvuses tema meeleorganite poolt vastuvõetud informatsioon kurjategija mitmesuguste tunnuste kohta. Samuti jääb teatava ulatusega informatsioon ka kurjategija teadvusse kannatanu välimusest või tema funktsionaalsetest tunnustest.

Vastastikusel toimes kujunevates jälgedes salvestunud informatsiooni maht sõltub objekti enda omadustest ja mõjustuse iseloomust.

Lähtudes sellest, et jälgede jätmise ei seisne ainult ühesuunalises ühe objekti mõjustamises teise poolt, vaid seda tuleb vaa-

---

⁷ Vt И. М. Лузгин. Использование криминалистической техники при выявлении, фиксации и объяснения следов. — Обзор иностранной литературы по криминалистике. М., 1957, стр. 21.

⁸ Vt. А. А. Клягин. Следы пальцев на резиновых перчатках. — Экспертная практика, сб. 3. М., 1963, стр. 38.

delda alati objektide vastastikuse toime resultaadina, eristatakse nõukogude kriminalistika-alases kirjanduses kolme iseseisvat identifitseerimise moodust.⁹

Identifitseerimise esimese moodusena nimetatakse nn. identifikaatsiooniliste otseseoste kasutamist. Selle sisuks on jälje jätnud objekti tuvastamine jälje järgi.

Identifitseerimise teise moodusena esitatakse nn. juhtu, kus objekti samasuse tuvastamisel kasutatakse nn. identifikaatsioonilisi vastuseoseid. Identifikaatsiooniliste vastuseoste kohta tuuakse näiteid sellest, kus riietusese identifitseeritakse transpordivahendi rattale jäänud riidetüki või riidekiudude järgi, või siis lähtudes kuriteo toimepanemise vahendile jäänud verejälgedest selgitatakse kannatanu grupiline kuuluvus.

Identifitseerimise kolmanda mooduse puhul tuvastatakse vastastikuses toimes olnud objektid teineteisele jäetud jälgedes kujunenud tunnuste kogumi alusel. Siinjuures kasutatakse nn. universaalset identifitseerimise gnoseoloogilist mudelit, kus vastastikuses toimes olnud objektid ühendatakse ühtseks identifikaatsiooniliseks blokiks. Neid objekte seob selles blokis vastastikuse toime mehhanism. Vastastikuses toimes olnud objektide samasuse tuvastamisel kasutatakse nii identifikaatsioonilisi otse- kui ka vastuseoseid.¹⁰

Kriminalistika-alasest kirjandusest ei nähtu, mis on aluseks jälgede ja neid jälgi jätnud objektide vahel esinevate objektiivsete seoste jaotamisel otse- ja vastuseosteks. Küll võib aga toodud näidete pinnalt teha järelduse selle kohta, et identifikaatsioonilisteks otseseosteks peetakse neid objektiivseid seoseid, mis kujunevad kuriteo toimepanemisel seoses jälgede jätmisega sündmuskoha olustikku ja kannatanule. Identifikaatsioonilised vastuseosed ise loomustavad aga jälgi, mis on jäänud kannatanust või sündmuskoha olustikust kuriteo toimepannud isikule või tema poolt kasutatud tehnilistele vahenditele.

Jälgede jätmisel tekkivate seoste jaotamine otse- ja vastuseosteks ei ole aga õnnestunud. On ju mõlemaliigiliste seoste puhul tegemist otseseostega, millel on vastusuunaline iseloom.

Identifitseerimisprotsessis on põhimõtteliselt mõlemasuunalised seosed ühte viisi kasutatavad tõendamisele kuuluvate asjaolude väljaselgitamisel. Kummast vastastikuses toimes olnud objektile jäänud jäljest identifitseerimisprotsessis lähtutakse, sõltub kõigepealt nendes jälgedes salvestunud informatsiooni mahust. Samuti

---

⁹ Vt. М. Я. Сегай. Ленинская теория отражения и методологические проблемы судебной идентификации. — Криминалистика и судебная экспертиза, сб. 6. Киев, 1969, стр. 42.

¹⁰ Vt. sealsamas.

võib selle küsimuse lahendus sõltuda ka uurija taktikalistest kaalutlustest. Nii on näiteks vahel otstarbekas esitada kannatanut äratundmiseks just kahtlustatavale või süüdistatavale, mitte aga vastupidi.

Vastuväiteid kutsub esile ka konstruktsioon nn. universaalsest identifitseerimise gnoseoloogilisest mudelist.

Ühendades vastastikuses toimes olnud objektid ühtsesse identifitseeritava objektina, tunnistatakse, et nende objektide vahel esineb samasus-suhe. Selline käsitlus on aga vastuolus dialektilise materialismi põhiseisukohaga, mille järgi samasus on objekti suhe iseendasse ja «... identsus iseendaga eeldab algusest peale oma täiendusena erinevust kõigest muust.»¹¹

Järelikult on ebaõige lugeda seda objektiivset seost, mis esineb vastastikuses toimes olnud objektide vahel, samasussuhteks.

Samuti ei saa pidada võimalikuks, et identifitseerimisprotsessis lähtutakse üheaegselt mõlemale vastastikuses toimes olnud objektile jäänud jäljest, kusjuures järelduse tegemisel samasuse esinemise või selle puudumise kohta summeeritakse mõlemast jäljest saadud informatsioon.

Jälgede kujunemine vastastikuses toimes olnud objektidel on keeruline objektidevaheliste seoste kompleks. Sellise seoste kompleksi esinemist või puudumist saab tõendada ja mõista ainult üksiku jälje ja seda jälge jätnud objekti vaheliste otseseoste kaudu. Nii peab selleks, et mõista üksiknähtusi, «... nad välja kiskuma üldisest seosest, peame vaatlema neid isoleeritult; sellisel juhul aga esinevad vahelduvad liikumised meile — üks põhjusena ja teine tagajärjena.»¹² Sellisteks põhjuslikus seoses olevateks üksiknähtusteks on ka ühe objekti jälje kujunemine teisel objektil. Järelikult ei saa ka vastastikuses toimes olnud objekte identifitseerida ühekorraga, vaid ainult järjestikuliselt, lähtudes ühesuunalistest seostest.

Identifitseerimisprotsessis taandub ühesuunalise objekti ja jälje vahelise seose esinemise või selle puudumise tuvastamisele ka siis, kui üks objekt on jätnud oma kajastuse mitte ühele, vaid korraga või järjestikuliselt mitmele objektile (näit. kuriteo toimepannud isikut nägid korraga mitu tunnistajat; kurjategija jättis oma sõrmjälgi südmuskohal mitmele esemele jne.). Siinjuures esineb identifitseerivate objektide teatud ring, milles iga objekt kannab informatsiooni neid jälgi jätnud isiku kui üksiku identifitseeritava objekti kohta.

¹¹ F. Engels. Looduse dialektika. Tallinn, 1962, lk. 160.

¹² Sealsamas, lk. 174.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Кандидат юридических наук Х. Линдмяэ

Резюме

В теории идентификации для понимания содержания процесса отождествления имеет существенное значение классификация объектов идентификации. В следственной и экспертной практике в качестве идентифицирующих объектов чаще всего выступают гомеоскопические следы. Отсюда необходимо конкретизировать круг гомеоскопических следов как идентифицирующих объектов, и построить, исходя из возможностей современной науки, их классификацию.

Исходя из того, где оставлен гомеоскопический след, можно разделить идентифицирующие объекты на следы, оставшиеся в памяти человека или на объектах внешнего мира.

По характеру информации, содержащейся в гомеоскопических следах, идентифицирующие объекты разделяются на 1) трасологические следы (следы папиллярных узоров и рельефа кожи, следы зубов и ногтей, следы обуви, чулок, носков и перчаток), 2) биологические следы (волосы, следы крови, а также выделения человеческого тела: следы пота, слюны, спермы, мочи), 3) следы внешности человека, 4) одорологические следы, 5) функциональные следы (в идентифицирующих объектах этого вида содержится информация об особенностях голоса человека при речи или пении, использования музыкального инструмента, его письма, рисования, а также особенности походки и осанки), 6) следы, характеризующие способ совершения преступления.

Гомеоскопические следы как идентифицирующие объекты могут содержать информацию о разных идентифицируемых объектах. Например, в следах обуви или перчаток отображаются и признаки, характеризующие строение ноги или руки. При этом может и идентифицируемый объект выступать в качестве носителя идентифицирующего объекта.

Гомеоскопические следы следует рассматривать как суммарные результаты взаимодействия человека и других объектов внешнего мира. Но установление взаимодействующих объектов происходит в процессе идентификации на основе односторонних отражательных актов. В этих случаях неприменима универсальная гносеологическая модель идентификации, где соединены взаимодействующие объекты в единый идентификационный блок.

ETTEVÕTTELE, ASUTUSELE VÕI ORGANISATSIOONILE KURITEO TOIMEPANEMISEGA TEKITATUD KAHJUDE HÜVITAMISEST

Oigustead. kandidaat J. Mäll

Tartu Riiklik Ülikool

Nõukogude tööseadusandluse eeskirjade järgi kannavad töölised ja teenistujad ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude eest materiaalselt vastutust kas piiratud või täielikus ulatuses.¹

Piiratud ulatuses kannavad töölised ja teenistujad materiaalselt vastutust nende hooletuse tõttu ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude eest.²

Täielikku materiaalselt vastutust³ kannavad töölised ja teenistujad ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude eest: 1) kui kahju on tekitatud kuriteo toimepaneku tagajärjel, 2) kui täielik materiaalne vastutus on ette nähtud erimäärustega, 3) kui töötaja on sõlminud ettevõtte või asutuse administratsiooniga kirjaliku lepingu täieliku materiaalse vastutuse kohta temale hoiule või muuks otstarbeks antud väärtuste eest ja 4) kui kahju on tekitatud väljaspool tööülesannete täitmist.⁴

Seega on täieliku materiaalse vastutuse üheks alaliigiks tööliste ja teenistujate vastutus ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kuriteo toimepanemisega tekitatud kahjude eest.

Vastavalt NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 18. detsembri 1961. a. määrusele kannavad töölised ja teenistujad kuriteo toimepane-

¹ NSV Liidu ja liiduvabariikide tööseadusandluse alused § 49. С. С. Каринский. Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву. М., 1955. Е. А. Кленов, В. Г. Малов. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии. М., 1968. J. Mäll. Tööliste ja teenistujate materiaalsest vastutusest. TRÜ Toimetised. Oigusteaduslikke töid III. Tartu, 1965, lk. 77—94.

² NSV Liidu ja liiduvabariikide tööseadusandluse alused § 49 lg. 1. — ENSV TööK § 83.

³ NSV Liidu ja liiduvabariikide tööseadusandluse alused § 49 lg. 2.

⁴ ENSV TööK § 83¹.

misega — ehk teisiti öeldes — kriminaalkorras jälitatava teo tunnuseid sisaldava tegevuse või tegevusetusega ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude eest NSV Liidu KTK ja RKN-i 12. juuni 1929. a. määruse § 2 p. a (ENSV tööseaduste koodexis § 83¹ p. a) alusel täielikku materiaalselt vastutust üksnes sel juhul, kui nende süü kuriteo toimepanemises on kindlaks tehtud kohtu- või uurimisorganite poolt kriminaalkohtumenetluse korras.⁵

Seega kannab töötaja ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kuriteo toimepanemise tagajärjel tekitatud kahjude eest täielikku materiaalselt vastutust mitte ainult sel juhul, kui kuriteo toimepanemine on kindlaks tehtud jõustunud kohtuotsusega, vaid ka siis, kui selle on tuvastanud uurimisorgan kriminaalasja algatamisest keeldumise või asja lõpetamise kohta tehtud määrusega.

Viimasel ajal on erialases kirjanduses aga korduvalt avaldatud arvamust, et materiaalse vastutuse instituudi kohaldamisel ei saa uurimisorganite määrust pidada juriidiliselt samaväärseks kohtuotsusega.

Näiteks tööõigusteadlased I. O. Snigireva ja B. A. Šelomov väidavad, et «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse aluste» § 54 kohaselt on jõustunud kohtuotsused ja kohtumäärused täitmiseks kohustuslikud kõikidele riiklikele ja ühiskondlikele asutustele, ettevõtetele ja organisatsioonidele, ametiisikutele ja kodanikele kogu NSV Liidu territooriumil, kuid uurimisorganite määrustel sellist juriidilist jõudu ei ole, mistõttu neid ei saa materiaalse vastutuse kohaldamisel juriidiliselt võrdsustada kohtuotsusega.⁶

Ülalmärgitud autorid väidavad, et tsiviilkohtumenetluse korras kahju hüvitamise kohta esitatud hagi läbivaatamisel on kohus seotud ainult kriminaalasjas tehtud kohtuotsusega. Uurimisorganite määrus, millega on tuvastatud töötaja teo ühiskonnaohtlikkus ja tema süü ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kahju tekitamises, võiks nende arvates olla ainult kahju hüvitamist taotleva hagi esitamise aluseks.

Seega on ülalmärgitud autorid asunud seisukohale, et kriminaalkorras jälitatava teoga ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahju hüvitamist taotleva hagi läbivaatamisel tsiviilkohtumenetluse korras ei ole kohus seotud uurimisorganite poolt tehtud järeldustega. Seejuures nad kinnitavad, et nende seisukoht vastab täielikult ka kohtupraktikas väljakujunenud seisukohale, mille kohaselt kohtud käsitavad kriminaalasjas uurimis-

⁵ NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 18. detsembri 1961. a. määrus «Mõnest kohtupraktika küsimustest tsiviilasjades tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse kohta nende poolt ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahju eest» p. 5. Tööõiguslikud aktid. Tallinn, 1969, lk. 197.

⁶ И. О. Снигирева, Б. А. Шеломов. Судебная практика по делам о материальной ответственности рабочих и служащих. Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1963 год. М., 1965, стр. 23.

organite poolt tehtud määrusi mitte kui akte, mis on tsiviilkohtule kohustuslikud, vaid kui akte, mis protsessi käigus kuuluvad tõenditena kohtu hindamisele.⁷

Snigireva ja Šelamovi arvates oleks vaja täpsustada NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 18. detsembri 1961. a. määruse p. 5 redaktsiooni ja viia see kooskõlla NSV Liidu KTK ja RKN-i 12. juuni 1929. a. määruse § 2 p. a redaktsiooniga.⁸

Eespool toodud seisukohale on uurimisorganite poolt tehtud määruste kohustuslikkuse suhtes asunud ka tööseadusandluse kommenteeritud väljaande koostajad. Ka nende arvates ei ole kohus tsiviilkohtumenetluse korras asja arutamisel seotud uurimisorganite määrustega.⁹

Täiesti vastupidisel arvamusel on tööõigusteadlased E. A. Klenov ja V. G. Malov.¹⁰ Nende arvates ei ole õige eitada uurimisorganite kriminaalasjas tehtud määruste juriidilist tähtsust tsiviilkohtumenetluse korras materiaalse vastutuse küsimustes esitatud hagide läbivaatamisel. Nad väidavad, et vastupidisel korral tuleks kõik kriminaalasjad, mis on seotud ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kahju tekitamisega, viia kuni rahvakohtuni, kuigi see oleks täiesti ülearune neil juhtudel, kui on ilmne, et kriminaalasi kuulub lõpetamisele näiteks süüdistatava isiksust arvestades või seoses amnestia väljakuulutamisega jne.

Klenov ja Malov väidavad, et materiaalse kahju hüvitamise asjade läbivaatamisel arvestab kohus uurimisorganite määrusi mitte kõigis küsimustes, vaid ainult selle tuvastamiseks, kas kuritegu oli toime pandud ja kas seda oli teinud isik, kelle vastu on esitatud hagi.

Oma väidet põhjendavad nad viitega NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 28. mai 1954. a. määrusele, kus on öeldud, et kohus ei või kontrollida, kas kuritegu oli toime pandud või kas selle oli toime pannud kostja (kohtualune).¹¹

Seega on Klenovi ja Malovi arvates uurimisorganite kriminaalasja lõpetamise kohta tehtud määruses töötaja süü küsimu-

⁷ И. О. Снигирева, Б. А. Шеломов. Судебная практика по делам о материальной ответственности рабочих и служащих. Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1963 год. М., 1965, стр. 23.

⁸ Sealsamas, lk. 33.

⁹ Комментарий к законодательству о труде. Под руководством С. С. Каринского. М., 1967, ком. к. ст. 83 № КЗот, § 10, стр. 291.

¹⁰ Е. А. Кленов, В. Г. Малов. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятиях. М., 1968, стр. 116—119.

¹¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963 гг.», стр. 350.

Olgu märgitud, et pleenumi määruses kõneldakse mitte süüdistatavast, vaid kohtualusest. Kohtu alla antud isiku suhtes kriminaalasja lõpetamine ei kuulu aga kohtuväliste uurimisorganite pädevusse. Järelikult võib siin juttu olla ainult kohtuorganite poolt kriminaalasja lõpetamisest. Kriminaalkohtumenetluse korras tehtud otsused ja määrused ülalmärgitud küsimustes on kahtlemata kohustuslikud kohtule, kes vaatab läbi kahjude hüvitamise küsimuse tsiviilkohtumenetluse korras.

ses võetud seisukoht tsiviilkohtumenetluse korras materiaalse kahju hüvitamise asjade läbivaatamisel samasuguse prejutitsiaalse tähtsusega nagu süüdimõistev jõustunud kohtuotsus.¹²

Oma seisukoha põhistamiseks viitavad nad ka sellele, et asjast huvitatud töötaja võib uurimisorgani määruse peale kaevata kõrgemalseisvale ametiisikule, kui ta leiab, et määrus on ebaõige. Kõrgemalseisev ametiisik võib uurija ebaseadusliku määruse tühistada.

Ülalmärgitud autorid jõuavad järeldusele, et NSV Liidu KTK ja RKN-i 12. juuni 1929. a. määruse § 2 p. a ja sellega seoses ka tööseaduste koodeksi vastava paragrahvi redaktsiooni tuleks muuta ja täiendada sättega, mille kohaselt töötaja kannab täielikku materiaalselt vastutust, kui kahju on tekitatud kuriteoga, mille toimepanemise on kindlaks teinud uurimis- või kohtuorganid.¹³

Nagu eelnevast nähtub, on kohtuväliste uurimisorganite määruste juriidilise kohustuslikkuse hindamisel tegemist täiesti vastupidiste seisukohtadega ja sellele vastavalt ka täiesti vastupidiste ettepanekutega kehtiva seadusandluse täpsustamiseks ning kohtupraktika kujundamiseks.

Millisele seisukohale tuleks meil asuda ülalmärgitud väga vaieldavas küsimuses?

Põhiliselt tuleks nõustuda Snigireva ja Šelomovi seisukoha ja selle põhjendamiseks toodud argumentatsiooniga, sest ka meie arvates tuleb teha vahet kriminaalasjas tehtud kohtuotsuse ja seoses kriminaalasja lõpetamisega uurimisorganite määruses töötaja süü küsimuses võetud seisukoha vahel.

Kohtuotsuse kohustuslikkus on vaieldamatu. Uurimisorganite määrustel sellist juriidilist jõudu ei ole, mistõttu ka asja arutamisel tsiviilkohtumenetluse korras peab kohus hindama uurimisorganite määruste põhistatust ning seaduslikkust.

Kui ilmneb, et määrus on koostatud puudulikult uuritud asjaoludest lähtudes, võib kohus saata asja täiendavaks uurimiseks.

Kui tegemist on aga asjaolude ebaõige hindamisega, võib kohus jätta uurimisorganite määruse kas arvestamata ja ise anda hinnangu asjas olemasolevatele ning täiendavalt kogutud tõenditele.

On kahtlemata õige, et töötaja võib kaevata kõrgemalseisvale ametiisikule, kui ta leiab, et uurimisorgani määrus ei vasta tegelikkusele ja on sisuliselt ebaõige. Kuid seejuures tuleb silmas pidada, et ka uurimisorganist kõrgemalseisva ametiisiku otsusele ei saa tsiviilkohtumenetluse korras materiaalse vastutuse küsimuste läbivaatamisel omistada prejutitsiaalset tähtsust.

Meie arvates ei oleks õige materiaalse vastutuse asjades seada

¹² E. A. Кленов, В. С. Малов. Материальная ответственность. М., 1968, стр. 117.

¹³ Sealsamas, lk. 119.

kohut sõltuvusse uurimisorganite poolt töötaja süü küsimuses tehtud otsustusest. Tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse küsimuste arutamisel tsiviilkohtumenetluse korras on kohus seotud ainult teatud osas kriminaalasjas tehtud kohtuotsusega.¹⁴ Kõik muu aga kuulub protsessi käigus kontrollimisele ja hindamisele.

Eespool toodud kokku võttes võime öelda, et ettevõtte, asutuse või organisatsiooni administratsioon võib pöörduda rahvakohtusse ja nõuda kuriteo toimepanemisega tekitatud kahjude hüvitamist tsiviilkohtumenetluse korras töötajalt, kelle süü kuriteo toimepanemises on kindlaks teinud kohtu- või uurimisorganid kriminaalkohtumenetluse korras.

Seega võib hagi esitamise aluseks neil juhtudel olla kas kriminaalasjas tehtud kohtuotsus või kohtuväliste uurimisorganite koostatud määrus.

Õigeksmõistva kohtuotsuse tegemisel, samuti sel juhul, kui uurimisorganid keelduvad kriminaalasja algatamisest või lõpetavad kriminaalasja kuriteokoosseisu puudumise tõttu, võib ettevõtte, asutuse või organisatsiooni administratsioon pöörduda hagi rahvakohtusse ja nõuda tööliste ja teenistujate poolt tekitatud kahjude hüvitamist täies ulatuses mitte ENSV TööK § 83¹ p. a järgi, vaid muudel seaduses ettenähtud alustel, sest töölistel ja teenistujad kannavad täielikku materiaalsel vastutust mitte ainult kuriteoga tekitatud kahju eest, vaid ka neil juhtudel, kus see vastutus on ette nähtud erimäärustega või poolte vahel sõlmitud lepinguga.

Kuriteo toimepanemisega ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahju eest kannavad töölistel ja teenistujad täielikku materiaalsel vastutust eelkõige neil juhtudel, kui nad kriminaalasjas tehtud kohtuotsusega on kuriteo toimepanemises süüdi mõistetud. Kuid kohus võib kohaldada täielikku materiaalsel vastutust kuriteoga tekitatud kahjude hüvitamiseks ka juhtudel, kus ta on teinud küll kindlaks töötaja süü kuriteo toimepanemises, kuid on töötaja vabastanud kriminaalvastutusest või talle mõistetud karistuse kandmisest.

Näiteks NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 18. detsembri 1961. a. määruse p. 5 kohaselt võib kohus kohaldada täielikku materiaalsel vastutust töötaja suhtes, kes tunnistati küll süüdi kuriteo toimepanemises, kuid keda toimepandud teo vähese ühiskonnaohtlikkuse tõttu süüdi ei mõistetud, vaid kes anti üle ühiskondliku organisatsiooni või töötajate kollektiivi käendusele tema ümberkasvatamiseks ja parandamiseks.¹⁵

Täielikku materiaalsel vastutust võidakse kohaldada töötaja suhtes ka sel juhul, kui kriminaalasi on lõpetatud selle vähese

¹⁴ NSV Liidu ja liiduvabariikide tsiviilkohtumenetluse alused § 21.

¹⁵ ENSV KrK § 50.

ühiskonnaohtlikkuse tõttu seoses asja üleandmisega läbivaatamiseks seltsimehelikule kohtule.¹⁶

Töötajad kannavad täielikku materiaalselt vastutust ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude eest ka neil juhtudel, kui kohus mõistab töötaja küll süüdi, kuid ei mõista talle karistust või vabastab ta karistuse kandmisest.

ENSV KrPK § 268 järgi võib kohus mõista töötaja süüdi, s. t. teha süüdimõistva otsuse, kuid jätta karistuse mõistmata, kui tegu on asja kohtus arutamise ajaks kaotanud ühiskonnaohtlikkuse või kui teo toimepannud isik ei ole enam ühiskonnaohtlik.

Sama paragrahvi järgi võib kohus teha küll süüdimõistva otsuse, kuid seejuures töötaja vabastada karistusest, kui asja arutamisel tehakse kindlaks, et kriminaalasja algatamiseks ettenähtud aegumistähtajad on möödunud, või kui töötaja on amnestia või armuandmise tõttu vabastatud karistusest, samuti sel juhul, kui kohus ENSV KrK § 49 lg. 2 alusel leiab, et edasise laifmatu käitumise ja töösse ausa suhtumise tõttu ei saa töötajat enam pidada ühiskonda ohustavaks isikuks.

ENSV KrK § 52 järgi võidakse kuriteo toimepanemises süüdimõistetud töötaja vabastada karistuse kandmisest ka raskesti haikestumise korral.

Kõigil ülaltoodud juhtudel võib kohus kuriteo toimepannud töötajate suhtes kohaldada täielikku materiaalselt vastutust.

Nagu eespool juba märgitud, kannavad töölised ja teenistujad ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kriminaalkorras jälititava teo tunnuseid sisaldava tegevuse või tegevusetusega tekitatud kahjude eest täielikku materiaalselt vastutust ainult sel juhul, kui on kindlaks tehtud kuriteokoosseisu olemasolu ja selle ühiskonnaohtlikkus. Seega ei saa täielikku materiaalselt vastutust kohaldada neil juhtudel, kui kriminaalasi lõpetati kas kuriteokoosseisu puudumise tõttu¹⁷ või kui ei ole tõendatud töötaja süü kuriteo toimepanemises ja kui seejuures ei ole võimalik ka täiendavate tõendite kogumine.¹⁸

Täielikku materiaalselt vastutust ENSV Töök § 83¹ p. a alusel ei kohaldata ka juhul, kui töötaja tegu sisaldab küll kuriteo tunnuseid, kuid oma vähese tähtsuse tõttu ei ole ühiskonnaohtlik.¹⁹

Tuleb silmas pidada, et töötaja õigusvastased teod võivad olla kas ühiskonnaohtlikud või mitte.

Ühiskonnaohtlikud teod omakorda jagunevad vähese ning suure ohtlikkusega tegudeks.²⁰

Järelikult tuleb teha vahet õigusvastaste tegude vahel, mis

¹⁶ ENSV KrK § 51.

¹⁷ ENSV KrPK § 5 p. 1 ja 2.

¹⁸ ENSV KrPK § 168 lg. 2.

¹⁹ ENSV KrK § 7.

²⁰ Eesti NSV kriminaalkoodeksi. Kommenteeritud väljaanne. Koostaja I. Rebane. Tallinn, 1962, lk. 19—20.

oma vähese tähtsuse tõttu ei ole ühiskonnaohtlikud ja tegude vahel, mis on vähese ühiskonnaohtlikkusega ehk — teisiti öeldes — mille ühiskonnaohtlikkus ei ole suur.

Kui töötaja õigusvastane tegu oma vähese tähtsuse tõttu ei ole ühiskonnaohtlik, siis ei saa sellist tegu vaadelda kuriteona, mistõttu neil juhtudel ei saa kohaldada ka täielikku materiaalist vastutust ENSV TööK § 83¹ p. a alusel. Kui töötaja tegu on aga ühiskonnaohtlik, kuid see ohtlikkus ei ole suur, siis kannavad töölised ja teenistujad selliste tegudega ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude eest täielikku materiaalist vastutust sõltumata sellest, kas nende suhtes kohaldatai kriminaalvastutust või mitte.

Seega juhul, kui tegu ei olnud ühiskonnaohtlik selle toimepanemise ajal, siis ei saa sellega tekitatud kahjude hüvitamiseks kohaldada täielikku materiaalist vastutust ENSV TööK § 83¹ p. a alusel.

Kui töötaja tegu oli selle toimepanemise ajal ühiskonnaohtlik, kuid olukordade muutumise tõttu asja uurimise või kohtus arutamise ajaks oli minetanud oma ühiskonnaohtlikkuse, siis sõltumata sellest, et töötaja vabastatakse kriminaalvastutusest, peab ta selle teoga tekitatud kahju hüvitama täies ulatuses.²¹

Nõukogude tööõigustealuslikus õppekirjanduses on eespool käsitletud küsimustes väljendatud ka teistsuguseid seisukohti. Leningradi ülikooli poolt 1966. a. väljaantud nõukogude tööõiguse õpikus väidetakse, et töötaja peab kandma täielikku materiaalist vastutust ka siis, kui ta tegu vähese tähtsuse tõttu ei ole ühiskonnaohtlik. Selles õpikus on sõna-sõnalt öeldud: «В ряде случаев деяние может быть признано малозначительным с учетом личности совершившего и характера деяния. Тем не менее в этих случаях работник не должен освобождаться от возмещения ущерба в полном объеме, хотя его действия из-за малозначительности не представляют общественной опасности а поэтому и не причиняются преступлением».²²

Kahjuks ei saa me üllatunud seisukohaga nõustuda, sest meie arvates ei saa ülalkäsitletud juhtudel täielikku materiaalist vastutust kohaldada.

Tööõigusteadlased Klenov ja Malov kõnelevad kriminaalasja lõpetamise või selle algatamisest keeldumise kohta määruse tegemisest asja vähese tähtsuse tõttu.²³ Siingi on tegemist mõnevõrra ebatäpse väitega, sest seaduses kõneldakse kriminaalasja algatamisest keeldumisest ja algatatud asja lõpetamisest kuriteokoos-

---

²¹ ENSV KTK § 49.

²² Советское трудовое право. Изд. Ленинградского университета, 1966, стр. 195.

²³ Е. А. Кленов, В. С. Малов. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии. М., 1968, стр. 116.

seisu puudumise või vähese ühiskonnaohtlikkuse tõttu.²⁴ Asja vähese tähtsuse tõttu võidakse aga tegu tunnistada kas ühiskonnale mitteohtlikuks või vähese ühiskonnaohtlikkusega teoks. Täieliku materiaalse vastutuse kohaldamise seisukohalt on sellel vaheleolulised õiguslikud tagajärjed.

Ülalnimetatud autorid kõnelevad ka sellest, et töötaja tegu võib olla ühiskonnale ohutu või võib minetada oma ühiskonnaohtlikkuse, mistõttu neil juhtudel töötaja ei kanna ka täielikku materiaalselt vastutust. Meie arvates on see seisukoht ainult osaliselt õige, sest juhul, kui toimepanemise ajal oli tegu ühiskonnaohtlik ja alles hiljem uutes olukordades minetab oma ohtlikkuse, ei välista see täieliku materiaalse vastutuse kohaldamise võimalust ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahjude hüvitamisel.

Materiaalse vastutuse kohaldamisel tuleb arvestada, et tegu, mis on minetanud ühiskonnaohtlikkuse, oli toimepanemise ajal siiski ühiskonnaohtlik, mistõttu on õige asuda seisukohale, et neil juhtudel on tegemist ühiskonnaohtliku teoga, s. t. kuriteoga ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kahju tekitamisega, mille eest töötaja peab kandma täielikku materiaalselt vastutust.

О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЮ, УЧРЕЖДЕНИЮ, ОРГАНИЗАЦИИ, СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

И. Мял

Кандидат юридических наук

Резюме

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 декабря 1961 г. сказано, что рабочие и служащие несут полную материальную ответственность за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации действием или бездействием, содержащим признаки деяния, преследуемого в уголовном порядке, если виновность работника в совершении преступления установлена судебно-следственными органами в порядке уголовного судопроизводства.

Но в специальной литературе одни авторы полагают, что при применении института материальной ответственности нельзя считать постановление следственных органов по своей юридической силе равноценным приговору суда. Другие утверждают, что при разбирательстве дела о материальной ответственности в суде постановление следственных органов имеет такое же преюдициальное значение, как и обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу.

²⁴ ENSV K rK § 49 ja NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse alused § 5, ENSV K rPK § 5.

Так мы имеем дело вполне с противоположными установками и в соответствии с этим и вполне с противоположными предложениями, направленными на уточнение действующего законодательства и закрепление судебной практики.

На наш взгляд, не является правильным ставить суд в зависимость от постановления следственных органов по вопросу о виновности работника. При рассмотрении вопроса о материальной ответственности рабочих и служащих в порядке гражданского судопроизводства суд связан только с приговором суда, вынесенным по уголовному делу. Все остальное подлежит проверке и оценке в ходе судебного процесса.

Как правило, рабочие и служащие несут полную материальную ответственность за ущерб, причиненный совершением преступления, в случаях, если они осуждены за это.

Полную материальную ответственность рабочие и служащие несут и в том случае, когда суд установил виновность работника в совершении преступления, но освободил его от уголовной ответственности или от отбывания присужденного ему наказания или прекратил уголовное дело вследствие малой общественной опасности деяния с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда.

Полная материальная ответственность применяется и в тех случаях, когда работник на основе акта об амнистии или помиловании освобожден от наказания или если суд находит, что при дальнейшем безупречном поведении работника и честном отношении к труду его больше нельзя считать общественно-опасным лицом.

За ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации действиями или бездействием, содержащими признаки уголовно преследуемого деяния, рабочие и служащие несут полную материальную ответственность лишь в том случае, если установлены наличие состава преступления и его общественная опасность.

Если противоправное действие по своей малозначительности не представляет общественной опасности, то такое действие нельзя считать преступлением и поэтому нельзя применять полную материальную ответственность. Если деяние и является общественно опасным, но степень опасности невелика, то за ущерб, причиненный таким деянием предприятию, учреждению, организации, рабочие и служащие несут полную материальную ответственность независимо от того, применяется ли к ним уголовная ответственность или нет.

Полную материальную ответственность несут рабочие и служащие и в том случае, если ущерб причинен деянием, которое в момент совершения было общественно опасным, но впоследствии теряет свою общественную опасность.

MATERIAALSE KAHJU HÜVITAMISEST RIIGI JA ÜHISKONNA VARA RIISUMISE ASJADES

Õigustead. kandidaat J. Adojaan

Tartu Riiklik Ülikool

Võitlus sotsialistliku vara puutumatus eest saab olla edukas ainult siis, kui kõrvuti süüdi olevale isikule kriminaalkaristusmäärade kohaldamisega ja ennetavate abinõude rakendamisega tagatakse kuriteo läbi tekitatud materiaalse kahju reaalne hüvitamine.¹

Seda kriminaalprotsessi ülesannet ei saa pidada enam teisejärguliseks ega ignoreerida, nagu seda tehti varasemas uurimis- ja kohtupraktikas ja väljendati kriminaalprotsessialastes teoreetilistes töedes. Kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise ülesanne tuleneb sotsialistliku õigusemõistmise ülesandest kaitsta kuritegelike rünnete vastu meie ühiskondlikku ja riiklikku korda, sotsialistlikku majandussüsteemi ja sotsialistlikku omandit, samuti kodanike isiklikke ning varalisi õigusi ja seaduslikke huve. Kuritegudevastane võitlus toimubki mitmesuguste õiguslike vahendite kompleksse rakendamise teel, mis seostatakse mitte ainult kuriteo avastamise ja süüdlase karistamisega, vaid ka kuriteo toimepanemist soodustavate asjaolude selgitamise ja kõrvaldamise ning kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamisega, mis kõik kokku moodustavad kuritegudevastase võitluse abinõude ühise ulatusliku kogumi. Materiaalse kahju hüvitamist kriminaalasjas ei vaadelda seega enam ainuüksi kahju kandnud isiku (organisatsiooni) huvide aspektist, vaid seostatakse kommunismi materiaaltehnilise baasi loomise ja arendamise tingimustes toimuva kuritegude vastu võitlemise üldülesandega.

Kahju ennetamise ja hüvitamise suurt ja tähtsat osa kriminaalprotsessis ei kinnita aga tegelikkus. Uurimis- ja kohtupraktika andmeil tekitatakse riiklikele ja ühiskondlikele organisatsioonidele riisumise teel ikka veel ulatuslikku kahju, millest suurem osa jääb hüvitamata. NSV Liidu prokuratuuri andmeil hüvitasid uurijad

¹ Vt. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 25. märtsi 1964. a. määrus nr. 1. — «Eesti NSV Ülemkohtu Bülletään», 1964, nr. 2, lk. 8 jj.

1967. aastal kogu kahjust reaalselt 43,8%. Eesti NSV kohta oli see protsent aga 22,8, seega liidu keskmisest palju madalam.² Uurimisorganite ja kohtu töö puudusi on korduvalt märgitud vabariigi prokuratuuri ja ülemkohtu direktiivdokumentides, NSV Liidu peaprokuröri kirjades ja NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi määrustes. Neis esitatud nõudmistele vaatamata ei ole riiklikele ja ühiskondlikele organisatsioonidele kuriteo tagajärjel tekitatud materiaalse kahju hüvitamise olukord viimase ajani veel märgatavalt paranenud.

Sotsialistliku vara riisumise asjades kohustatakse prokuröre ja uurijaid viivitamata pärast kriminaalasja algatamist võtma tarvitusele abinõusid riisutud vara leidmiseks ja süüdlaste vara arestimiseks selleks, et tagada tekitatud kahju hüvitamist.

Uurimise praktika üldistused näitavad aga, et uurijad ei täida neid nõudmisi kuni viimase ajani rahuldavalt. Nii näiteks arestisid uurijad ENSV KrK §-de 93 ja 93' järgi 1966. aastal süüdimõistetute vara kõigest analüüsitud asjadest 81,3%. Vara arestimine toimus:

kriminaalasja algatamise päeval	10,8%	asjades
10 päeva jooksul pärast asja algatamist	12,0%	asjades
pärast 10 päeva möödumist	7,2%	asjades
pärast ühe kuu möödumist	70,0%	asjades

1967. aastal arestiti süüdimõistetute vara 56,6% kõigest analüüsitud asjadest. Vara arestimine toimus:

kriminaalasja algatamise päeval	2,7%	asjades
10 päeva jooksul pärast asja algatamist	15,1%	asjades
pärast 10 päeva möödumist	28,7%	asjades
pärast ühe kuu möödumist	53,5%	asjades

1968. aastal arestiti süüdimõistetute vara 47,8% kõigest analüüsitud asjadest. Vara arestimine toimus:

kriminaalasja algatamise päeval	54,6%	asjades
10 päeva jooksul pärast asja algatamist	18,1%	asjades
pärast 10 päeva möödumist	—	asjades
pärast ühe kuu möödumist	27,3%	asjades

Ulejäänud süüdimõistetute vara jäi arestimata mitmesugustel põhjustel: osalt saadi riisutud vara kätte, osa süüdimõistetutest tasus kahju summa enne vara arestimist, osal jätsid uurimisorganid vara arestimata. 1968. aastal kriminaalasja algatamise päeval toimunud vara arestimistest (54,6% juhust) ei leitud $\frac{2}{3}$ asjades arestitavat vara. Materjalide analüüs aga näitab, et neis asjades viivitati alusetult kriminaalasja algatamisega rohkem kui üks kuu arvates dokumentide saatmisest uurimisorganitele.

Sama halb olukord oli ka teiste liiduvabariikide uurimisorganite töös. See leidis kajastust NSV Liidu peaprokuröri 24. mai 1968. a. kirjas, milles märgitakse, et prokurörid ja uurijad jätavad sageli

² Е. Ник у л и н. Возмещение материального ущерба причиненного хищениями. — Социалистическая законность, 1968, № 7, стр. 31.

süüdistatavate vara arestimata, viivitavad kriminaalasja algatamisega jms.⁴

Puudusi kuriteo tagajärjel tekitatud materiaalse kahju hüvitamise osas on ka kohtu töös. Sellele vaatamata, et NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 28. mai 1954. a. määruses juhitakse kohtute tähelepanu sellele, et «kocs kriminaalasjaga arutamisele võetud tsiviilhagi tuleb reeglina lõplikult lahendada üheaegselt kriminaalasjaga»⁵, jätavad kohtud sageli mitmesugustel ettekäanel tsiviilhagid kriminaalasjas läbi vaatamata. Nii näiteks teevad seda kohtud siis, kui kohtualused on ühiselt tekitanud kahju ja osa solidaarsetest vastutajatest pole kriminaalkorras vastutusele võetud.⁶ Sellisele praktikale on meie kohtud asunud ENSV Ülemkohtu 1966. a. kirja alusel, milles selgitatakse rahvakohtunikele, et kui ei olnud kohtu alla antud kõik ühise kuriteoga kahjutekitajad, tuleb kohtu alla antud isikute suhtes tsiviilhagi lahendada Eesti NSV TsK § 188 ja Eesti NSV KrPK § 269 sätete alusel, olenevalt sellest, kuidas kannatanu (tsiviilhageja) taotleb kahju solidaarset väljamõistmist, kas täies ulatuses või osaliselt⁷. Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi 11. detsembri 1968. a. määruse nr. 4 alusel kohtupraktikast riigi ja ühiskonna vara riisumise asjades juhitakse kohtute tähelepanu aga sellele, et neil «ei ole õigust jätta tsiviilhagi läbi vaatamata motiivil, et kahju on tekitanud mitu isikut ühiselt, kuid kõik kahjutekitajad ei ole selles kriminaalasjas vastutusele võetud»⁸. Teoreetilistes töodes avaldatakse aga samal ajal seisukoht, et Eesti NSV-s rea aastate jooksul väljakujunenud kohtupraktika kriminaalasjas esitatud tsiviilhagi läbi vaatamata jätmise kohta motiivil, et kahju on tekitanud mitu isikut ühiselt, kuid kõik kahjutekitajad ei ole kriminaalasjas vastutusele võetud, on ainuõige.⁹

Need diametraalsed positsioonid ühe ja sama õigusliku institutsiooni kohta ei jättnud mõju avaldamata uurimis- ja kohtupraktikale. Tsiviilhagi menetluses esinev ebamäärane olukord ei soodusta ühtse praktika kujunemist ega kuriteoga tekitatud materiaalse kahju reaalselt hüvitamist.

Selline ebastabiilne olukord on meie arvates tingitud mitte niivõrd uurija ja kohtu töö puudustest kui kriminaalasjas esitatava tsiviilhagi menetluse korral puudulikust reglementeerimisest liiduvabariikide kriminaalprotsessi seadusandluses.

---

⁴ Письмо Генерального Прокурора СССР от 24 мая 1968 г. № 3/34. О мерах усиления работы органов прокуратуры по борьбе с хищениями государственного и общественного имущества.

⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 М., 1964, стр. 350.

⁶ Vt. näiteks Tallinna Mererajooni Rahvakohtu toimik nr. 1—36/68 M. Vilisoo süüdistusasjas. ENSV KrK § 93 lg. 3 tunnusel.

⁷ Vt. Eesti NSV Ülemkohtu esimehe 31. detsembri 1966. a. kiri nr. 68—66.

⁸ Vt. «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 2. lk. 142.

⁹ Э. Я. Л а а с н и к. К вопросу возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда.

NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse aluste § 25 sätib kuriteo läbi materiaalselt kahju kandnud isiku õigust kriminaalasja menetluse kestel esitada tsiviilhagi. Selle sätte alusel on valdav enamuse liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksitest laiendanud kuriteo läbi kahju kandnud isiku õigust ning võimaldanud temal esitada tsiviilhagi ka tsiviilkohtumenetluse korras, kui ta seda pole teinud kriminaalasjas (VNFSV KrPK § 29 lg. 6, Ukraina NSV KrPK § 28 lg. 4, Valgevene NSV KrPK § 56 lg. 6, Leedu NSV KrPK § 66 lg. 1, Läti NSV KrPK § 101 lg.7 jt.).¹⁰

Samas aga sätivad liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksid korda, mille alusel prokurör on kohustatud (õigustatud) esitama tsiviilhagi kriminaalprotsessis, kui seda nõuab riiklike või ühiskondlike huvide või kodanike õiguste kaitse, kohus aga omal algatusel kohtuotsuses otsustama kuriteoga tekitatud kahju hüvitamist, kui kahju kandnud isik või prokurör ei ole hagi esitanud. Analoogilisi nõudmisi esitatakse prokuratuuri-, uurimise- ja kohtuorganitele partei ja valitsuse määrustes, NSV Liidu peaprokuröri kirjades ja NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi juhendavates määrustes sotsialistliku vara riisumise ja puudujääkide asjades.¹¹ Teoreetilistes töodes teevad aga mõned autorid, lähtudes seaduse üksikutest sätetest ilma neid analüüsimata, hoopis vastupidise järelduse, väites nimelt, et kuriteo läbi materiaalselt kahju kandnud isikul (organisatsioonil) on tsiviilhagi esitamisel valikuvabadus: ta võib esitada hagi oma äranägemisel kas tsiviil- või kriminaalkohtumenetluse korras.¹²

Et liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksid ei reglementeeriküllaldase täielikkusega tsiviilhagi menetluse korda kriminaalprotsessis, kohaldatakse uurimis- ja kohtupraktikas kõrvuti kriminaalprotsessi õigusnormidega ka tsiviilprotsessi õigusnorme ning teoreetilistes töodes avaldatakse arvamust, et tsiviilprotsessi õigusnormide kohaldamine kriminaalprotsessis on võimalik alati, kui puuduvad vastavad kriminaalprotsessi õigusnormid, mille alusel saaks tsiviilhagimenetluses esilekerkivat küsimust (toimingut) reguleerida.¹³ Sellest positsioonist lähtudes leiavad mõned autorid, et kriminaalasjas esitatav hagiavaldus peab vastama tsiviilprotsessis esitatava hagiavalduse vorminõuetele, et hagi, mille

¹⁰ TRU Toimetised. Vihik 230. Tartu, 1969, lk. 140, Eesti NSV KrPK-s sellist sätet ei ole.

¹¹ NSV Liidu prokuröri järelevalve põhimäärus. NSVL UT, 1955, nr. 9; Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi 11. detsembri 1968. a. määrus nr. 4. «Kohtupraktikast riigi ja ühiskonna vara riisumise asjades». — «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 2, lk. 143.

¹² П. П. Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 5. А. Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 4—5.

¹³ П. П. Гуреев. Цит. произв., стр. 6. А. Г. Мазанов. Цит. произв., стр. 118—19.

hagejateks ja kostjateks on riiklikud või ühiskondlikud organisatsioonid (välja arvatud kolhoosid), tuleb arutada arbitraažorganisatsioonides, et hagejal on õigus esitatud hagist loobuda või sõlmida kokkulepet kohtualusega jne.¹⁴

Kriminaalasjas menetletava tsiviilhagi olemust analüüsid jõeavad mõned autorid järeldusele, et tegemist on tavalise väljamõistuhagiga, millel on tsiviilprotsessis menetletava hagi sisu ja vorm. Viidates K. Marxi teesile sisu ja vormi kohta väidab A. G. Mazalov, et subjektiivse tsiviilõigusega oleks kriminaalprotsessis menetletav hagi esemetu, sest vormil puudub igasugune väärtus, kui ta pole sisu vorm. Ilma hagita aga, mis pole muud kui hageja poolt kostja vastu esitatud nõudmise väljendusvorm, pole subjektiivset õigust võimalik kriminaalasjas realiseerida.¹⁵

Teised autorid on aga seisukohal, et kriminaalasjas menetletav tsiviilhagi on kriminaalprotsessi instituut.¹⁶ Ta ei esine kriminaalprotsessis üksiku ühekordse nõudena, mis on hagiis toimuva edasise menetluse ajendiks, vaid teda seostatakse uurija, juurdlusorgani, prokuröri ja kohtu kohustusega võtta tarvitusele kõik seaduses ettenähtud vahendid kuriteoga tekitatud kahju iseloomu ja ulatuse tuvastamiseks, esitatud või esitatava hagi tagamiseks ja kahju hüvitamiseks. Selle hagi alus on orgaaniliselt seotud kriminaalõigusliku vastutuse alusega. Kuriteo läbi kahju kandnud isiku (organisatsiooni) subjektiivne õigus võib siin realiseeruda ka ilma hagita kas endise (enne kuritegu olnud) olukorra taastamise teel (ENSV KrPK § 63) või kohtu initsiatiivil kohtuotsuses (ENSV KrPK § 42 lg.4).

Seega ei ole enam tegemist tavalise tsiviilprotsessis esineva väljamõistuhagiga, sest ta on omandanud kriminaalprotsessi toimingu ilme ja avalik-õigusliku iseloomu.

Tsiviilprotsessiõiguse norme võidakse siin kohaldada piiratud, niivõrd kui puuduvad vastavad kriminaalprotsessiõiguse normid ja kui seejuures TsPK normide kohaldamine ei ole vastuolus kriminaalkohtumenetluse ülesannete, printsiipide ja protsessialiste õiguste ning seaduslike huvide kaitsega ega avalda mõju tsiviilhagi kriminaalõiguslikele alustele.¹⁷

Need diametraalsed positsioonid eksisteerivad nõukogude kriminaalprotsessi teaduses ja avaldavad nii või teisiti mõju uurimis- ja kohtupraktikale. Nende elujõud peitub selles, et mõlemad

¹⁴ П. П. Гуреев. Цит. произв. стр. 13, 14, 70. А. Г. Мазанов. Цит. произв. стр. 57. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 28 мая 1954 г. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963. М., 1964, стр. 347.

¹⁵ А. Г. Мазалов. Цит. произв. стр. 4.

¹⁶ Б. А. Галкин и др. Советский уголовный процесс. М., 1968, стр. 86. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 114.

¹⁷ Ю. Р. Адоян. Гражданский иск в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тарту, 1967, стр. 12.

nad lähtuvad seadusest ning sotsialistliku õigusemõistmise eesmärkidest, sealjuures üks neist tsiviilkohtu-, teine aga kriminaalkohtumenetluse ülesannete täitmise aspektist.

Kui lähtuda kriminaalprotsessi seadusandluse üksikutest normidest ja abstraheeruda nõukogude kriminaalprotsessi üldistest ülesannetest, kuriteofaktist tulenevast tsiviilhagi alusest, samuti seaduse nõudest, mis näeb ette sellise hagi esitamise kui kriminaalprotsessis tegutsevate ametiisikute ja kuriteo läbi kahju kandnud organisatsioonide kohustuse, võib järeldada, et kõikidel kuriteo läbi materiaalselt kahju kandnud isikutel on õigus valida oma äranägemisel kohtumenetluse korda. Seda enam, et nii kriminaal- kui ka tsiviilkohtumenetluse kord kindlustab igakülgsele kõigi protsessiosaliste (poolte) õiguste ja seaduslike huvide kaitset ja seetõttu ei ole mingit alust vastandada üht kohtumenetluse korda teisega. Mõlemad teenivad nõukogude õigusemõistmise eesmärgi ja on suunatud kõigi asjaolude täielikule, igakülgsel ja objektiivsele uurimisele (NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalmenetluse alused § 14, NSV Liidu ja liiduvabariikide tsiviilkohtumenetluse alused § 16).

Kriminaalprotsessis menetletava tsiviilhagi eesmärgid ja ülesanded on aga seotud kuritegevusvastase võitluse eesmärkide ja ülesannetega. Tsiviilhagi tõendatakse, tagatakse, toetatakse, vaadatakse läbi ja lahendatakse siin juurdlusorgani, uurija, prokuröri ja kohtu tegevuse korras nende teenistuskohustuste raames vastavuses kriminaalmenetluse printsiipide ja eeskirjadega. Tsiviilhagi aluseks on siin kuriteoga kahju tekitamise fakt.

Sellepärast tuleb meie arvates kriminaalprotsessis menetletava tsiviilhagi instituudi olemuse avamisel lähtuda mitte tsiviilprotsessis esitatava väljamõistuhagi sisu ja vormi dialektikast — selline lähenemine probleemi lahendamisel oleks eelarvamuslik —, vaid selle hagi kui üldise ja üksiku nähtuse (instituudi) dialektikast ning alles seejärel analüüsida tema sisu ja väljendusvormi. Filosoofilistes vihikutes vaatleb V. I. Lenin üldise ja üksiku vahekorda ning märgib: «Igasugune üldine hõlmab kõiki üksikuid asju vaid ligikaudu. Igasugune üksik on tuhandete üleminekute kaudu seotud teist liiki üksikutega (asjade, nähtuste, protsessidega) jne».¹⁸

Seega omandab üks või teine nähtus (objekt, instituut) konkreetse eksisteerimisvormi sõltuvalt sellest protsessist, millesse ta on kaasa tõmmatud.¹⁹ Sellist dialektilist seost võime leida ka vaadeldavas tsiviilhagi instituudis.

Kriminaalasjas omandab tsiviilhagi oma eksisteerimisvormi kriminaalmenetluselt, millesse ta on kaasa tõmmatud. Hagi- menetluse konkreetne vorm ei sõltu siin enam tsiviilprotsessis menetletava hagi tunnustest, vaid kriminaalprotsessist, mille menetluses see hagi ajalooliselt tekkis ja arenes.

¹⁸ V. I. Lenin. Teosed. 38. kd., lk. 355.

¹⁹ А. Г. Спиркин. Курс марксистской философии. М., 1963, стр. 179.

Seega on tegemist mitte tavalise tsiviilprotsessis esineva väljamõistuhagiga, vaid erilise materiaalse kahju hüvitamise kriminaalprotsessuaalse vahendiga, millel on avalik-õiguslik iseloom ja mille olemus seisneb kuriteo läbi materiaalsel kahju kandnud isikute varaliste õiguste ja seaduslike huvide kaitses. Kahju hüvitamise nõude vormi on see hagi küll säilitanud, muidu ta ei oleks hagi, kuid ka ilma selle nõudeta saavad uurija ja kohus kriminaalkohtumenetluse korras kahju hüvitada (uurija restitutsiooni korras, kohus omal algatusel). Tsiviilhagi esitamise õigust ei saa kriminaalprotsessis vaadelda tsiviilprotsessis kehtivast dispositiivsuse põhimõttest lähtudes. Kuriteo läbi kahju kandnud riiklike ja ühiskondlike organisatsioonide suhtes esineb see õigus juba kohustusena. Juriidilised isikud on kohustatud sotsialistliku omandi kaitseks tarvitusele võtma kõik seaduses ettenähtud abinõud, sealhulgas esitama tsiviilhagi.²⁰

Kui hagi ei ole esitatud, on kohtul õigus ja ka kohustus kohtuotsuse tegemisel omal algatusel otsustada kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise küsimust (ENSV KrPK §-d 42 ja 263 lg.1 p. 14)²¹. Ühtlasi peab kohus kaaluma erimääruse tegemise vajadust nende riiklike ja ühiskondlike organisatsioonide ning prokurööri tähelepanu juhtimiseks, kes ei täitnud oma kohustusi ega esitanud tsiviilhagi, kuigi seda nõudis riiklike või ühiskondlike huvide ja kodanike õiguste kaitse (ENSV KrPK §-d 277 ja 324).²²

Tsiviilhagi koos kriminaalasjaga läbivaatamise kohustus ei välista tema arutamise ja otsustamise võimalikkust ka tsiviilkohtumenetluse korras. Seaduses ettenähtud tingimustel võib kohus anda tsiviilhagi suuruse küsimuse lahendamiseks tsiviilkohtupidamise korras, kui see ei mõjuta kuriteo kvalifikatsiooni, karistumäära valikut ja teiste küsimuste lahendamist, mis tõusetuvad kohtuotsuse tegemisel.²³

Et kriminaalasjas menetletav tsiviilhagi on kriminaalprotsessi instituut, siis kehtivad tema kohta kõik kriminaalprotsessi printsiibid.

Vaieldamatu on, et selles menetluses kehtib ka sotsialistliku seaduslikkuse printsiip. Seega toimub kogu hagimenetlus kriminaalprotsessis rangelt kooskõlas seadustega. Nagu eespool nägime, on probleem aga selles, millised õigusnormid reguleerivad tsiviilhagimenetlust kriminaalprotsessis, kas ainult kriminaalprotsessi

²⁰ Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeks. Kommenteeritud väljaanne. Koost. V. Raudsalu. Tln., 1965, § 42 komm. 5.

²¹ Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi 11. detsembri 1968. a. määrus nr. 4 «Kohtupraktikast riigi ja ühiskonna vara riisumise asjades». — «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 2, lk. 143.

²² Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeks. Kommenteeritud väljaanne. Koost. V. Raudsalu. Tln., 1965, § 269 komm. 7.

²³ NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 30. juuni 1969. a. määrus nr. 4. Kohtuotsusest. — «Nõukogude Õigus», 1969, nr. 5, lk. 330.

õigusnormid või ka tsiviilprotsessi õigusnormid ning kui viimased ka, siis piiramatult (kuivõrd puuduvad vastavad KrPK normid) või siiski piiratult. Liiduvabariikide kriminaal- ja tsiviilprotsessi seadusandluse sätted kinnitavad K. Marxi üldtuntud teesi õigust selle kohta, et materiaalsel õigusel peavad olema omad paratamatult tarvilikud, temale omased protsessuaalsed vormid.²⁴ Eesti NSV KrPK § 41 lg. 1 sätib tsiviilhagi menetlust kriminaalasjas kriminaalprotsessi koodeksis ettenähtud korras. Eesti NSV TsPK § 326 p. 2 lubab tsiviilprotsessi sätted kohaldada kriminaalasjas ainult kohtuotsuste täitmise staadiumis varaliste sissenõuete osas. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 25. märtsi 1964. a. määruses juhatakse kohtute tähelepanu, et «tsiviilhagi vahetuks tagamiseks abinõude rakendamisel tuleb kohtutel juhinduda liiduvabariikide tsiviilprotsessi seadusandlusega kehtestatud sätetest.»²⁵

Seega võimaldab seadus üksikuid protsessuaalseid toiminguid, mis pole seotud tsiviilhagi kriminaalõiguslike alustega ja mida kehtiv KrPK ei reguleeri või reguleerib puudulikult, teostada TsPK sätetes ettenähtud alustel ja korras.

Et tsiviilhagi tagamise tsiviilprotsessuaalne kord mingil määral ei mõjuta tsiviilhagi kriminaalõiguslike aluseid ega ole vastuolus kriminaalprotsessi ülesannete ja printsiipidega, tuleks kriminaalasjas kohaldada ENSV TsPK § 142 ettenähtud võimalusi ja uurijal ning juurdlejal iga kord kriminaalasja algatamisel arestida materiaalselt vastutavate isikute vara.

Et meie kriminaalprotsessi koodeks ei näe ette tsiviilhagi tagamisabinõude tühistamise korda asjades, milles tsiviilhagi jäi kohtuotsuses läbi vaatamata, või juhul, kui asja menetlus lõpetati seoses süüdlase suhtes ühiskondliku mõjustamise vahendi kohaldamisega (ENSV KrPK §-d 220 ja 271), tuleks juhinduda ENSV TsPK §-st 147 ning hagi tagamise abinõude tühistamine lahendada iga kord konkreetsetelt sõltuvalt asjaoludest. Selles osas tuleks «Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeksi» § 271 täiendada sättega, mille järgi kohtul on õigus säilitada uurija ja kohtu poolt varem tarvitu-sele võetud tsiviilhagi või materiaalse kahju hüvitamise tagamise abinõud kuni tsiviilhagi lahendamiseni tsiviilkohtumenetluse korras.

Liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksid sätivad tsiviilhagi tagamist ka kohtu initsiatiivil (ENSV KrPK § 271, VNFSV KrPK § 311 jt.). Kuid osa neist sätivad korda, mille alusel kohtud peavad tagama ka neid tsiviilhagisid, mille esitamine on võimalik tulevikus tsiviilkohtumenetluse korras (Valgevene NSV, Kasahhi NSV, Leedu NSV, Läti NSV, Armeenia NSV, Turkmeenia NSV). Selline kord on meie arvates vaja kehtestada ka Eesti NSV KrPK järgi sotsialistliku vara riisumise ja puudujääkide asjades.

²⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. I, стр. 159.

²⁵ «Eesti NSV Ülemkohtu Bülletään», 1964, nr. 2, lk. 8 jj.

Tsiviilprotsessis kehtivat korda, mille alusel riiklike ja ühiskondlike organisatsioonide vahelised vaidlusasjad lahendab kas kostja suhtes kõrgemalseisev organisatsioon (kui hagi hind on kuni 100 rubla) või riikliku arbitraaži organid (kui hagi hind on üle 100 rubla), ei saa kehtestada kriminaalprotsessis. Kriminaalprotsessis võib tsiviilhagejaks ja -kostjaks olla nii kodanik kui ka juriidiline isik ilma mingisuguste kitsendusteta («NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse alused» §-d 25, 26, 27, 40 ja liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksite vastavad sätted). Tsiviilhagi alluvus kohtule, kes vaatab läbi kriminaalasja kuriteo kohta, millega tekitati materiaalne kahju, määratakse kriminaal- ja materiaalse vastutuse ühise alusega. Selline tsiviilhagide alluvus on vajalik kõigi protsessiosaliste — tsiviilhagi subjektide õiguste ja seaduslike huvide kaitseks.

Süüdistatavate solidaarse vastutuse korral peab kohus lahendamata esitatud tsiviilhagi sõiltumatult sellest, kas kõik kahjutekitajad on kriminaalasjas vastutusele võetud või ei ole. Ei ole mingit materiaal-õiguslikku ega protsessuaalset alust jätta tsiviilhagi kriminaalasjas läbi vaatamata ainuüksi sellepärast, et osa kahjutekitajatest varjab end uurija või kohtu eest või on nende kohta kriminaalasi lõpetatud ja kohaldatud ühiskondliku mõjustamise vahendit. Kriminaal- ja tsiviilasjas ei olegi võimalik saavutada igakord sellist ideaalset olukorda, et asja arutamisest saaksid osa võtta kõik ühiselt kahju tekitanud isikud. Seda enam on see raskendatud tsiviilasjas pärast kriminaalasjas kohtuotsuse jõustumist, mille järgi süüdimõistetule kohaldati vabadusekaotuslik karistus. Seetõttu toimubki kiriminaalasjas tsiviilhagi arutamine kriminaalprotsessi koodeksis ettenähtud korras, see tähendab, ainult nende kahjutekitajate kohta, kes on kohtu alla antud. Kuriteoga tekitatud kahju summa võidakse sisse nõuda ainult kohtu alla antud süüdistatavalt või nende tegude eest materiaalset vastutust kandvatelt isikutelt. Teised ühiselt kahju tekitanud isikud kriminaalasjas materiaalset vastutust ei kanna. Kuriteo läbi kahju kandnud organisatsioonid on kohustatud nende vastu esitama tsiviilhagi tsiviilkohtumenetluse korras. Kohtulikult arutamisel on üheks tõendiks neis asjades kriminaalasjas tehtud kohtuotsus, mille kirjeldavas osas esitatakse andmeid ka ühiselt kahju tekitamise fakti kohta. Ka on toimikus olemas ühiselt kahju tekitanud isikute kohta uurija või kohtu motiveeritud määrused, millest nähtub, mis alusel on nende suhtes kriminaalasja algatamisest keeldutud või asjas menetlus lõpetatud.

Süüdistatava kaitseõigus on täielikumalt tagatud siis, kui tema seaduslikud huvid kaitstakse kriminaalprotsessis ka esitatud tsiviilhagi vastu. Kui süüdistatav kannab kuriteoga tekitatud kahju eest materiaalset vastutust ise, tuleb teda õigeaegselt informeerida tsiviilhagi esitamisest ning võimaldada kasutada kõiki tsiviilkostja õigusi. Kohtuistungil ettevalmistamise ajal peab eesistuja kontrol-

lima, kas kohtualune sai kätte ka tsiviilhagi avalduse ärakirja (ENSV TsPK § 137).

Kohtulik uurimine peab algama nii süüdistuskokkuvõtte kui ka tsiviilhagiavalduse avaldamisega, nagu seda sätivad Usbeki NSV, Aserbaidžaan NSV, Moldaavia NSV, Läti NSV ja Kirgiisi NSV kriminaalprotsessi koodeksid. Selline kord on vaja ette näha ka Eesti NSV KrPK-s. See on kooskõlas «NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse aluste» §-dega 13 ja 21, mille järgi süüdistatava õiguste ja seaduslike huvide kaitset tagatakse mitte ainult esitatud süüdistuse vastu, vaid ka isiklike ja varaliste huvide kaitseks (ENSV KrPK § 18). Süüdistatava ja tsiviilkostja varaliste õiguste kaitse kriminaalprotsessis peab olema igakülgset tagatud. Selline kaitse ei ole vastuolus kriminaalkohtumenetluse eesmärkide ja printsiipidega, vaid tuleneb nendest.

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ХИЩЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Ю. Адоян

Кандидат юридических наук

Резюме

Несмотря на общепризнанное положение о том, что борьба за сохранность социалистического имущества может быть успешной лишь тогда, когда, наряду с применением к виновным лицам мер уголовного наказания и принятием предупредительных мер, будет обеспечено реальное возмещение материального ущерба, состояние вопроса о возмещении этого ущерба до последнего времени остается далеко не удовлетворительным.

По данным Прокуратуры СССР реальное возмещение материального ущерба в процессе следствия в 1967 составляло 43,8 процента, а отдельно в Эстонской ССР лишь 22,8 процента.¹

Судебно-следственная практика последних лет свидетельствует о том, что арест имущества в обеспечение гражданского иска производится с большим опозданием и не дает должного эффекта.

Неудовлетворительное положение с возмещением материального ущерба наблюдается и в судебной практике. Несмотря на требование Верховного Суда СССР, принятый к совместному с уголовным делом рассмотрению гражданский иск не всегда раз-

¹ Е. Никулин. Возмещение материального ущерба, причиненного хищениями. — Социалистическая законность. 1968, № 7, стр. 31—32.

решается окончательно одновременно с уголовным делом. Нередки случаи оставления таких исков в уголовном деле без достаточных оснований нерассмотренными.

В результате анализа действующего уголовно-процессуального законодательства по вопросам гражданского иска в уголовном деле и теоретических взглядов отдельных авторов, в статье приходят к выводу, что основной причиной неэффективного возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, является не столько плохая работа органов расследования и суда, сколько неполная регламентация порядка производства по гражданскому иску уголовно-процессуальным законодательством. В результате этого возникают различные позиции в теории и практике уголовного процесса по самым основным вопросам производства по гражданскому иску в уголовном деле.

Так, например, некоторые авторы в своих исследованиях находят, что применение норм гражданского процессуального права при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе необходимо всегда, когда законодательство об уголовном судопроизводстве не дает ответов на возникшие процессуальные вопросы, а законодательство о гражданском судопроизводстве дает на них прямые ответы. Это рекомендуется по вопросам порядка предъявления гражданского иска, вытекающего из факта преступления, подведомственности этого иска, доказывания его основания, оставления его без рассмотрения и т. д.²

Для полного и всестороннего анализа института гражданского иска в уголовном процессе в статье предлагается исходить из диалектики единичного, особенного и общего и в первую очередь определить, с каким иском мы имеем дело, установить, в чем заключается сущность этого иска, и лишь после этого выяснить, в каких формах он проявляется в уголовном процессе. Исходя из положения диалектики о том, что тот или другой предмет (институт) приобретает конкретную форму своего существования в зависимости от того процесса, в движение которого он оказывается вовлеченным и что конкретной формой своего существования отдельный предмет (институт) обязан не себе, а той исторически развившейся системе вещей, внутри которой он возник³, автор статьи делает соответствующие выводы в отношении гражданского иска в уголовном процессе. В статье указывается, что этот иск приобретает конкретную форму своего существования в зависимости от уголовного судопроизводства, в движение которого он оказывается вовлеченным. Конкрет-

² См. П. П. Гуреев. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 5, 13, 14, 29, 70; а также А. Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 5, 57.

³ А. Г. Спиркин. Курс марксистской философии. М., 1963, стр. 179.

ной формой своего существования этот иск обязан не столько самому себе (иску), сколько уголовному судопроизводству, внутри которого он возник и развился.

Исходя из классического высказывания К. Маркса по поводу соотношения закона и процесса⁴ и из анализа общих задач, принципов и форм уголовного судопроизводства, автор статьи приходит к выводу, что применение норм ГПК в уголовном процессе может иметь место только в строго определенных рамках. Они могут применяться в той мере, в какой это не противоречит общим задачам, принципам и правовой природе уголовного судопроизводства, при условии, если их применение необходимо в связи с регулированием пределов и условий материальной (а не уголовной) ответственности, и, если при этом УПК не дает ответа на возникшие при рассмотрении гражданского иска процессуальные вопросы, а ГПК дает.

На основании изложенного, в статье рассматриваются основные положения гражданского иска в уголовном процессе и делаются предложения об установлении единой судебно-следственной практики и более эффективном возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, государственным и общественным организациям.

---

⁴ К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч. т. 1 стр. 159.

РОЛЬ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ТЯЖКИМ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

П. Бейлинсон

Кандидат юридических наук

МВД Эстонской ССР

1. По делам о преступлениях против личности и общественного порядка, особенно связанных с хулиганством, показания свидетелей, потерпевших и обвиняемых, часто являются единственным видом доказательств, проливающим свет на причины и условия, породившие эту категорию преступлений. По данным проведенного нами исследования¹, показания свидетелей и потерпевших применялись следователями при доказывании обстоятельств, способствовавших тяжким преступным посягательствам против личности и общественного порядка, по 78,8% изученных уголовных дел, показания обвиняемых — по 54,1%².

В юридической литературе имеется ряд указаний о необходимости включения в предмет свидетельских показаний тех обстоятельств, которые характеризуют причины и условия, способствующие совершению преступлений.³ Вместе с тем некото-

¹ Было изучено 123 уголовных дела о хулиганстве и умышленном причинении тяжких и особо тяжких телесных повреждений, рассмотренных в 1969 году народными судами г. г. Таллина, Тарту, Нарвы и Кохтла-Ярве.

² По данным Г. Ф. Горского, свидетельские показания применялись в доказывании причин и условий совершения преступлений по 73,3%, изученных дел, показания обвиняемых — по 50%. См. Г. Ф. Горский. Выявление и изучение причин преступности. Изд. Воронежского университета, 1964, стр. 45 и 48.

³ Еще в 20-х годах Н. Лаговьер включал в предмет свидетельских показаний сведения о причинах конкретных преступлений (см. Н. Лаговьер. Свидетель в нашем уголовном процессе. М., 1928, стр. 5). Позднее к этой точке зрения присоединились А. Л. Ривлин (см. А. Л. Ривлин. Предмет допроса в Советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 2, 1940, стр. 106), Р. Д. Рахунов (см. Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в Советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 33); М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 160), А. А. Герцензон (см. А. А. Герцензон. Теоретические предпосылки изучения и предупреждения преступности. — в сб. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», 1962, стр. 24), Г. Ф. Горский (см. Г. Ф. Горский. Указ. соч., стр. 48—49) и др.

рые авторы, определяя предмет свидетельских показаний, не включают в него задачу выявления обстоятельств, порождающих преступление⁴.

Хотя законодатель и не называет обстоятельств, порождающих преступления, в качестве составной части предмета свидетельских показаний эти обстоятельства, несомненно, являются элементом предмета таких показаний, которые вытекают из ст. ст. 47, 51 и 132 УПК ЭССР. Предмет допроса свидетеля охватывает любые подлежащие доказыванию обстоятельства как входящие в предмет доказывания, так и находящиеся за его пределами. В частности, закон (ст. 47 УПК ЭССР) обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд выяснять обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также устанавливать и устранять обстоятельства, порождающие преступления. В соответствии с положениями ст. 48 УПК ЭССР эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и другими видами доказательств.

Следует отметить, что ст. 74 УПК РСФСР специально оговаривает правомерность допроса свидетеля об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого, без чего немисливо глубокое и всестороннее исследование причин конкретного преступления.

В то же время положения ст. 51 УПК ЭССР, определяющие предмет свидетельских показаний, не указывают на возможность допроса свидетеля об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого. Представляется, что в этом смысле ст. 74 УПК РСФСР выгодно отличается от ст. 51 УПК ЭССР.

Однако и ст. 74 УПК РСФСР не называет в качестве самостоятельной части предмета допроса свидетеля тех обстоятельств, которые порождают преступления, что отнюдь не вносит ясность в проблему процессуальной регламентации выявления причин и условий, способствующих совершению преступного деяния. Недаром авторы научно-практического комментария к УПК РСФСР вынуждены «...особо подчеркнуть необходимость использовать допрос свидетеля для выяснения причин и условий, способствовавших преступлению».⁵ Целесообразно дополнить ст. 51 УПК ЭССР положением о возможности допроса свидетеля по вопросам, характеризующим личность обвиняемого и проливающим свет на причины, порождающие преступления.

2. Для выявления причин и условий, порождающих тяжкие преступные посягательства на личность и общественный порядок, важное значение имеет правильное определение круга свидетелей, могущих дать показания по этим вопросам.

⁴ См., например, М. И. Бажанов. Свидетели, их права и обязанности по советскому уголовно-процессуальному законодательству. М., 1955, стр. 9.

⁵ Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Ред. В. А. Болдырев, М., 1963, стр. 175.

Применительно к задаче выявления всего комплекса причин и условий, детерминирующих совершение преступлений исследуемой категории, представляется целесообразным условно разделить свидетелей на три группы. В основу такого разделения должен быть положен принцип полноты круга вопросов, освещаемых свидетелями той или иной группы.

3. Первая группа свидетелей может дать показания, касающиеся многих и самых различных вопросов о причинах и условиях, породивших конкретное преступление против личности или общественного порядка. Комплекс этих вопросов охватывает информацию об условиях нравственного формирования личности, об обстоятельствах жизни и воспитания, об окружающей среде и ее влиянии на виновного и т. д., а также об обстоятельствах, характеризующих конкретную ситуацию совершения преступления и, в частности, о способствующих условиях и поводах к нему. Такая широкая осведомленность о причинах и условиях, породивших конкретное преступление, часто встречается у свидетелей, длительное время проживавших в одной квартире или в одном доме с виновным лицом, учившихся или работавших с ним и по стечению обстоятельств оказавшихся очевидцами совершенного им противоправного поступка. По данным нашего исследования, эта категория свидетелей составляет 58,6% в общей массе лиц, дающих свидетельские показания по делам о преступлениях против личности и общественного порядка на бытовой почве (так называемое «квартирное» хулиганство, убийства и причинение увечий в жилых помещениях в результате пьяных драк, ссор, ревности и т. д.).

Так, по делу о злостном хулиганстве несовершеннолетнего Пиирсалу, жестоко избившего во дворе дома, где проживал, двоих детей, одному из которых причинил перелом лучевой кости, были получены весьма ценные показания от престарелой жительницы этого дома Кырве. Зная Пиирсалу с рождения, она рассказала на допросе о неблагоприятном положении в его семье, о бесконечных ссорах и драках между его родителями и о последующем уходе из семьи отца, злоупотреблявшего алкогольными напитками. Кырве дала также показания, касающиеся сомнительных связей Пиирсалу с хулиганствующими подростками, проживающими на соседних улицах. Совместно с этими подростками он неоднократно жестоко истязал кошек. Однажды Кырве видела, как Пиирсалу привязал к хвосту пойманной им кошки кусок киноплетки и поджег ее, громко выражая восторг при виде мечущегося по двору животного. В день, когда Пиирсалу совершил преступление, скованная болезнью Кырве сидела в кресле у окна и видела все обстоятельства происшествия. Открыв окно, она закричала, пытаясь прекратить избивание детей и привлечь внимание других соседей. Некоторые из них тоже стали кричать на Пиирсалу через окна, но никто не предпринял по-

настоящему активных действий в защиту избиваемых детей и преступление было доведено до конца.

Анализируя показания свидетеля Кырве, нетрудно убедиться, что в них содержится ценная информация не только о причинах неблагоприятного формирования личности Пиирсалу, глубине и стойкости ее антисоциальных установок, но и об обстоятельствах, способствовавших совершению подростком конкретного преступления, в частности — о непринятии своевременных мер к пресечению хулиганства со стороны соседей по дому, равнодушных ко всему, что произошло на их глазах.

Свидетелей, отнесенных к первой группе, следует устанавливать прежде всего среди родственников и соседей виновного, а если преступление совершено не по месту его жительства, то среди знакомых, сослуживцев, соучеников обвиняемого.

При допросе свидетелей, могущих дать показания не только об обстоятельствах преступного события, но и об условиях нравственного формирования личности обвиняемого, о его образе жизни и поведении, связях и т. д., следователь должен обратить внимание на выяснение следующих вопросов:

1) с какого времени свидетель знает обвиняемого, потерпевшего, когда и при каких обстоятельствах с ними познакомился, в каких родственных или иных отношениях с ними находится, не имелось ли у свидетеля ранее и не имеется ли теперь неприязненных отношений с обвиняемым, потерпевшим;

2) знает ли свидетель близких родственников обвиняемого (отца, мать, братьев, сестер, жену), если знает, то как может охарактеризовать их образ жизни: нравы, обычаи, поведение в быту и на работе и т. д., какое влияние, по его мнению, оказывала семья на формирование сознания обвиняемого, на становление характера, на приобретение им отрицательных или положительных привычек и навыков и т.д.;

3) в каких материальных условиях жил и воспитывался обвиняемый;

4) знает ли свидетель близких друзей и знакомых обвиняемого, если знает, то как может их охарактеризовать, какое влияние, по его мнению, оказывали эти друзья и знакомые на обвиняемого;

5) охотно ли учился обвиняемый, какое получил образование, каково его отношение к учебе, труду, семье, материальным ценностям, чем увлекался, как оценивал самого себя и окружающую его действительность, как вел себя дома, по месту учебы или работы, каким образом и с кем преимущественно проводил свободное время, не имел ли отрицательных привычек и склонностей (злоупотребление алкоголем и наркотиками, употребление нецензурных слов, азартные игры, половая распущенность, неуважительное отношение к людям и т. д.);

6) что послужило поводом для начала преступного посягательства на личность или общественный порядок, не были ли действия обвиняемого спровоцированы неправильным поведением самого потерпевшего или близких ему лиц, не пребывал ли обвиняемый в состоянии алкогольного опьянения или наркотического возбуждения;

7) в чем конкретно выразились преступные действия обвиняемого, что он при этом говорил;

8) кто, кроме обвиняемого, принимал участие в преступлении, в чем выражались их действия;

9) применял ли обвиняемый оружие и если применял, то какое именно, видел ли свидетель это оружие у обвиняемого, были ли принесены им предметы, которыми наносились телесные повреждения потерпевшему, или подобраны на месте;

10) в каком конкретно месте, в какой день и в какое время суток было совершено преступление, был ли этот день праздничным, выходным, днем получения заработной платы и т.д., какова была освещенность места преступления, много ли было вокруг людей, как окружающие граждане реагировали на преступные действия обвиняемого, были ли поблизости работники милиции или дружинники, какие меры они приняли для пресечения преступления и задержания его участников.

Естественно, что приведенные группы вопросов не могут претендовать на исчерпывающую полноту, так как обстоятельства, способствующие совершению преступления против личности и общественного порядка, носят весьма многообразный характер.

4. Вторая группа свидетелей — это лица, знающие субъекта преступления по совместному проживанию, работе, учебе и т.д., но непосредственно не наблюдавшие обстоятельств происшествия. Эти свидетели проливают свет на условия формирования антиобщественных установок в сознании личности преступника, на его характерологические и другие особенности, и в силу этого представляют большую ценность при выявлении причин, обусловивших совершение преступного посягательства на личность и общественный порядок.

В числе свидетелей, отнесенных ко второй группе, следует назвать родственников и знакомых обвиняемого, соседей по месту жительства, дворников, общественников домовых и уличных комитетов, комендантов общежитий, работников домоуправлений и жилищно-эксплуатационных контор, участковых инспекторов милиции, сослуживцев, общественников и администрацию производства, соучеников, воспитателей, классных руководителей и т.д.

Тактика допроса таких свидетелей практически не отличается от приемов допроса свидетелей первой группы. Следует лишь учитывать, что показания свидетелей, знающих субъекта преступления, но непосредственно не наблюдавших обстоя-

тельств происшествия, более свободны от эмоциональных наслоений, присущих свидетелям-очевидцам. Вызов таких свидетелей, как правило, обуславливается необходимостью их допроса только по обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого, и специально нацелен на установление причин, вызвавших преступное поведение индивида.

При допросе свидетелей второй группы необходимо выяснить вопросы, перечисленные в п.п. 1—5 (стр. 136).

К сожалению, в практике борьбы с преступными посягательствами на личность и общественный порядок наблюдается недооценка свидетельских показаний этой группы. Они широко используются лишь при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. В остальных же случаях эта категория свидетелей составляет 7,9% от общей массы, дающих показания по делам исследуемой совокупности преступлений. Недостающую информацию, характеризующую личность преступника, следователи нередко пытаются восполнить путем истребования служебных и иных характеристик, которые в большинстве случаев не отражают и не могут отразить многих качеств обвиняемого. На недооценку свидетельских показаний в целях изучения личности виновного лица неоднократно указывал Верховный суд СССР.⁶

5. Третья группа свидетелей — это свидетели-очевидцы, то есть лица, допрашиваемые по уголовному делу об известных им обстоятельствах, могущих иметь значение для дела, воспринятых, субъективно осмысленных и оцененных в результате непосредственного наблюдения события.⁷

Выделение свидетелей-очевидцев в самостоятельную группу имеет большое практическое значение не только для уяснения объективной стороны состава расследуемого преступления против личности или общественного порядка, но и для выявления обстоятельств, породивших это преступление.

Применительно к преступным посягательствам изучаемой группы, показания свидетелей-очевидцев являются самым распространенным и ценным видом доказательств. Но дело в том, что закономерности формирования показаний свидетеля-очевидца, непосредственно воспринимавшего те или иные фактические обстоятельства убийства, насилия над личностью или хулиганских действий, могут существенно отличаться в зависимости

---

⁶ См. напр., Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963, М., 1964, Постановление Пленума от 3 июля 1963 г., № 6, стр. 305—316.

⁷ Толковый словарь русского языка определяет очевидца как лицо, бывшее непосредственным свидетелем, наблюдателем какого-нибудь события, происшествия. См. Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушакова, т. II М., 1938, стр. 1031.

от его отношения к наблюдаемому событию, от его участия и роли в этом событии.

А. М. Алексеев подразделяет свидетелей-очевидцев по их роли в происходящем на две группы: очевидцев-активных участников события и очевидцев-пассивных наблюдателей. К первой группе он относит очевидцев-потерпевших, а также таких свидетелей-очевидцев, которые пытались пресечь или предотвратить начатое преступление, приняли меры к задержанию преступника, оказали помощь потерпевшему, вызвали на место происшествия работников милиции и т.д. Ко второй группе автор относит свидетелей-очевидцев, которые непосредственно воспринимали преступное событие, наблюдали его, но никакого участия в нем не принимали по тем или иным причинам.⁸

Такое подразделение свидетелей-очевидцев представляется правильным и имеющим практическое значение, так как оно базируется на психологической специфике формирования свидетельских показаний в зависимости от отношения очевидцев к преступному событию и позволяет следователю выбрать оптимальные тактические приемы для допроса свидетелей той или другой группы.

Следственная практика показывает, что психика свидетеля-очевидца, не принимавшего участия в происшествии, более свободна от искажений восприятия, которые характерны для потерпевшего от хулиганства или насилия, или для активного очевидца, а также для подозреваемого и обвиняемого в этих преступлениях.

В показаниях очевидцев-наблюдателей, как правило, детальнее отражаются объективные признаки преступных действий, способы достижения преступного результата, роль каждого участника группового хулиганства или нападения с целью насилия над личностью потерпевшего, особенности поведения прохожих и других свидетелей, действия работников милиции и дружинников, их реакция на происходящее событие, а также благоприятствовавшие преступлению факторы времени, места и т. д. (темное время суток, плохая освещенность малоллюдных улиц, отсутствие милицейских постов и нарядов дружинников и др.). Эти объективные факторы, несомненно, проливают свет на причины и условия, породившие преступление.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что показания свидетеля-очевидца не могут быть источником доказательств о причинах и условиях, способствовавших совершению конкретного преступления. Так А. М. Алексеев, например, утверждает, что такой свидетель «не располагает сведениями о

---

⁸ См. А. М. Алексеев. Понятие свидетеля-очевидца, значение и особенности его показаний. В сб. «Вопросы борьбы с преступностью», М., 1969, № 10, стр. 53— 64.

мотивах совершения преступления и тем более о его причинах и обстоятельствах, способствовавших его совершению.»⁹ Эта точка зрения представляется ошибочной.

Конкретные формы преступного поведения характеризуются определенным способом действия, местом и временем совершения преступления. Некоторые способы преступного действия (совершение преступления с особой жесткостью или издевательством над потерпевшим и др.) закон прямо называет обстоятельствами, отягчающими ответственность. Но они, равно как и смягчающие обстоятельства, и являются факторами, ближайшим образом указывающими на причины преступления.¹⁰ С другой стороны, факторы места и времени нередко играют роль обстоятельств, благоприятствующих совершению преступлений. Достаточно упомянуть о ночных неосвещенных улицах, на которых совершаются хулиганские действия и другие преступления. Уже только в силу сказанного нельзя игнорировать показания свидетелей-очевидцев об объективных свойствах преступления в качестве источников доказательств о причинах и условиях, способствовавших этому преступлению.

Кроме того, показания очевидцев-наблюдателей нередко ближайшим образом указывают на субъективные свойства преступного посягательства против личности и общественного порядка и проливают свет на психическое отношение виновных лиц к содеянному, а также на мотивы и цели их преступного поведения. Об этом свидетельствует, в частности, приведенный выше пример допроса очевидца Кырве по делу подростка Пиирсалу.

Вместе с тем, при расследовании преступлений против личности и общественного порядка необходимо иметь в виду, что на формирование показаний очевидца-наблюдателя существенно влияет его объективная роль в преступном событии. Одно дело, когда очевидец, наблюдая событие, имел реальную возможность предотвратить или пресечь преступление, либо активно действовать каким-либо иным образом, но не сделал этого из трусости, равнодушия, нежелания вмешиваться и нести обязанности свидетеля. Такой очевидец-наблюдатель, сознавая определенную безнравственность своего поведения во время происшествя, может сознательно исказить в своих показаниях истину, преувеличить опасность нападения и т. д. Другое дело, когда очевидец какого-либо преступного посягательства на личность и общественный порядок не имел объективной возможности вмешаться в происходящее на его глазах событие и активно влиять на него с целью предотвращения или пресечения преступления. К таким

⁹ А. М. Алексеев. Указ. работа, стр. 57.

¹⁰ См. напр., Г. Г. Зуйков. Выявление в процессе расследований причин и условий способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению. М., 1964, стр. 11.

случаям можно отнести, например, восприятие события человеком, прикованным болезнью к постели, вынужденную пассивность очевидца при групповом вооруженном нападении или реальной угрозе жизни и здоровью свидетеля, наблюдение за происшествием на большом расстоянии, из окна поезда и т. д.

Практика свидетельствует, что в показаниях активных очевидцев, а также очевидцев-наблюдателей, самоустранившихся от предотвращения или пресечения преступления, как правило, вплетаются значительные или малозначимые элементы дезинформации, носящие характер преувеличения опасности события. Активный свидетель неминуемо подвергается обостренным переживаниям, которые суживают его сознание и снижают полноту и точность отражения действительности. Отсюда могут вытекать неверные оценки размеров, количества, расстояний, неправильные суждения о соотношении, последовательности и других связях между предметами и явлениями¹¹, способных пролить свет на обстоятельства, облегчившие совершение преступления. Определенное влияние на формирование показаний активного очевидца может оказать также желание подчеркнуть свою смелость, решительность и находчивость в сложившейся ситуации.

С другой стороны, свидетель-наблюдатель, самоустранившийся от возможного, в сложившейся ситуации, предотвращения или пресечения преступного посягательства под влиянием страха, малодушия или других мотивов, оправдывая свое поведение не только перед следователем, но и перед самим собой, может вначале сознательно трансформировать воспринятое событие в выгодном для него свете, а затем уже подсознательно поверить в собственное измышление и выдать его за истину.¹² Здесь следователь имеет дело с весьма распространенным явлением, называемым психологами неполной ложью и выражающимся в том, что дающее показания лицо обрабатывает правду, искажая ее в выгодном для себя направлении. Часто встречающейся разновидностью неполной лжи является также умышленное частичное искажение истины в той ее части, правдивое освещение которой нежелательно для допрашиваемого свидетеля-очевидца.

При допросе свидетеля по делу о преступлении против личности и общественного порядка следователь должен учитывать характер взаимоотношений этого свидетеля с обвиняемым и потерпевшим, в частности, родственные или дружеские связи между ними. Практика показывает, что большинство свидетелей по делам исследуемой категории дает полные, обстоятельные и правдивые показания и в силу своих возможностей всячески со-

---

¹¹ См. А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., 1967, стр. 179.

¹² См. Н. И. Порубов. Допрос, изд. «Высшая школа», 1968, стр. 116—117; А. М. Алексеев, Указ. работа, стр. 62—63.

действует установлению истинных побудительных причин преступного действия. Вместе с тем следователь нередко сталкивается и с такой категорией свидетелей, которые, стремясь выгородить близкого им человека, из-за боязни мести или по иным мотивам замалчивают известные им факты о причинах и условиях, породивших преступление, а иногда дают ложные показания.

Применительно к оценке показаний очевидца-пассивного наблюдателя преступного события следует иметь в виду, что на точность восприятия весьма пагубно действует испуг, особенно, если сам объект восприятия носит угрожающий характер.¹³ Поэтому, допрашивая такого свидетеля, следователь должен с большой чуткостью относиться к психологии его показаний.

Допрос свидетеля — активного участника события, должен строиться в зависимости от индивидуальных характерологических особенностей допрашиваемого. Как указывалось выше, большинством свидетелей этой группы — люди с высоким сознанием гражданского долга. Оценка их показаний и тактика допроса не вызывают трудностей. Но именно в этой группе очевидцев встречаются отдельные люди, «которые, о чем бы они ни думали, ни говорили, делают центром своих мыслей и представлений самих себя и проявляют это в своем изложении. Для них — сознательно или невольно — все имеет значение лишь постольку, поскольку и в чем оно их касается» (Разрядка авт.).¹⁴

Тактика допроса таких очевидцев более сложна. В процессе свободного рассказа следователь должен распознать психологию свидетеля, у которого «в каждом предложении «я», на все смотрит через призму «я». Их показания могут быть очень точными в части, касающейся их личности, но обычно они очень поверхностны и неточны, если речь идет не о них».¹⁵

Помимо вопросов, приведенных в п. п. 6—10 (стр. 136—137), при допросе свидетелей — активных участников события, необходимо выяснить:

1) в какое время, в каком состоянии и при каких обстоятельствах свидетель оказался на месте происшествия, с кем он там был, какую часть события видел, известно ли ему, когда и почему началось преступное событие, знает ли обвиняемого и потерпевшего, каковы его взаимоотношения с ними;

2) в чем конкретно выражались действия каждого из участников события, что они при этом произносили, кому конкретно адресовали угрозу и оскорбления — всем присутствующим, оп-

¹³ Эту особенность восприятия очевидцев подметил еще в начале 20-го века В. В. Срезневский. См. В. В. Срезневский. Испуг и его влияние на некоторые физические и психические процессы, Спб., 1906. Позднее об этом писали А. Кони, А. Ратинов и др.

¹⁴ А. Ф. Кони. Избранные произведения, т. I, М., 1959, стр. 161.

ределенному лицу или безадресно, не находились ли участники события в нетрезвом состоянии;

3) во время какого эпизода свидетель вмешался в событие, что побудило его к этому, в чем конкретно выразились его действия и какую цель они преследовали;

4) принимал ли кто-нибудь, кроме свидетеля, какие-либо меры по пресечению преступления, если принимал, то кто именно, в чем выражались эти меры, как реагировали на событие спутники свидетеля и другие собравшиеся на месте происшествия лица, когда и кем виновный был задержан и доставлен в милицию и т. д.;

5) знает ли свидетель лиц, могущих подтвердить и дополнить его показания.

Безусловно, что и этот перечень вопросов является лишь примерным и не претендует на исчерпывающую полноту.

Максимальная детализация и последующая перепроверка показаний очевидца — активного участника события позволит следователю обнаружить проблемы и противоречия, отличить ложную информацию от правдивой, вскрыть мотивацию показаний, направленную на сгущение красок и выпячивание свидетелем собственной смелости, решительности и т. д. при пресечении преступления.

Наконец, при выявлении причин и условий, породивших конкретное преступление против личности и общественного порядка, следователь не должен забывать о возможных произвольных ошибках восприятия свидетелем тех или иных событий или эпизодов. К таким ошибкам следует отнести оптические, слуховые и др. искажения, неправильные суждения о соотношении и последовательности связей между предметами и явлениями, восполнение пробелов в воспринятой информации путем произвольной подмены действительных событий сведениями, заимствованными из личного опыта или чужих суждений, слухов и т. д. и последующая их оценка как естественных, в действительности имевших место, фактов.¹⁵ Поэтому, несомненно, важное значение показаний свидетелей-очевидцев для выявления причин и условий, способствовавших преступлениям исследуемой совокупности, не должно заслонять от следователя того обстоятельства, что очевидец — всего лишь человек со свойственными ему ошибками и заблуждениями. «При получении и проверке свидетельских показаний, — справедливо утверждает А. Р. Ратинов, — необходимо исследовать не только соответствие действительности конечных оценок и суждений свидетеля, но и реальность их чувственной основы, проверяя в необходимых случаях, воспринимал ли свидетель те признаки, на которых основаны эти оценки и суждения».¹⁶

¹⁵ См. А. Р. Ратинов. Указ. соч. стр. 179—180.

¹⁶ Там же, стр. 180.

Как и всякие другие доказательства, показания свидетелей — очевидцев должны быть тщательно исследованы и лишь после проверки и подтверждения, наряду с другими доказательствами, положены в основу выводов о причинах и условиях, породивших конкретное преступление против личности и общественного порядка.

Важным фактором, подлежащим учету при выявлении и допросе свидетелей-очевидцев по обстоятельствам, детерминирующим преступления исследуемой группы, является установление способности такого свидетеля анализировать факты, различные стечения обстоятельств, обстановку и ситуацию, благоприятствовавшие, по его мнению, совершению преступных посягательств. В этой связи следует согласиться с Г. Ф. Горским, полагающим, что в основном при доказывании причин и условий, способствующих совершению преступлений, с помощью свидетельских показаний, следует ориентироваться на лиц, достигших совершеннолетия.¹⁷ Разумеется, эта рекомендация не исключает возможности допроса несовершеннолетних свидетелей, особенно очевидцев, которые нередко могут сообщить следствию ценные факты, касающиеся обстоятельств, порождающих преступления. Чаще всего такие свидетели могут допрашиваться при исследовании конкретных причин преступлений против личности и общественного порядка, совершенных подростками.

---

¹⁷ См. Г. Ф. Горский, Указ. соч. стр. 49—50.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЭСТОНИИ

(XIX в. — октябрь 1917 г.)

Кандидат юридических наук Ю. А. Егоров

Тартуский госуниверситет

Уголовное право Эстонии (Эстляндия и северная часть Лифляндии с островами Сааремаа (Эзель) и др.) еще в XIX веке было проникнуто партикуляризмом и разнообразием. Законодательство в области уголовного права как и в области земского, так и городского права не отличалось в Эстонии единством. До судебной реформы 1889 г. в Прибалтике применялись даже нормы периода Ливонии (XIII—XVI вв.), не говоря уже о позднейшем периоде.

В своем отчете за 1885 год Эстляндский губернатор охарактеризовал уголовное законодательство Эстляндии как собрание множества, веками накопившихся, между собой не согласованных постановлений канонического, саксонского, общегерманского права и отдельных указов властей времен шведского, датского владычества.¹

Кроме того применялись еще «... Российские узаконения для этих (т. е. Прибалтийских — Ю. Е.) губерний изданных».²

¹ Центральный Государственный Исторический Архив ЭССР (в дальнейшем — ЦГИА ЭССР), ф. 29, оп. 8, ед. хр. 22, л. 12.

² Центральный Государственный Исторический архив СССР (в дальнейшем — ЦГИАЛ), ф. 1251, оп. 1, ед. хр. 48, л. 2.

О законодательстве в области уголовного права см. М. Гарузин. Указатель хронологический и систематический законов для Прибалтийских губерний с 1885—1894. Ревель 1894. А. С. Жиряев. Уголовное право. — «Юридический Вестник». Вып. 42. 1863. № 12. СПб. 1864, стр. 19 и сл. Л. Лесмент. Об особенностях применения шведского права в Прибалтике в XVI—XVIII вв. — Проблемы истории государства и права Эстонской ССР (материалы республиканской научной конференции 19—20 ноября 1968). Тарту, 1968, стр. 5.

Фере Н. Указатель хронологический и систематический законов для Прибалтийских губерний с 1885—1894. Ревель 1894.

А. Н. Филиппов. Лекции по истории русского права. Часть I. Юрьев, 1904, стр. 536.

Полное собрание законов Российской империи (В дальнейшем — ПСЗ), т. XXXIII, № 33878; т. XXXV, № 27607.

F. U n g e. Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Kurland. Reval, 1874. «Oigus» 1921, nr. 5—6, lk. 97.

Хотя еще в 1800—1820 гг. Рижский военный губернатор проявил инициативу в области законодательства, однако эта попытка не увенчалась успехом.³

Это объясняется тем, что местное (немецкое) дворянство всячески цеплялось за отжившее уголовное право — лишь бы сохранить свои привилегии.⁴ Суды носили явно сословный характер и это было их большим недостатком.⁵ Эта «сословная пристрастность уголовного суда приводит к крайне суровым приговорам в отношении подсудимых, принадлежащих к низшему сословию, и к стремлению облегчить, даже явно обойти закон, облегчить участь подсудимых дворян, горожан и лиц, принадлежащих к лютеранскому духовенству».⁶ Феодалное право, будучи сословным правом, исходило из того, что меры наказания по существующим нормам определялись тем, к какому сословию принадлежало лицо, совершившее или ставшее жертвой преступления.

До судебной реформы 1889 года местное законодательство основывалось на том, что виды преступления были следующие: 1) преступления против государственной власти, т. е. против губернатора; 2) государственная измена; 3) противорелигиозные; 4) убийство; 5) воровство и грабеж; 6) преступления против морали и, в частности, против нравственности. При нарушении супружеской верности было предусмотрено в качестве наказания сечение (в основном крестьян). Внебрачное рождение ребенка рассматривалось как самостоятельный вид преступления и мерой наказания в таких случаях обычно было предусмотрено сечение матери розгами. Лицо не считалось виновным, если: 1) преступление было совершено в результате превышения грани необходимой обороны. Доказательство последнего, однако, было связано с определенными предписаниями закона и обычаями; 2) деяние было совершено с нарушением пределов крайней необходимости.

На основании отчета лифляндского гражданского губернатора за 1851 год в Лифляндии было 5594 арестанта, среди кото-

E. Nottbeck. Die alte Griminalchronik Revels. Reval, 1884.

Ed. Osenbrüggen. Theorie und Praxis des Liv-, Esth- und Curländischen Criminalrechts. Dorpat, 1846. Н. I—2.

M. Wolffeldt. Mittheilungen aus dem Strafrecht und Strafprocess in Livland, Ehtland und Kurland. I—III. Leipzig-Dorpat, 1844, Nitau-Leipzig, 1848, 1853. Dorpater Juristische Studien. Band III. Jurjew (Dorpat), 1894.

O. Schmidt. Rechtsgeschichte Liv-, Est- und Kurlands. Dorpater Juristische Studien. Band III. Heft 2—3. Dorpat, 1894.

³ см. ЦГИАЛ, ф. 1260, оп. I, ед. хр. 468, лл. 2—110.

⁴ см. ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, ед. хр. 55, лл. 5—6. Ю. Егоров. Общественно-политический строй Эстонии (XIX в. — октябрь 1917 г.). — Уч. зап. ТГУ. Вып. 244. Тарту 1970, стр. 25 и др. Б. В. Виленский. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969, стр. 214—215.

⁵ Manaseina revizija. Redigejis A. Drizulis. Riga, 1949, lp. 159.

⁶ Из архива князя С. В. Шаховского, т. I. СПб., 1909, стр. 231.

рых на поселение был направлен 121 человек, в арестантские роты — 50 человек, к отдаче на военную службу — 39 и на каторжную работу — 6 человек. По приговорам судебных мест в тюрьмах содержались за преступления — 86 человек. Число пойманных т. н. бродяг и беглых — 762 человека (в городах 217 и в уездах 545). Бежавших из ссылки в их числе не было.⁷ В 1851 году в Лифляндии было совершено 1838 преступлений, в том числе мелких обманов, краж и т. п. — 719; случаев т. н. бродяжничества и нарушений паспортного режима — 572; случаев драки, пьянства, обид и маловажных проступков — 303, взломов и больших краж — 45, убийств — 24, конокрадства — 23, грабежей и разбоев — 7, тайного провоза товаров — 4.⁸

В 1854 году в Лифляндии, по официальным данным, были совершены следующие преступления: воровство — 417; пьянство, обиды — 120; кражи со взломом — 111; неповиновение начальству — 28; убийств — 17; нарушение торговых и кредитных постановлений — 10; преступления против веры — 9; детоубийства — 8; конокрадства — 7; грабежи и разбой вне жилых домов — 7; подделка официальных бумаг — 7; тайный провоз контрабанды и вина — 5; противозаконная лесная порубка — 5; грабеж и разбой в жилых домах — 5; поджоги — 4; ложные доносы и свидетельства — 4; преступления против порядка на службе — 3; насилие — 1; прелюбодеяние — 1; отравление — 1; изготовление фальшивой монеты и крепостных билетов — 1.⁹

Немалое значение имели телесные наказания. Так, в начале XIX века за кражу свыше двухсот рублей подсудимые в силу указа от 20 мая 1802 г. подвергались телесному наказанию 10 парами прутьев, по три раза публично на площади, и после такого наказания, в случае их годности, отдавались в рекруты, в противном же случае отправлялись на поселение в Сибирь. Поскольку по упомянутому указу телесное наказание должно производиться плетьюми, которые в Прибалтике редко применялись, то вместо наказания прутьями, которому крестьяне обыкновенно подвергались, обоих подсудимых подвергали 30 палочным ударам.¹⁰ Лифляндский гражданский губернатор признал этот приговор гофгерихта противоречащим указу от 20 мая 1802 г. и нашел, что следует наказывать на основании указа от

⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, ед. хр. 19, л. 35.

⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, ед. хр. 19, л. 35. В 1851 году в Лифляндии было 819.655 (мужчин — 385.210) жителей. О конокрадстве в Эстляндской губернии см. «Ревельские Известия», 1893, № 86, стр. 3.

⁹ см. ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, ед. хр. 26, л. 54. Сведения о числе и роде преступлений в Эстляндии в 1880 г. см. ф. 29, оп. 2, ед. хр. 4966, лл. 45, 49 и др.; в Лифляндии в 1870 г. ф. 296, оп. I, ед. хр. 49, лл. 52—54; в Лифляндии в 1871 г. ф. 296, оп. I, ед. хр. 50, л. 56.

¹⁰ Решение лифляндского гофгерихта от 26 августа 1809 г. ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 98, ед. хр. 886, л. 14.

14 мая 1802 г. плетью, каждого по 30 ударов, и затем сдавать в ректуры, а в случае непригодности к военной службе — сослать в Сибирь на поселение.¹¹

Преступников наказывали кнутом и клеймили литерами ВОР на лбу и на щеке.¹² В начале XIX века гакенрихтер барон Розен назначил крестьянину телесное наказание за то, что он якобы преступил границу разрешенной рыбной ловли в Чудском озере.¹³

Помещики имели право суда (как гражданского, так и уголовного) над крестьянами. Они располагали полицейской властью в пределах своего имения т. н. «правом домашнего наказания» (право подвергать крестьян телесным наказаниям), которое было острым орудием террора. В XIX столетии правительство пыталось уточнить и ограничить произвол помещиков в отношении крестьян.¹⁴ Во второй половине XIX века законодательство отменяет т. н. «право домашнего наказания» в том числе и в качестве самостоятельного уголовного наказания, вынесенного судом.¹⁵ «Правом домашнего наказания» пользовалась также церковь. Бывали случаи, когда, по указанию пастора, из деревень вызывались крестьяне, их жены и дети для проверки знания молитв. Тех, кто не смог угодить духовному «отцу», заключали на несколько часов в ручные и ножные колодки. При повторном незнании молитв продолжительность такого наказания увеличивалась вдвое. Детям вместо колодок предназначалась солидная порция розог. За некоторые, подчас самые невинные проступки, «церковный суд», состоявший из пастора и церковного попечителя, присуждал крестьянина к наказанию на столбе.¹⁶

До 1866 года, т. е. до введения Волостного положения, вся вотчинная полиция была в руках помещиков; крестьяне-хозяева до 1865 года подвергались телесному наказанию по определению волостных судов; батраки же могли быть наказаны без всякого суда не только помещиками, но и всеми хозяевами, у которых они служили. Законом от 4 июня 1865 г. крестьяне-хозяева были освобождены от телесного наказания и были также ли-

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 98, ед. хр. 886, л. 16. Приговор не был осуществлен, т. к. воры в 1810 году из тюрьмы сбежали.

¹² ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 98, ед. хр. 886, л. 28. О применении телесных наказаний лл. 1—57.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1347, оп. 82, ч. VI, ед. хр. 1387, л. 18. В протоколе гакенрихтера не было ясно указано, за что ему назначили телесное наказание. О наказании палками (решение лифляндского гофгерихта 1811 г., см. ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 98, ед. хр. 886, л. 25).

¹⁴ см. J. K a h k. Rahutused ja reformid. Tallinn, 1961, lk. 325—326.

¹⁵ см. Сборник узаконений о крестьянах Прибалтийских губерний. Сост. В. Е. Рейтерн, т. III, СПб., 1898, стр. 198, прим. 4 к ст. 638.

¹⁶ А. А. Нэу. Церковные сборы и повинности в Лифляндской губернии. Валк, 1905, стр. 25.

шены права наказывать находившихся у них в услужении работников.¹⁷ В 1889 г. в прибалтийских губерниях вместе с другими законами о судебных и административных преобразованиях были вновь реорганизованы волостные суды.¹⁸ Однако проступки были определены по содержанию устаревшими положениями о крестьянах.¹⁹

Во второй половине XIX в. основными источниками уголовного права Эстонии были: Уложение о наказаниях 1845 г. с соответствующими дополнениями и изменениями; Воинский устав о наказаниях 1875 года; Военно-морской устав о наказаниях 1886 года. Начиная с 1889 г. стали применять Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В 90-х гг. XIX в. главным источником уголовного права были законы, включенные в состав XVI тома Свода законов Российской империи.²⁰ Однако наряду со Сводом законов действовало еще множество различных положений и отдельных нормативных актов. Уголовное уложение 1903 г. значительно расширило пределы судейского произвола, понятие политического преступления и усилило наказания за борьбу против самодержавия.²¹ Хотя закон от 15 июня 1912 г. сделал несколько шагов в сторону частичного восстановления отдельных институтов, введенных Судебными уставами 1864 г., однако для Эстонии (Эстляндии и Лифляндии) он существенного значения не имел, т. к. здесь длительное время действовало Положение об усиленной и чрезвычайной охране, разрешавшее генерал-губернатору и министру внутренних дел передавать многие уголовные дела на рассмотрение военных судов.²²

Законодательство об исключительных положениях привело к сильному распространению смертной казни в Российской империи.²³ Временный Прибалтийский генерал-губернатор издал ряд

---

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1016, оп. I, ед. хр. 963, л. 4. «Эстляндские Губернские Ведомости» 1889, № 24, часть неоф. стр. 96 (об отмене телесного наказания для крестьян).

¹⁸ См. ПСЗ. Собрание третье, т. IX. № 6188. П. П. Пусторослев, Русское уголовно-судебное право — Уч. зап. Юрьевского ун-та. Вып. 4. Юрьев, 1915, стр. 293—296, 311.

¹⁹ См. там же, стр. 311—312.

²⁰ См. Энциклопедический словарь, т. XXXI, изд. Ф. Брокгауз и И. Ефрон. СПб, 1901, стр. 909—912. 18 мая 1909 г. Волостной Судебный устав Прибалтийских губерний, издания 1908 года, был включен в состав I части XVI тома Свода Законов.

²¹ Собрание узаконений (в дальнейшем — СУ), 1903, № 38 ст. 416.

²² В прибалтийских губерниях суд имел еще более ярко выраженный антидемократический характер. См. Э. Я. Стумбина. Суд и прокуратура Латвийской ССР (история и устройство). Рига, 1962, стр. 12 и др.

²³ См. А. М. Давидович. Государство и право царской России. — История советского государства и права. Книга первая. отв. ред. А. П. Косицын. М., 1968, стр. 51 и сл. П. П. Пусторослев. Русское уголовно-судебное право. — Уч. зап. Юрьевского ун-та. Вып. 2, Юрьев, 1915, стр. 132 и сл.

постановлений, которые намечали решительные и строгие меры, в отношении революционеров, с применением воинских частей.²⁴ Военное положение было объявлено в разное время не только во всей Прибалтике, но даже и в пределах Эстляндской губернии, а именно: 10 декабря 1905 года в г. Таллине и Таллинском (Ревельском) уезде, а затем, спустя 16 дней, и в остальных трех уездах.²⁵ В ноябре 1905 г. был издан указ об объявлении Лифляндской губернии на военном положении. 15 сентября 1908 г. вместо военного положения было введено положение об усиленной охране.²⁶ Последнее было неоднократно, по 1913 год, продлено.²⁷ В отчете Эстляндского губернатора указывалось, что положение об усиленной охране служит «... само по себе сдерживающим началом против всякого рода выступлений со стороны противников государственного порядка».²⁸ «Виновных» в революционных выступлениях привлекали к судебной ответственности. Но в случае невозможности «... добыть уличающих их фактов, к административной ответственности, как мере пресечения неблагонадежным элементам возможности дальнейшей агитации среди населения... главнейшая деятельность властей была направлена к административной высылке из края.»²⁹ В массовом порядке высылались «неблагонадежные» в политическом отношении лица в отдаленные местности царской империи (в порядке 34 ст. Положения о государственной охране). В 1906 г. из Тартуского уезда был выслан в Вологодскую губернию «под гласный надзор полиции» крестьянин М. Т. Клаас, обвиняемый «в распространении прокламаций, в агитации среди рабочего населения и в подстрекательстве лиц, подлежащих к исполнению воинской повинности».³⁰ К судебной ответственности его привлечь не удалось из-за «... неимения положительных против него улик».³¹ Ввиду того, что крестьянин Тартуского уезда Йоган Пепьям получил из Парижа напечатанные на эстонском языке периодические издания «революционного содержания» под заглавием «Oigus» («Право»), то это послужило поводом к «возбуждению дознания» в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства.

П. П. Пусторослев. Из лекций русского уголовно-судебного права. Вып. I. Юрьев, 1909, стр. 142 и сл. М. Н. Гернет. Смертная казнь. М., 1913, стр. 97—101. «Генерал-губернатор». Большая Советская Энциклопедия, второе изд. т. 10, стр. 400—401.

²⁴ см. ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 100, л. 6 и др.

²⁵ там же, л. 4; ф. 1276, оп. 17, ед. хр. 93, л. 45.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 17, ед. хр. 93, л. 49.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 90, л. 3; ф. 1276, оп. 17, ед. хр. 316, л. 157.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 90, л. 3.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 17, ед. хр. 93, л. 46; ф. 1284, оп. 197, ед. хр. 100, л. 5.

³⁰ Центральный Государственный архив Латвийской ССР (в дальнейшем — ЦГИА ЛССР), ф. 6989, оп. 2, ед. хр. 321, лл. 81, 84.

³¹ там же, л. 82.

производства.³² В связи с тем, что на собрании 25 июля 1906 г. (с разрешения полиции) в Отепяской волости Тартуского уезда произносились речи «преступного содержания», то власти приступили к «производству дознания» в порядке 1035 статьи Устава уголовного судопроизводства.³³ Крестьянин Юган Сепп в разговоре «со свидетелем» «позволил» себе высказать (в 1907 г.) следующие «дерзко-оскорбительные слова» против царя: «Наш государь кровопийца... из-за него много народу погибло на войне». Это оказалось достаточным, чтобы на основании распоряжения начальника лифляндского губернского правления ротмистр Тартуского уезда произвел в порядке 1035 статьи Устава уголовного судопроизводства «дознание» по обвинению Ю. Сеппа в преступлении, предусмотренном 103 статьей Уголовного уложения.³⁴ Значительное количество лиц привлекалось на основании ст. ст. 362,³⁵ 129,³⁶ 132,³⁷ а также ст. ст. 103, 126, Уголовного уложения и ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства. В апреле 1907 г. П. Я. Раудсеп распространял среди крестьян Вырусского уезда «преступного содержания» воззвания и был заключен под стражу. Его обвинили в преступлении, предусмотренном 129 статьей Уголовного уложения.³⁸

Произвол осуществляли также немецкие дворяне при участии эстонской буржуазии, создавшие для борьбы с революционным народом свои вооруженные отряды (т. н. «бюргевер» — «самозащиты»). «Особые поручения» выполнял также Особый Комитет при Управлении Балтийской и Псково-Рижской железных дорог, который имел в своем распоряжении, в частности, подвижной состав со «стражниками» — готовыми выполнять «особые поручения».³⁹

В 1914 г. с введением военного положения вступили в силу Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении.⁴⁰ В период мировой войны были изданы дополнительные уголовные законы, еще более повысившие наказания за воинские и государственные преступления.⁴¹ Нормы уголовного права должны были в условиях войны и подъема революцион-

³² ЦГИА ЛССР, ф. 6989, оп. 7, ед. хр. 59, л. 21.

³³ там же, ф. 6989, оп. 7, ед. хр. 59, л. 23.

³⁵ там же, ф. 13, оп. 2, ед. хр. 409, лл. 1—4.

³⁶ там же, ф. 6989, оп. 7, ед. хр. 59, л. 36 (станция Лелле, 1907 г.) л. 39 (Лууньяская волость, 1907 г.); л. 41 (имение Лелле, 1907 г.); л. 108 (уезд Вильянди, 1907 г.); л. 163 (г. Пярну, 1907 г.); ед. хр. 31, л. 6 (Раквереский уезд, 1905 г.).

³⁷ там же, ед. хр. 31; ед. хр. 59.

³⁸ там же, ф. 6989, оп. 7, ед. хр. 59, л. 50.

³⁹ там же, ф. 6989, оп. 2, ед. хр. 36.

⁴⁰ Свод законов Российской империи, т. II, раздел I, гл. I, ст. 23.

⁴¹ См. СУ, 5. XI 1915 г. № 317, ст. 2348; 26. VII 1914 г. № 203, ст. 2079; 31. VII 1915 г. № 220, ст. 1710 и др.

ного движения сыграть важную роль в деле подавления трудящихся масс. Устарелость, хаотичность и казуистичность уголовного законодательства способствовали судебскому произволу.

Временное правительство (в 1917 г.) пыталось создать видимость демократизации судебной системы и уголовного законодательства.⁴² Это однако не помешало массовому применению ст. ст. 51, 100, 108 и др. Уголовного уложения.⁴³ Временное правительство сохранило царские кодексы и Свод законов Российской империи. Конфликт Временного правительства и его ставленников с народом достиг перед Октябрем предельной остроты. «Партия повела массы на штурм капитализма именно тогда, когда для этого сложились соответствующие объективные и субъективные условия...»⁴⁴

В Эстонии, как и во всей России, была установлена советская власть, упразднившая реакционные судебные органы и эксплуататорское уголовное право.

---

⁴² Ю. Егоров. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. II. Тарту 1969, стр. 64 и сл.

⁴³ См. там же, стр. 76 и сл.

⁴⁴ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. «Правда», 1969, № 357 (18770), 23. XII.

SISUKORD — СОДЕРЖАНИЕ

И. Ребане. Некоторые проблемы борьбы с преступностью в Эстонской ССР	3
К. Раас. Nõukogude kriminaal- ja kriminaalprotsessi-seadusandluse ettevalmistamise teaduslikest alustest	15
А. Палтсер. Криминологические исследования на юридическом факультете Тартуского госуниверситета	24
К. Маркс. Корреляция алкоголизма с преступностью	36
А. Романов. К вопросу об оценке борьбы с рецидивной преступностью	47
Н. Kings. Retsidiivse kuriteo kriminoloogilise prognoosimise meetodikast	52
Х. Кингс. О методике криминологического прогнозирования рецидивного преступления. <i>Резюме</i>	60
Р. Ниита. Negatiivsetest faktoritest võitluses sotsialistliku vara pisi-riisumisega	63
П. Нуума. О негативных факторах в борьбе с мелкими хищениями социалистического имущества. <i>Резюме</i>	70
Н. Оргметс. Об эффективности применения к несовершеннолетним условного осуждения и мер наказания, не связанных с лишением свободы	72
G. Hazak. Mida mõista raskendavate asjaoludena ründe korral miilitsatöötaja või rahvamalevlase elule	81
Г. Хазак. О понятии «отягчающих обстоятельств» при посягательстве на жизнь работника милиции или народного дружинника. <i>Резюме</i>	90
Х. Рооп. О категорической и предположительной формах заключения судебного эксперта	93
Н. Lindmäe. Identifikatsiooniteooria probleeme kriminalistikas	102
Х. Линдмэе. Некоторые проблемы теории идентификации в криминалистике. <i>Резюме</i>	110
J. Mäll. Ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kuriteo toimepanemisega tekitatud kahjude hüvitamisest.	111
Ю. Мялль. О возмещении ущерба, причиненного предприятию, учреждению, организации, совершением преступления. <i>Резюме</i>	118
J. Adojaan. Materiaalse kahju hüvitamisest riigi ja ühiskonna vara riisumise asjades.	120
Ю. Адоян. К вопросу о возмещении материального ущерба, причиненного хищением государственного и общественного имущества. <i>Резюме</i>	129
П. Бейлинсон. Роль допроса свидетеля при выявлении причин и условий, способствующих тяжким преступным посягательствам на личность и общественный порядок	132
Ю. Егоров. Уголовное право Эстонии (XIX в. — октябрь 1917 г.)	144

Rbl. 0.95

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 001886 12 8